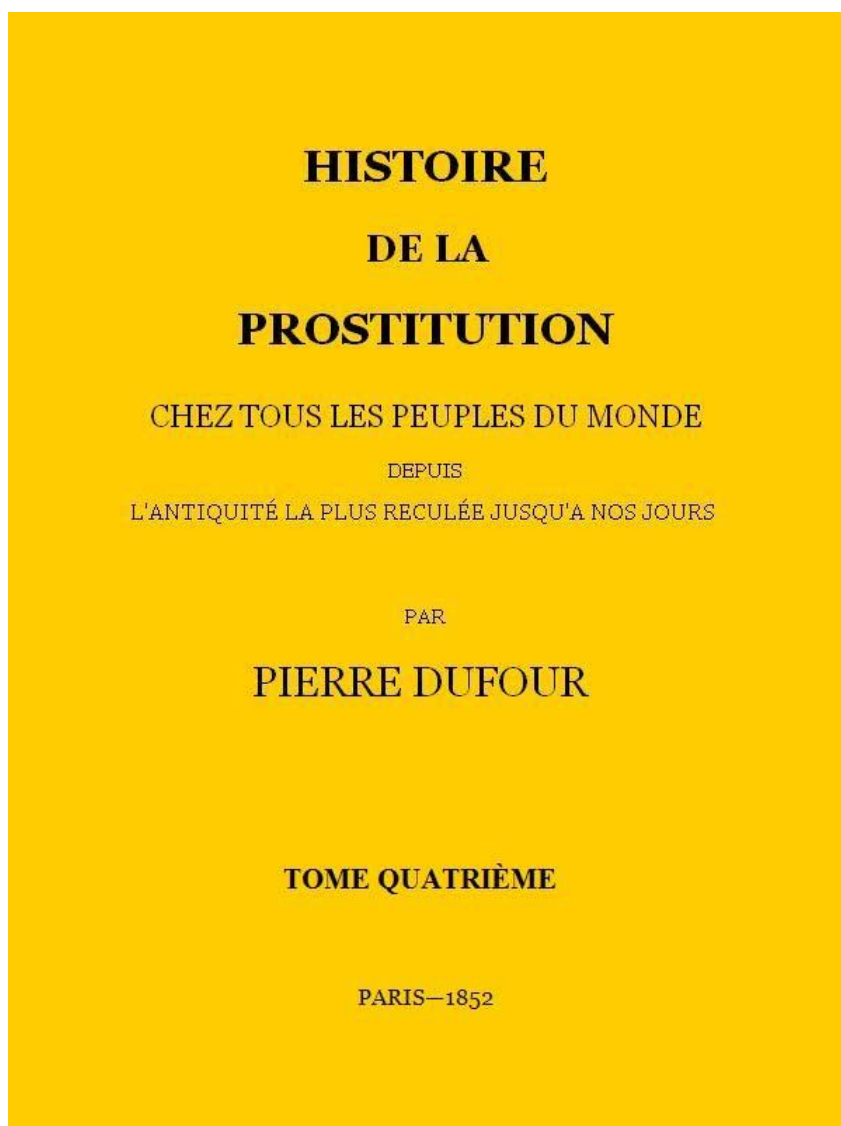

История проституции у всех народов мира с самой отдаленной древности до наших дней, том 4/6

П. Л. Жакоб

The Project Gutenberg eBook of Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde depuis l'antiquité la plus reculée jusqu'à nos jours, tome 4/6

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других стран мира без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde depuis l'antiquité la plus reculée jusqu'à nos jours, tome 4/6

Автор: П. Л. Жакоб

Дата выхода: 20 сентября 2013 [eBook #43772]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Французский

Аккредитация: Подготовлено Лораном Вогелем, Бибимбопом, Ги де Монпелье и командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Print проекта Google Print).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK HISTOIRE DE LA PROSTITUTION CHEZ TOUS LES PEUPLES DU MONDE DEPUIS L'ANTIQUITÉ LA PLUS RECUÉE JUSQU'À NOS JOURS, TOME 4/6 ***

Примечание к транскрипции:

Ошибки, явно допущенные типографом, исправлены. [Более подробное примечание](#) находится в конце этой книги.

Оглавление можно найти [здесь](#).

ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ ВО ВСЕХ НАРОДАХ МИРА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН И ДО НАШИХ ДНЕЙ, АВТОР: ПЬЕР ДЮФУР,

Член нескольких французских и иностранных академий и научных обществ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

20 прекрасных гравюр на стали, выполненных самыми выдающимися художниками.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОЛСТ

ПАРИЖ, 1853.

SERÉ, ÉDITEUR, RUE SAINT-ANDRÉ-DES-ARTS, 52;
И МАТИНОН, УЛИЦА ГРЕНЕЛЬ-СЕН-ОНОРЕ, 14.
ТИПОГРАФИЯ PLON FRÈRES,
RUE DE VAUGIRARD, 36, В ПАРИЖЕ.

ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ

СРЕДИ ВСЕХ НАРОДОВ МИРА ОТ САМОЙ ОТДАЛЕННОЙ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ,
АВТОР: ПЬЕР ДЮФУР,

Член нескольких французских и иностранных академий и научных обществ.

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПАРИЖ-1852

SERÉ, ÉDITEUR, 5, RUE DU PONT-DE-LODI,

И

P. MARTINON, RUE DU COQ-SAINT-HONORÉ, 4.

ФРАНЦИЯ.

ИСТОРИЯ

САЙТА

ПРОСТИТУЦИИ.

ГЛАВА VIII.

Резюме - Король рибо - Исследование прерогатив, ранга и должности этого служащего королевского дома - Определение его полномочий - Аналогия между *ministeriales palatini* Карла Великого и королями рибо.-Дополнения дворцовых министров -Рибальд или рибо - Филипп-Август организовал рибо в корпус платных войск -Свидетельства храбрости и неустрашимости этих грабительских и развратных орд.-Король рибальдов -Почетные и прибыльные преимущества этой должности -Голый рибальд -Последовательное падение значения королевской власти рибальдов -Рибальдрия -Оценка должности короля рибальдов в королевском доме.-Исследование о заработной плате короля рибальдов. -Крас Жозе, король рибальдов Филиппа Длинного. -Жан Герен, король рибальдов герцога Нормандии и Аквитании, сына Карла V.-Король нищих должен был быть верным и неподкупным защитником короля - Коклет.-Доказательства преданности Жана Таллерана, сеньора де Гриньо, короля рибальдов Франциска I ^{эр}-Еженедельные королевские полномочия вассалов короля рибальдов -Последние преобразования должности короля рибальдов при французском дворе.Дамы из *filles de joie*, следующие за придворными - Олив Сент - Сесиль де Вифвиль - Короли рибальдов, подчиняющиеся резиденции короля - Колин-Буль, король рибальдов Филиппа Доброго, герцога Бургундского - Приходской священник Нотр-Дам д'Аббевиль, король рибальдов.Бальдерик, король рибальдов Генриха II, короля Англии и герцога

Нормандии -Приписки от королей рибальдов провинциальных городов -Антуан де Сагиак, комиссар короля рибальдов Макона, и Колетт, жена Пьера Талона.

Именно здесь мы должны выявить необычного персонажа, которого история не показывает нам, по крайней мере, под его характерным именем, до правления Филиппа-Августа, и который вполне мог быть современником Карла Великого. Король рибальдов, *rex ribaldorum*, очевидно, с самого начала был верховным судьей проституции при дворе королей Франции. Множество ученых, от Жана Дютийе до Гуйе де Лонгемара, занимались эрудицией и написанием гениальных диссертаций, чтобы прояснить прерогативы, ранг и должность этого странного чиновника королевского дома; Они цитировали тексты ордонансов, открывали новые факты, заставляли говорить сокровища хартий, искали истину среди массы противоречивых свидетельств, но так и не пришли к согласию относительно истинного характера короля рибальдов, систематически пытаюсь возвысить или принизить его функции, которые были столь же сложны, сколь и обширны, столь же причудливы, сколь и ужасны. После стольких научных и критических работ, посвященных пролитию света на этот малоизвестный предмет, мы будем иметь дело с офисом короля нищих, которого мы рассматриваем как торжественного предшественника современных комиссаров полиции. В этом отношении мы полагаем, что можем дать довольно пространное историческое развитие своего рода расследованию этой древней судебной канцелярии, тесно связанной с историей проституции во Франции.

Практически все авторы, писавшие о короле рибо и пытавшиеся определить его атрибуцию, в большей или меньшей степени ошибались в выводах своих исследований, поскольку рассматривали лишь одну сторону этого персонажа и его должности. Так, Жан Бутилье, написавший свою *"Somme rurale"* около 1460 года, изображает короля рибо как *исполнителя приговоров и приказов маршалов и их провизоров, следующих за королем*; Жан ле Феррон делает его *первым сержантом королевских дворецких*; Карондас - *сержантом или комиссаром проректора гостиницы*; Клод Фоше - *консьержем королевского дворца*; Бельфорест - *проректором королевской гостиницы*; Рагуо - *великим магистром публичных девиц*; Этьен Паскье - *судебным приставом или сенешалем рибальдов*. Каждый из них наделял короля рибо определенной физиономией, более или менее ограниченной властью, более или менее значительным достоинством, не принимая во внимание последовательные изменения, которые время вносило в институт, включавший в себя самые разнообразные и многочисленные обязанности. Хронологическая компиляция всех мнений историков и юристов о загадочной должности короля нищих покажет, что ни один из них не объяснил роль, которую играл этот дворцовый чиновник в момент своего создания, и упадок, который должно было претерпеть его положение, по мере того как другие чиновники утверждались в королевском доме, за счет его привилегий и прав. Король рибальдов прекратил свое существование, когда его титул стал позорным, когда его прежняя власть перешла в несколько рук и когда его конкуренты, носившие почетные имена, еще при его жизни разделили между собой преемственность его должности, которая скорее впала в уныние, чем вышла из употребления. Этот последний король рибо, при французском дворе, после того как лучшие драгоценности его короны оспаривались и отбирались провиантмейстером отеля, консьержем дворца, провиантмейстером маршалов и другими офицерами более недавнего происхождения, чем он сам, имел горе видеть, как при воцарении Франциска I остаток его прежнего верховенства, которое он осуществлял над проституцией, *по мнению суда*, перешло в руки дамы из числа *filles de joie*; И так его скипетр полностью упал на землю".

Цитируя главу Карла Великого о внутренней охране королевских владений (том III, с. 319), мы говорили, что дворцовые чиновники (*ministeriales palatini*), отвечавшие за надзор и охрану этих владений, были очень похожи на королей-рибаудов, которых мы вновь, четыре века спустя, увидим осуществляющими тот же надзор в королевском дворце. Фактически, эти *ministeriales palatini*, из числа которых происходили великие офицеры короны, должны были иметь глаз и руку, чтобы выдворить из королевских резиденций любого подозрительного человека, мужчину или женщину, который туда войдет: это были прежде всего бродяги (*gadales*) и проститутки (*meretrices*), которые боялись юрисдикции *ministeriales palatini*; который суверенно судил дела такого рода и подвергал преступников порке. Это была действительно первая должность короля рибаудов, и можно с полным основанием утверждать, что, хотя он был назван таковым только при Филиппе-Августе, при Карле Великом он уже занимал эту должность. Вполне естественно, что сначала эта должность была учреждена в тех обширных фермах (*villæ*) или центрах сельскохозяйственной и производственной эксплуатации, которыми франкские короли владели в различных частях своей империи и доходы от которых составляли основное богатство королевского налога. Крепостные и слуги, подчиняясь определенным полицейским и административным законам, не были хозяевами своих тел и своего времени; заботились о том, чтобы оградить их от влияния праздности и проституции: их труд, здоровье и нравственность были таким образом защищены отцовской предусмотрительностью. Поэтому было очень важно, чтобы в гинекологические комнаты и общежития не попадали посторонние; Регулярность общинной жизни страдала бы от вредных контактов с женщинами с дурной репутацией, и достаточно было бы присутствия прокаженного, развратника, вора или нищего, чтобы распространить заразу, физическую или моральную, среди мирного населения этих светских пристанищ, которые собирали в одном месте несколько тысяч рабов обоих полов. Должностным лицом, отвечавшим за запрет посторонним входить и останавливаться на королевской вилле, был консьерж; в те времена его должность была эквивалентна должностям великого буфетчика, великого камергера и великого сенешаля. Для того чтобы стать королем рибаудов, нужно было изменить только одно имя.

Короли Меровингов и Карловингов, сопровождаемые многочисленной свитой офицеров и слуг, отправлялись в то или иное поместье, чтобы поселиться там, и множество людей, которых они тащили за собой, неизбежно пополнялось чужеземками, привлеченными соблазном наживы и поставленными на довольствие развратом. Поэтому требовался постоянный и особый орган власти, который поддерживал бы порядок среди этой массы людей и издавал постановления, требующие быстрого и безотказного исполнения, независимо от того, находился ли король в пути, *верхом на коне* или отдыхал в своих владениях. Отсюда возникла должность офицера или *министра* дворца, имевшего право жизни и смерти над любым человеком, который причинял беспокойство или беспорядок в царском доме. Аймоэн (Liv. V, ch. 10) сообщает, что Людовик Дебонёр изгнал из дворца огромный отряд женщин, претендовавших на службу королеве и сестрам короля (*omnem cœtum fœmineum, qui permaximus erat, palatio excludi indicavit*), и только небольшое число служанок, считавшихся необходимыми для нужд королевской службы, было исключено из этой меры. Но, несомненно, этот приток женщин вскоре возобновился, и дворы королей, королев и принцев стали объектом всевозможных голодных амбиций, всевозможных корыстных пороков и всевозможной низменной домашней жизни. Легко понять, что оперативное правосудие короля рибаудов было в полной силе до того, как его имя стало характеризовать его обычные полномочия и указывать на тип людей, которые были более непосредственно ответственны перед его безапелляционным судом. Это уточняющее название, по-видимому, появилось не ранее правления Филиппа-Августа.

Именно при нем в вульгарном языке появилось слово *ribaldus* или *ribaudo*, этимологию которого мы уже изучали в другом месте, и с тех пор оно имело дурную славу. В принципе, этим термином обозначались люди обоего пола, которые не имели признания и которых мы видим бродящими и промышляющими вокруг *ост* или королевской *кавалькады*, живущими проституцией, воровством, азартными играми и подаянием. Этот деградировавший сброд сильно разросся под предлогом крестовых походов, и в армии число кади и камердинеров, следующих за придворными, могло быть гораздо больше, чем число бойцов. Среди этих кади, всегда готовых к грабежу, были женщины, которые поощряли недержание и блуд под знаменем короля и под знаменами его вассалов. Филипп-Август придумал, как обратить необходимое зло себе на пользу: вместо того чтобы пытаться избавиться от бича *разврата* с помощью мучений и угроз, что, возможно, было тщетно, он организовал эти паразитические полчища в корпуса войск, которые были менее вредны для самого врага, чем для армии, за которой они следовали, как стая пожирающей саранчи. Историки умалчивают о том, каким образом он зачислил этих заблудших детей на военную службу и как, дисциплинируя их, удерживал на ней: но можно предположить, что он частично оставил их с их грабительскими и развратными привычками, что он закрывал глаза на их отвратительные излишества и что он не мешал им брать на войну столько женщин, сколько они могли набрать по пути. Как бы то ни было, эта банда хулиганов, состоящая из отбросов бродячей и обезумевшей солдатни, отличилась такими ратными подвигами, такими чудесными переворотами и такими многочисленными проявлениями храбрости и бесстрашия, что Филипп-Август превратил их в элитный корпус и особо выделил для охраны своей персоны. Летописцы рассказывают, что королю приходилось защищаться от кинжалов убийц, которых постоянно насылал на него Старик с Горы и которые один за другим набрасывались на обнаженные мечи рибальдов христианского короля. Эти рибальды сопровождали Филиппа-Августа повсюду в его войнах, где не жалели своей крови, движимые жадой грабежа. Гийом ле Бретон, который любит описывать их доблесть в своей "Филиппиде", изображает их неукротимыми героями, которые не уклоняются ни от какой опасности и даже не достаивают себя доспехами:

Et ribaldorum nihilominus agmen inerme,
Qui nunquam dubitant in quævis ire pericla.

В другом месте поэт показывает их нагруженными добычей:

Nec munus armigeri, ribaldorumque manipuli,
Ditati spoliis, et rebus, equisque subibant.

Когда Филипп-Август, покорив Пуату, осадил Тур, он выбрал капитана-рибальда (*duce ribaldo*), чтобы тот искал брод на Луаре; Как только брод был чудесным образом (*quasi per miracula*) найден этим капитаном, армия переправилась через реку, и *королевские рибальды* (*ribaldi regis*, говорит Ригорд), которые имеют привычку нападать первыми (*qui primos impetus in expugnandis munitionibus facere consueverunt*), побежали к лестницам, и город не стал ждать, пока его возьмут и разграбят, прежде чем открыть свои ворота перед королем.

Из этих и многих других подобных отрывков следует, что рибальды Филиппа-Августа составляли очень грозное ополчение, но плохо дисциплинированное и способное на любое насилие. Король, в обмен на их услуги, не требовал от них такой же покорности и дисциплинарных обязанностей, как от других ополченцев; Тем не менее, поскольку из-за дурного примера нельзя было оставлять безнаказанными все преступления в этом беспорядочном отряде, который едва ли признавал голос своих вождей и который, когда не сражался, не имел других занятий, кроме разврата, игры в кости, пьянства и богохульства, Король доверил верховное командование этими неукротимыми рибальдами одному из

главных офицеров своего дома, тому, кто возглавлял внутреннюю полицию жилища и королевского *острога* и традиционно пользовался грозной властью над преступниками всех мастей, совершавшимися в пределах его юрисдикции. Этот чиновник дворца представлялся окруженным древним престижем уважения и ужаса, потому что за ним повсюду следовали тюремщик и палач; он не делал никаких промежутков между приговором и казнью; он выносил смертный приговор так же легко, как и легкие наказания, которые он никогда не отделял от штрафа ради собственной выгоды. Должность короля рибальдов стала очень прибыльной, как за счет этих уголовных штрафов, так и за счет пошлин, которые он взимал с бреланов, таверн и публичных девушек. Он также имел долю в добыче, которую рибальды привозили из своих походов, и даже предъявлял права на военнопленных. В списке рыцарей, взятых в битве при Бувине, в 1214 году, значится: *Rogerus de Wafalia. Hunc habuit Rex Ribaldorum, quia dicebat se esse servientem*. Этот важный отрывок, процитированный Дюканжем, доказывает, что король рибальдов действовал как *сержант* короля во время войны; но он не позволяет нам решить, должен ли был этот офицер французской короны играть активную роль в сражениях, и сражался ли он во главе своей группы, как и другие капитаны. Это можно предположить на основании вымышленного рассказа в "Романе розы", написанном в XIII веке Гийомом де Лоррисом, в котором король рибо становится капитаном, когда *Бог Любви* собирает свою армию, чтобы освободить *Бель-Аккуэля* из тюрьмы; но тот факт, что он выбирает *Фо-семблана* возглавить рибо во время штурма, показывает, что плохая репутация солдат отразилась на их предводителе. Вот стихи из "Романа о розе", где Бог любви обращается к Фо-семблану, указывая, как ему следует себя вести:

Faux-semblant, par tel convenant,
Теперь ты будешь моим,
И помогать нашим друзьям,
И не будешь их обременять,
Но думать, чтобы отнять их
И всех наших врагов обременять.
Твоими будут власть и аренда,
Ведь король будет одним из рибалов".

Очевидно, что в этой цитате, как отмечает Паскье, король рибальдов представлен как капитан оружия, а не с характером магистрата. Однако у нас есть основания предполагать, что он мог быть и тем, и другим, если мы представим, какими были рибальды Филиппа-Августа, даже когда они были организованы как телохранители короля. Вождь, не имевший перевеса над судьей, никогда бы не смог дисциплинировать эту кучку жалких людишек, которых можно было держать в узде только страхом. Все историки этого периода полны зловещих портретов, которые знакомят нас с мучительной и опасной миссией короля нищих. Послушайте Гийома де Нейбриджа (Liv. V, chap. II): "Некоторые дети-пердуны из этого рода людей, которые называются *рибо*". Прислушаемся к Матье Парису: "Воры, изгнанники, беглецы, отлученные от церкви, которых Франция вульгарно объединяет под именем *рибо*". Но нигде образ жизни рибо не описан лучше, чем в *Chronique de Longpont*, где настоятель аббатства спрашивает Жана де Монмиреля, что он собирается делать в мире: "Я хочу быть рибо!" - гордо отвечает молодой человек, которому предстояло стать канонизированным святым. "Неужели это правда!" - воскликнул изумленный настоятель, - "неужели ты стремишься стать одним из тех мерзких людей, которые так же презренны перед Богом, как и перед людьми? Чтобы поставить себя на одну ступень с такими негодьями, разве не придется тебе клясться, как они, постоянно лжесвидетельствовать, играть в кости, носить табличку (*tabellam comportare*), таскать с собой наложницу (*pellicem circumducere*) на и постоянно прикладываться к вину?" Легко понять, что среди таких разбойников часто случались драки и

убийства, и что королю рибальдов часто приходилось вмешиваться, чтобы усмирить этих безумцев, которые предстают перед нами повсюду в сопровождении своих рибальдесс, таких же хищных, буйных и неисправимых, как и они сами. Вполне вероятно, что королевская рота рибAUDов была распущена после смерти Филиппа-Августа, возможно, в результате какого-то восстания; ведь если рибAUDы по-прежнему фигурируют во всех крестовых походах, всех войнах и всех кавалькадах, то они ничем не отличаются от армейских кадетов; они плохо вооружены, плохо одеты, настолько, что пословица "*голый, как рибAUD*" была актуальна уже в 1230 году, согласно старой рукописной хронике, из которой Дюканж извлек несколько стихов. Гийом Гиарт, изображающий рибо в своей исторической поэме "Королевские линьяжи", изображает их в самых жалких красках:

Bruient soudoiers et ribaus,
Qui de tout perdre sont si baus;

Иногда:

Ribauz, qui volentiers oidivent,
По древнему обычаю,
Queurent aux murs de la cité.

Иногда:

РибAUз, которые по древнему обычаю уходят,
По шанцам то тут, то там разбегаются:
Одни - груда дверей;
Другой - крюк или клубный торт.

Наконец, это были уже не регулярные или платные войска, а мародеры, которые опустошали страну, когда через нее проходили королевские отряды, и которые, набираясь со всех сторон, образовывали эти страшные отряды *авантюристов, рутьеров, коттереров и брабансонов*, которые Франция видела множасьими с их ужасными эксцессами вплоть до царствования Карла V: "Эти люди, - говорится в неопубликованной старой французской хронике, которую цитирует Дюканж, - эти люди, такие как котеро, разбойники, люди из компаньонов, пиллары, робёры, ларроны, все до одного, и они являются людьми неполноценными, и распущенными, и отлученными от церкви."

Поэтому король рибAUDов имел много дел с этими людьми, особенно когда армия короля находилась в поле; он отправлял быстрое правосудие и иногда председательствовал на казнях, чтобы придать им более торжественный характер и внушить больший ужас своим отвратительным подданным. Но его королевская власть уменьшалась по мере того, как увеличивался двор маршалов; поскольку царь зверей был лично привязан к резиденции короля, его видели только в тех поездках, где король присутствовал лично. В остальных местах, в военных походах, лагерях и гарнизонах, разбирательство и суждение обо всех преступлениях и проступках перешло к маршалам-провокаторам, которые постепенно переняли власть короля рибAUDов. В конце XIV века этот чиновник даже был вытеснен великим маршалом-провостом *из королевского ост- или шевалье*, что позволило Жану Бутилье утверждать, что король рибо отвечал за исполнение приговоров, вынесенных маршалом-провостом: "И если говорить о том, - добавляет он, - что ни одно лицо, которое будет приговорено к уголовной казни, то маршал-провокатор, по своему праву, получит ор и аргенты из казны преступника, а маршалы - шевалье и гарнуа и все прочие средства, если они есть, оставят за собой драп и привычки, какие есть, и какие есть жилеты, которые принадлежат королю рибAUDов, который совершит казнь." В то время, когда Бутилье писал

свою "*Somme rurale*", король рибальдов был не более чем тенью по сравнению с тем, чем он был; сам его титул приводил его в уныние, а доходы от его должности не делали ему чести: "Король рибальдов, - добавляет Бутилье, - по праву, в силу своей должности, владеет всеми играми в дез, берлан и другие, в которые играют в усадьбе и верхом на короле. *Пункт*, на все жилища бурдеальцев и бурдеальских женщин, должен иметь два соля в неделю". И это еще не все: власть короля рибо резиденции короля была ограничена пределами его юрисдикции, за пределами, где действовало множество других королей рибо, каждый в своем центре, следящих за нравственностью и назначаемых лордами или городами, а то и презренными депутатами их печальной королевской власти. Там, где существовал *рибауди*, естественно, был и король рибоауди. Титул *короля* обычно принадлежал главе или выборному представителю гильдии, особенно той, которая управляла несколькими отдельными общинами или объединяла под своим скипетром большое количество людей разных профессий. Так, *короли* не назначались в гильдии лопатчиков, бакалейщиков, пекарей и другие гильдии, в которых избирались только присяжные мастера, поскольку в них состояли только собратья того же порядка и выполняли работу того же характера; но существовал *король жонглеров*, *король менестрелей*, *король арбалетчиков* и, наконец, *король рибоделов*. Королевская власть жонглеров или поэтов объединяла в одной гильдии представителей самых разных жанров и талантов: *королевских поэтов* и *хурди-гурди*; менестрели, сменившие жонглеров или включившие их в устав великого братства, включали в себя не только музыкантов и поэтов, но и исполнителей баллад, танцоров и мимов. Что касается арбалетчиков, то их набирали без разбора из всех государственных органов, чтобы сформировать орган, который назначал король, выбранный по жребию или назначенный как самый искусный арбалетчик. *Рибоауди*, также состоявшее из людей разного рода, живущих множеством бесчестных ремесел, таких как *filles de joie*, маклеры проституции, развратники, игроки, железяки, нищие, бродяги и другие такого же качества, рибоауди, одним словом, также было достойно иметь своего короля. Король придворных рибо, безусловно, осуществлял, по крайней мере в некоторых случаях, своего рода верховенство над обычными королями рибо.

Клод Фоше в своей первой книге "Достоинства и магистраты Франции" дает нам довольно точную оценку должности короля рибо в королевском доме: "Селюй, - говорит он, - которого называют *королем рибо*, не исполнял обязанностей великого хозяина общежития, как это делали все остальные; он отвечает за то, чтобы отгонять от дома короля тех, кто не может ни ужинать, ни кушать"; потому что раньше те, кто был свободен от мяса (а именно это, как говорят, *ели в суде*), после звона колокола оказывались в *тиннеле*, или общей комнате, чтобы поесть, а остальные были вынуждены покинуть дом; А когда дверь была закрыта, ключи были принесены к столу великого магистра, потому что тем, у кого не было жен, запрещалось спать в королевском общежитии; а также, чтобы посмотреть, не спрятались ли какие-нибудь чужаки или не привели ли они сук, этот король рибалов с факелом в кулаке прошел по всем бухтам и тайным местам общежития, чтобы поискать этих чужаков, либо воров, либо других людей вышеупомянутого качества." Фоше, который был почти современником последнего короля рибо, изображает его при исполнении своих обязанностей таким, каким его видели еще при дворе Людовика XII; но Фоше не рассматривает этого офицера во всех его аспектах и не показывает нам его во все периоды его величия и упадка.

Этьен Паскье извлек эту статью из меморандума Счетной палаты в 1285 году: "Item, le roi des ribaux a six deniers de gages, et une provende, et un valet à gages, et soixante sols pour robbe par an". Поскольку до вышеупомянутой статьи два *привратника в парламенте*, когда короля там не было, получали по два сола жалованья за все, из этого сравнения заключили, что

король рибальдов, имея всего шесть дензнаков жалованья, занимал более низкое положение, чем привратник; Но, возможно, в этой выдержке есть ошибка, так как король рибальдов, помимо шести денариев жалованья и *провенанда* (или запаса овса для лошади), имеет шестьдесят солей *на роббе* в год, что не оставляет сомнений в том, что его шесть денариев жалованья были поденными и не входили в доходы его должности. В отчете о домашнем хозяйстве короля в 1312 году его *платный камердинер* упоминается как *проректор*: *Præpositus regis ribaldorum, qui duxit IV valletos qui vulnaverant*, etc. Этот проректор, очевидно, командовал отрядом лучников или сержантов, поскольку мы видим, как он забирает в тюрьму четырех камердинеров, обвиненных в ранении человека. В другом "Сводном отчете гостиницы короля" Филиппа ле Лонга за 1317 год мы видим, что король рибальдов снова появляется в качестве верховного начальника дворцовой полиции; после перечисления *привратников*, *швейцаров* и *привратниц* с их жалованьем, доходами и прибылью мы читаем следующую статью: "Пункт, Красс Жоэ, король Рибо, не должен находиться при дворе и не должен торговать в зале, если это не предписано; но у него есть шесть денек турнуа де бола и две кварты вина, один стул и одна булка, и один провенанс авоина и тридцать денек гаг, и он будет содержаться при эскулапе, и он должен находиться каждый день при входе и охранять все, что входит, для тех, кто войдет." Другая статья в том же *Compte* показывает короля рибальдов в действии во время еды, и эта статья вполне соответствует тому представлению, которое дает нам Фоше об обязанностях этого офицера в королевском дворце: "Item, assavoir est que les huissiers de salle, si tost comme l'en aura crié: *Aux Queux!* очистят комнату от всех людей, кроме тех, кто должен есть, и должны передать их у входа в комнату привратникам, а привратники должны содержать двор в чистоте и передавать их королю рибальдов, а король рибальдов должен следить за тем, чтобы он больше не входил в дверь, а тот, кто будет уличен в неисполнении, будет наказан хозяином общежития, который будет служить в этот день". Таким образом, в правление Филиппа Длинного король рибальдов уже утратил свои прежние привилегии, до того, что не имел *рта при дворе* и подчинялся хозяевам королевского дома. Это превосходство мэтров отеля особенно очевидно в парламентском постановлении от 16 марта 1404 года, которое сообщает нам, "что валеры короля рибальдов не носили жезлов, как это делали ашеры зала и носильщики королевского общежития, и что мэтры королевского общежития имели юрисдикцию над упомянутыми валерами короля рибальдов". О постепенном упадке должности короля рибальдов свидетельствует и сокращение его жалованья: в 1324 году в отчете о дворце короля оно составляло двадцать су; в 1350 году, согласно приказу Филиппа Валуа, оно не превышало 5 су в день; в 1386 году в приказе Карла VI говорится: "Королю рибальдов четыре соли парижских в день, когда он находится при дворе, за все дела".

Несмотря на упадок, эта должность короны сохраняла определенное значение, пока не была полностью упразднена в начале XVI века. Дютийе говорит, что "долгое время она была заполнена джентльменами из хорошего дома и с большими заслугами, чья власть содержала семьи принцев, лордов и других лиц, следующих за королевским двором, чтобы хорошо жить и платить хозяевам". Однако в истории упоминается король рибальдов, который был разжалован и посажен на столб вместе со своим проректором, вероятно, за то, что лишился своей должности. В отчете об отеле герцога Нормандии и Аквитании, сына Карла V, в 1388 году это примечательное событие упоминается в таких выражениях: "Жан Герен, король рибо, за расходы на себя и троих других по пути из Корбейля в Седан привел Гийе, бывшего короля рибо, и Пикардью, его наместника, чтобы посадить их в тюрьму". Можно предположить, что король рибо, которого таким образом вели к столбу, был начальником не в королевском доме, а в каком-то городе, находившемся под юрисдикцией короля рибо королевского отеля. Последний имел право казнить и торговаться с некоторыми пациентами, которые передавались ему после вынесения приговора обычными судами

королевского дворца, о чем говорится в регистрационных записях *Chambre des comptes* в 1330 году: "Люди из ходатайств дворца наложили вечное молчание на двух женщин, которые обжаловали арест *Chambre*, под страхом быть переданными королю рибо и быть наказанными как бесчестные". В отчете резиденции короля в 1396 году шестьдесят восемь су Парижа были выплачены рукой короля рибальдов душеприказчику, который повесил преступника по имени Жан Булар и заставил заживо похоронить женщину по имени Пернетт ла Басметт за кражу придворной посуды из замка Компьень. Королю рибальдов было чем заняться во дворце короля, если он хотел должным образом исполнять обязанности своей должности: несомненно, он не присутствовал лично на казнях, которые ему поручались, и обычно его заместитель заменял его в этих неприятных поручениях, но он сам платил палачу и отвечал за *работу*, которую его камердинеры оставляли в других руках. Эти камердинеры, как и их хозяин, носили *засосы со знаком меча*, говорит Дютийе, чтобы напомнить нам, что король рибальдов когда-то осуществлял уголовное правосудие в резиденции короля.

Этот персонаж должен был быть испытанным слугой королевской власти, верным и неподкупным защитником особы короля, поскольку охрана ворот и внутренняя охрана дворца во время еды и после комендантского часа были специально поручены ему. Поэтому неудивительно, что король рибальдов по имени Кокле внезапно умер от волнения во время коронации Карла VI в 1380 году. Жан Таллеран, лорд Гриньо, который считается последним обладателем этой должности, продемонстрировал свою преданность короне, посоветовав молодому герцогу Ангулемскому, который, по его мнению, был очень влюблен в Марию Английскую, не рисковать и не отдавать прямого наследника старому королю Людовику XII; Таково было, так сказать, завещание этой странной королевской власти, которая не пережила этого совета политического провидения, перед которым молодой принц, ставший Франциском Ier, почувствовал, как его неосмотрительная любовь остывает и угасает. Король Рибальдов не слишком далеко отошел от своих служебных обязанностей, когда давал подобные советы своему будущему государю, ведь он был не чужд вопросам супружеской измены и, по мнению некоторых ученых, требовал пять золотых монет с любой замужней женщины, имевшей незаконную связь с мужчиной помимо своего мужа. Но вполне вероятно, что король придворных рибальдов не разделял местных привилегий других королей рибальдов. Нам трудно применить к нему, например, то, что анонимный автор "Истории открытий" (Беви) говорит о штрафе в пять су со всех прелюбодейных женщин: "Если она отказывалась платить, он имел право захватить ее седло", что, вероятно, означает ее *кафедру*, или почетное место, которое она обычно занимала. Тот факт, что публичные дома, которые следовали за двором, платили ему патент, - обстоятельство, которое никак не противоречит привычкам и обычаям феодального права, где каждый феодал был обязан выплачивать своему господину королевские повинности. Согласно Бутилье и Рауго, еженедельная пошлина, которую платили вассалы короля рибальдов, составляла две золотые монеты. Жан ле Феррон, изображающий этого офицера как охранника королевских покоев, не колеблясь, однако, принижает его, утверждая, что он жил в своем доме и предоставлял жилье публичным девушкам для использования при дворе. Эта новая атрибуция, обогатившая королевскую семью рибальдов королевского дворца, не покажется нам столь лишеной правдоподобия, когда мы увидим, что на руинах этой должности была учреждена *должность дамы из придворных девиц*, аналогичная должность, которая была в полном ходу на протяжении большей части XVI века. Наконец, Дютийе добавляет к обязанностям, которые эти придворные девушки должны были выполнять перед своим королем Рибо, что они должны были *заправлять его постель* в течение всего мая.

После смерти *доброго* господина Гриньо королевская власть рибо пришла в упадок, и "одна дама, а иногда и великая дама, - говорит М. Рабуто, - осталась во главе полиции придворных

женщин". В 1535 году она была названа Оливой Святой и получила от Франциска Ier в дар девяносто ливров, "чтобы помочь ей и вышеупомянутым дочерям жить и нести расходы, которые им удобно делать, чтобы следовать за двором в обычном порядке". (См. глоссарий Дюканжа и Карпантье, слово *MERETRICALIS vestis*.) Сохранилось несколько подобных приказов, изданных в период с 1539 по 1546 год, из которых следует, что каждый год в мае все девушки при дворе удостоивались чести преподнести королю букет *обновок* или *валентинок*, которые предвещали возвращение весны и любовные утехы. 30 июня 1540 года Франциск Ier приказал Жану дю Валу, казначею своих сбережений, "выплатить Сесиль де Вифвиль, госпоже девушек *de joie suivant la cour*, сумму в 45 ливров турнуа, стоимостью в 20 золотых эску, по 45 солей за штуку: которые он дарит ей, как для себя, так и для других женщин и дочерей своего отпуска, чтобы они разделили их между собой по своему усмотрению, и это за плату за май месяц, как это было принято с незапамятных времен." Однако мы не согласны с месье Рабуто, который путает Сесиль де Вифвиль с *герцогиней* из старинного дома Ла Вьевиль, в котором были только маркизы при Генрихе III и герцоги при Людовике XIV. Месье Шампольон-Фижак, публикуя этот примечательный приказ в своих "Исторических записках" (т. IV, с. 479), проявил осторожность, чтобы не увидеть в побочной наследнице короля из рибAUDов благородную жену герцога и пэра! Эта позорная должность все еще существовала в 1558 году, поскольку Гуйе де Лонгемар обнаружил ордонанс Генриха II от 13 июля того же года, который реформировал злоупотребления этого учреждения: "Всем девицам радости и прочим, не находящимся на каторге у упомянутой дамы упомянутых девиц, предписывается и рекомендуется после публикации (ордонанса) беспрепятственно посещать суд, с запретом тем, кто находится на каторге у упомянутой дамы, ходить по деревням, а возницам, погонщикам и прочим - вести их, выводить или укладывать, клясться и хулить имя Божие под страхом кнута и клейма; и запрет, тем же способом, упомянутым *filles de joie*, повиноваться и следовать за упомянутой дамой, как это принято, с запретом оскорблять ее под страхом порки." Это была окончательная трансформация должности короля рибAUDов при французском дворе.

Что касается других королев рибо, которые, несомненно, подчинялись королевской канцелярии, то их можно найти повсюду в муниципальной истории городов, а также в частной истории княжеских домов. При бургундском дворе, например, существовал король рибо, чьи обязанности были схожи с обязанностями его коллеги при французском дворе. Колинбуль находился в подчинении у герцога Филиппа ле Бона, и это имя не наводит на мысль о человеке с высокими достоинствами. В 1423 году, правда, титул *короля рибо* уже потерял свой блеск, и приходскому священнику Нотр-Дам д'Аббевиль, должно быть, не очень лестно было слышать, как его называют *королем рибо*, потому что жонглеры, известные как *рибо*, платили ему дань и гонорары за свои выступления на сцене. Понятно, что такое описание не должно было вызвать уважения у тех, кто знал о бесчинствах рибAUDов, которыми их король управлял только силой строгости. Изначально этот чиновник был гораздо более уважаем и гораздо более влиятелен, поскольку рибAUDы еще не успели наложить свой отпечаток на его имя. В грамоте Генриха II, короля Англии и герцога Нормандии, правившего в 1154 году (см. Дюканж, при слове ПАНАГАТОР), этот чиновник первоначально был гораздо более уважаем и влиятелен. Дюканж, при слове ПАНАГАТОР), явно упоминается должность короля рибAUDов; а сержант короля, исполнявший эту должность, Бальдерик, сын Гиллебера, удостоенный милостей своего господина и назначенный великим проректором маршалов в провинции Нормандия, называется "опекуном публичных девушек, занимающихся проституцией в *публичном доме* Руана (*custos meretricum publice venalium in lupanar de Roth.*)".

В провинциальных городах король рибальдов был то судьей, то исполнителем уголовного правосудия по факту *рибаломании*. В старом реестре мэрии Бордо говорится, что любого осужденного "доставляли к королю рибо, чтобы он прогнал его через весь город, с хорошими прутьями и хорошими глаберами". В Меце тоже был свой король рибо, но он не был более заметной фигурой. Король рибальдов города Лаона не всегда ладил с бейлифом Вермандуа: в 1270 году его наместник по имени Пуансар (*Poinçardus, præpositus ribaldorum*) был обвинен в суде бейлифов в том, что в соучастии с Жаном ле Крозетоном и Витом Липуа совершил акты насилия против аббатства Сен-Мартен де Лаон и его настоятеля (см. Олим, изданный графом Бегнотом, т. I, с. 813). Это дело, несомненно, привело к упразднению должности короля рибальдов в Лаоне, поскольку Филипп III в ордонансе 1283 года приказал судебному приставу Вермандуа не допускать продолжения этой должности ни под каким предлогом, ни публично, ни тайно (*quod, clam vel palam vel sub aliquo simulato colore, non permittat, regem ribaldorum in villa Laudunensi*). Этот официальный запрет распространялся не на все населенные пункты: в 1483 году в городе Сент-Аманд жил "король любвеобильных девиц" по имени Якоб де Годунесм. Палач Тулузы принял титул короля рибо, как бы еще больше дискредитируя эту бедную королевскую власть. Наконец, Кутюм Камбрэ без обиняков определяет привилегии своего короля рибо: "Упомянутый король должен иметь, брать и получать с каждой женщины, которую сопровождает мужчина в *carnelement*, зарабатывая деньги, за все, пока у нее есть срочный или тигровый дом в аренду в городе: пять солей парижских за один раз. На всех женщин, приезжающих в город, которые впервые вступают в ординацию: два сола турнуа. С каждой женщины вышеупомянутого ордонанса, которая переезжает и поселяется в другом доме или эстуве, или выезжает за город и остается на одну ночь: двенадцать динаров, в зависимости от случая. Пункт: иметь стол и брэланг отдельно *luu*, в одном из фьефов дворца, или в таком месте, какое прикажет байли".

Эти статьи *Coutume de Cambrai* дают нам точное представление о пошлинах, которые король рибальдов этого города требовал не только от публичных женщин, живших в нем, но и от тех, кто просто проезжал через его владения. Эта плата и другие подобные ей не всегда выплачивались без труда, и агенты короля иногда сталкивались с ужасным сопротивлением. Например, некий Антуан де Сагиак, утверждавший, что он является уполномоченным короля по делам рибальдов Макона и заместителем государственного приказа по делам *голиардов*, или *шутов*, этого города, погиб в 1380 году в драке в деревне Божо, где он пытался оштрафовать на пять су замужнюю женщину, которую обвинил в прелюбодеянии. Пьер Талон (*Кальсис*), муж женщины, которую звали Колетт (*Кола*), и его брат Этьенн вступились за жену и невестку. Антуан де Сагиак был мерзавцем самого худшего сорта, который околачивался в кабаре и жил за счет несчастных женщин, которых он пристраивал на работу, под предлогом *мерзавства*, *голиардии* и *шутовства*, угрожая им тюремным заключением. На этот раз он ошибся: Колетт, уверенная в своей невинности, утверждала, что не спала ни с кем, кроме своего мужа; он поручился за ее невинность, и, когда негодяй хотел схватить предполагаемую прелюбодейку и отвезти ее в Макон, Пьер Талон и его брат вырубили его на месте. Судебный пристав Макона возбудил дело против убийц и Колетт, которая стала причиной убийства; Но следствие показало, что покойная ложно обвинила Колетту в том, что та бросила ее не мужу (*contra veritatem imponens quod ipsa cum alio quam viro occubuerat*), и что этот рибальд (*se gerens pro ribaldo et se dicens de ordine seu de statu goliardorum seu buffonum*) вел самую скандальную жизнь в тавернах и дурных местах, злоупотребляя простотой самых честных женщин, которых он облагал налогом от имени короля рибальдов. В пользу обвиняемых были запрошены и получены от письма о помиловании, которые больше не беспокоили по поводу смерти Антуана де Сагиака; Однако в этих письмах, оправдывавших Колетт, не было официально указано, что король рибальдов Макона не имел права штрафовать каждую замужнюю женщину, осужденную за

прелюбодеяние, на пять су (*super qualibet muliere uxorata adulterante, sibi competere et posse exigere quinque solidos et pro eisdem dictam talem mulierem de suo tripede pignorare*). Король Франции, казалось, наоборот, негласно признавал эту старую королевскую власть проституции (*de talique et alio vili quæstu*), которую ригауди Макона присвоила себе.

ГЛАВА IX.

Краткое содержание - Состояние проституции после ордонанса 1254 года - Учреждение полиции нравов - *Братства* публичных девушек - Ордонанс 1256 года - Таверны, ассимилированные в *Бордо* - Трактирщики. - Организация публичных девушек Людовиком IX - Евреи - Сумптурные ордонансы, касающиеся женщин дурного тона - Статус цирюльников - Моек и купальниц - Статус мясников - Смерть Святого Людовика. - Филипп Смелый - Указ 1272 года - *Аксилеты* и *золотые пояса* - *Знак* публичных девушек Тулузы - *Хорошая репутация лучше золотого пояса* - *Бегство айгилетт* и *бегство гильду*. - Три кисти Филиппа Красивого - Тауэр Несле - Филипп и Готье де Лонэ - Жан Буридан - *Осел Буридана* - Состояние нравов после крестовых походов - *Hic et hoc* - Тамплиеры.

Людовик IX проявил свою честность и благоразумие, пытаясь подавить проституцию королевстве Франция. Ордонанс 1254 года, в котором он объявил о всеобщем изгнании женщин с дурной репутацией, никогда не исполнялся в строгом порядке, потому что не мог быть исполнен. Чтобы избежать строгих предписаний закона, эти несчастные женщины занимались своим презренным ремеслом только втайне, прикрываясь всевозможными масками, чтобы их не узнали; они прибегали к всевозможным уловкам, чтобы не быть пойманными на месте преступления. Несомненно, их число значительно уменьшилось, и развратники стали встречать больше препятствий для удовлетворения своих постыдных страстей; но проституция все же продолжала свою отвратительную работу в тени, и почти всегда ей удавалось обмануть наблюдение судебных приставов, прокуроров и судей. Правда, теперь она царила не в местах общественного разврата, а в определенные часы, под властью определенных полицейских правил; она пряталась повсюду, так как не имела больше права показываться где бы то ни было, и существовала, с честной и даже респектабельной внешностью, в центре городов и в глубине частных домов, вместо того чтобы быть отведенной в пустынные районы и позорные *притоны*. Существа, упорно не повиновавшиеся приказу короля, были и должны были быть самыми порочными, самыми развращенными, самыми неисправимыми. Необходимость скрывать свою испорченность заставляла их, так сказать, еще больше извращаться, вооружаясь лицемерием и ложью; они могли защитить себя от подозрений, лишь приняв благородный вид и украсив себя притворной добродетелью; поэтому они часто посещали церкви и появлялись на улицах только с вуалью на лице и четками между пальцами. Некоторые из них, лишившись своего нечистого промысла, вступали в религиозные общины под предлогом покаяния и не улучшали нравы в монастырях.

Но вскоре поняли, что легальная проституция - меньшая помеха, чем оккультная и нелегальная; поняли также, что ее никогда не уничтожить, и даже придали ей новые провоцирующие силы, чтобы заставить ее принять любое имя и любую маскировку. Профессиональные распутницы всегда знали, где найти средства для осуществления своих скандальных привычек; они знали убежища своих сообщниц и безнаказанно приходили туда в любой час; им не хватало особого такта, чтобы отличить тысячу женщин, торгующих ее

телом; но часто они делали вид, что ошибаются, и обращались к почтенным женщинам, которые убегали, возмущенные тем, что подвергаются таким оскорблениям. Молодые послушницы еще более наивно понимали статус женщин, с которыми встречались наедине, и делали непристойные замечания. Именно тогда, - пишет Делама́ре в своем "Трактате о полиции", - и по этой причине впервые были изменены правила поведения в этой области дисциплины. Было принято решение терпимо относиться к этим несчастным жертвам нечистоплотности; но в то же время сделать их известными общественности и, так сказать, указать на них пальцем. Были определены улицы и места для их проживания, одежда, которую они могли носить, и часы их затворничества". Этот отрывок из "Трактата о полиции" весьма примечателен тем, что устанавливает дату учреждения полиции нравов, в то время как эта дата не установлена никакими современными свидетельствами, никакими королевскими или муниципальными постановлениями; но ученый Делама́р изучил древние памятники нашей юриспруденции, реестры парламента, Шатле, парижского прокурора, и он не стал бы выдвигать факт такого рода, не будь у него перед глазами доказательства: Вероятно, он проистекает из Устава корпорации *женщин, помешанных на своем теле*, Устава, который Соваль цитирует положительно, и который был составлен в то время, когда каждая профессия тщательно собирала свои старые привилегии и записывала их в архивы парижского губернатора. У нас есть ордонанс 1256 года (а не 1254, как говорит Делама́ре), который восстановил практику легальной проституции; но в этом ордонансе нет никаких упоминаний ни об улицах и местах, отведенных для проживания публичных девушек, ни об их одежде или ливрее, ни о часах их отлучек. Тем не менее, поскольку из более поздних ордонансов следует, что эти различные полицейские детали регулировались с особой тщательностью, вполне естественно приписать это постановление, связанное с парижскими торговками, Сен-Луи, а точнее Этьену Буало. Этьен Буало был назначен на должность провиантмейстера только в 1258 году, но уже давно пользовался уважением короля, который часто обращался к нему за советом и, выбрав его для восстановления должности провианта, иногда приходил посидеть рядом с ним, когда Буало отправлял правосудие в Шатле. "Именно этот мудрый проректор Парижа, - говорит Делама́ре, - объединил всех купцов и ремесленников в различные органы или сообщества под названием *конфедерации*, в соответствии с ремеслом или работами, которые отличали их друг от друга; именно он дал этим купцам первые уставы для их дисциплины". Не правда ли, очень просто понять общественные дочки в этой огромной организации ремесел, где законодатель постарался защитить права каждого человека и четко определить профессии в соответствии с их традиционными обычаями?

Поэтому Людовик IX согласился изменить свой ордонанс 1254 года: добавив несколько слов, которые на первый взгляд мало что меняли, он заставил его говорить противоположное тому, что он говорил раньше; это был окольный путь признания проституции терпимости. Вот статья, которая отменяла ту, что была в ордонансе 1254 года: "Пункт, согласно которому все эти женщины и женщины-рибо, живущие в обществе, должны быть выгнаны и вывешены из всех наших добрых городов и деревень; в частности, они должны быть выгнаны с улиц, которые находятся в этих добрых деревнях, и вывешены с болот и из всех святых мест, таких как церкви и циметьеров; И кто сдаст дом в упомянутых городах и поселках, в местах, еще не основанных, сумасшедшим простуткам или примет их в своем доме, тот должен внести и уплатить в заведения, которые мы будем содержать, арендную плату за дом за один год." Именно благодаря этому ордонансу, датированному Парижем, легальная проституция, исчезнувшая всего на два года, возобновила свое регулярное существование под защитой королевских чиновников; и все последующие ордонансы, касающиеся проституции, были основаны на этом ордонансе Людовика Святого, который если не создал, то, по крайней мере, реформировал полицию нравов. Статьи ордонанса 1256 года, предшествующие

процитированному нами, не совсем не имеют отношения к нашей теме, поскольку причисляют игроков в кости и богохульников к развратникам, приравнивая проституцию к игре в кости и богохульству. Поэтому святой король запрещает своим сенешалям, бейлифам и другим *чиновникам и слугам*, в каком бы состоянии они ни находились, произносить любые слова, которые вызывают презрение к Богу, Деве Марии или святым и святым: "И остерегайтесь, - добавляет он, - игры в кости, кларета и таверн". Затем он запрещает *подделку игральные кости* на всей территории своего королевства и приказывает, что любой человек, уличенный в игре в кости, *обычно или общей славе, посещающий таверны или публичные дома*, будет считаться бесчестным и не сможет давать показания в суде. Эти статьи закона доказывают, что при этом правлении таверны были не более печально известны, чем *бордели*, и это показывает, какие мужчины и женщины собирались в этих притонах разврата, куда нельзя было войти, не опозорив себя.

Это напоминало о римском праве, которое начали изучать юристы и которое осуждало таверны (*tabernæ*), где люди пили, ели, спали и играли. Однако в тот самый момент, когда указ короля объявил позорным всякого, кто был уличен в посещении этих дурных мест, парижский прокурор опубликовал устав трактирщиков, в котором, правда, речь шла только о продаже вина с аукциона; но поскольку трактирщиком мог стать любой, если у него были *деньги* и он платил королевские и городские пошлины, гильдия, состоявшая из самых разных людей, не должна была претендовать на уважение хороших людей. Эти трактирщики были обязаны лишь отмерять вино *по закону*; кроме того, они могли предаваться самому бесчестному ремеслу, открывая свои двери для *рибо* и *рибо*, которые проводили день, напиваясь, играя в кости, богохульствуя и совершая самые греховные поступки. В этот короткий период, когда проституция была вынуждена скрываться, таверны заменили кларет-бары, а последние стали тавернами, когда были восстановлены по приказу того же короля, который закрыл их, не разобравшись в их пользе. Деламаре утверждает, что именно в период междуцарствия легальной проституции публичные девушки стали называться в нашем языке "особыми и одиозными именами, которые обозначали бесчестье их разврата". Он считает, что эти названия были придуманы специально, чтобы внушить еще больший ужас и презрение к существам, заслужившим эти оскорбительные характеристики: "Несомненно, предполагалось, - говорит он, - что, сделав их известными таким образом, скромность, столь естественная для их пола, придет на помощь законам, и что мужчины сами будут стыдиться принимать их в местах и с существами, отмеченными столь большим позором".

Мы вынуждены строить догадки об организации публичных девушек Людовиком IX или, по крайней мере, во время правления этого святого короля; но несомненно, что такая организация существовала, и что она сохранялась при последующих правлениях без радикальных изменений; ведь именно на постановления Святого Людовика всегда ссылались его короли-преемники, когда регулировали легальную проституцию. В другой главе мы попытаемся выяснить, какими *были бурделиерские* улицы Парижа в то время. Мы не нашли ни одного исторического текста, подтверждающего, что женщины с дурной репутацией отличались от честных женщин либо позорным клеймом, как у евреев, либо одеждой определенного характерного цвета. Однако есть все основания полагать, что Людовик IX, который не хотел, чтобы евреев путали с христианами, принял такие же меры предосторожности в отношении проституток и обязал их носить подобный знак. В 1269 году евреи, чье проживание во Франции допускалось только на условиях, столь же обременительных, сколь и позорных, были обязаны под страхом тюремного заключения и произвольного штрафа пришивать к своему платью спереди и сзади "кусочек войлока или желтой ткани, диаметром в одну ладонь и четыре в окружности", называемый по-французски

rouelle, а по-латыни *rota* или *rotella*. С тех пор рубель постепенно утратил свою форму и размер; он стал треугольным и назывался *заготовкой*; когда его совсем отменили, он был размером не больше щита; но евреи платили большие суммы в казну Филиппа Долгого, чтобы освободиться от этого позорного знака, который сохранялся только у их бедняков до правления короля Иоанна, при котором рубель, наполовину красный, наполовину белый, размером с королевскую печать, был восстановлен. Разве не предположить, что *filles de joie* также были обязаны носить подобный знак? Мы докажем, что этот знак использовался в нескольких провинциях Франции. С еще большей долей вероятности мы утверждаем, что с того времени ордонансы о роскоши запрещали беспутным женщинам носить определенные ткани, меха и драгоценности. Первый известный ордонанс, в котором упоминается подобное постановление, датируется 1360 годом и содержится в *Livre Vert Ancien du Châtelet*, содержащей акты пробургомистра Парижа. В этом постановлении, которое, несомненно, является лишь подтверждением более древнего, губернатор Парижа запрещает "девушкам и женщинам дурной жизни, творящим телесные грехи, иметь дерзость носить на своих платьях и шаперонах любые гезы или вышивки, серебряные петлицы, белые или золотые, жемчуг, а также плащи, набитые серой, под страхом конфискации". Он приказал им оставить эти украшения в течение восьми дней, после чего любой сержант Шатле, обнаруживший их нарушение, мог арестовать их, за исключением мест, освященных для служения Богу, и лишить их вышеупомянутых украшений, требуя в случае нарушения по пять су Парижа за каждую женщину.

Прокурор Парижа Этьен Буало, осведомленный о добродетельных намерениях Святого Людовика, несомненно, взял на себя труд воплотить их в жизнь и пресечь все проявления проституции в столице королевства. Правда, в его "Жизни ремесел", где он подробно рассматривает производственную конституцию каждого ремесла, нет ни одного отрывка, в котором бы он выставлял себя реформатором морали; Однако, поскольку уставы гильдий ремесленников относятся к этому периоду, хотя и были подтверждены королями Франции лишь много позже, мы можем видеть из уставов и привилегий, составленных *prud'hommes* и старейшинами каждой отрасли, что полиция нравов была объектом внимания парижского магистрата, который первым дал свою официальную санкцию этому семейному праву, которое короли позже одобрили и признали грамотами. В Уставе цирюльников, подтвержденном в 1371 году, мастерам этого ремесла запрещалось держать в своих домах женщин с дурной репутацией и поощрять гнусное ремесло этих несчастных женщин под страхом лишения должности и одновременной потери всех своих *инструментов*: стульев, тазов, бритв и *других вещей, относящихся к этому ремеслу*, которые должны были быть проданы в пользу короля и общинной кассы (*caisse*). Парикмахеры, которые часто были одновременно и купальщиками, и парильщиками, не всегда прислушивались к запрету, а прибыль, которую они получали от проституции и *сутенерства*, побуждала их игнорировать денежные штрафы, которые постоянно приходилось восстанавливать новыми ордонансами. В Уставе парижских мясников, утвержденном в 1381 году, подмастерьям запрещалось жениться на женщине, которая была или остается государственной дочерью: "Если кто-либо берет в жены общественную дочь без согласия мэтра и юреса, он должен быть приватизирован к Бушери Грант в течение всего времени, чтобы не иметь права набивать хвосты, ни на одного, ни на другого, чтобы не потерять стулья; но он может набивать хвосты на одного из них, того, кого мэтр или юресы позовут или позовут." Наконец, согласно Уставу лингеров, женщины, опорооченные дурным нравом, не могли быть приняты в гильдию, а те, кому удалось добиться приема обманом или иным способом, должны были быть изгнаны по результатам расследования: чтобы подтвердить их позорное изгнание, Соваль (т. II, с. 147) говорит, что товары, к которым прикасались эти нечистые женщины, были выброшены на улицу.

Все усилия Людовика Святого и его министров по введению спасительных ограничений на проституцию, похоже, не имели того успеха, на который рассчитывали; благочестивый король под конец жизни раскаялся в том, что позволил пороку сделать ограниченную карьеру под защитой законов, и вернулся к своему первоначальному плану полностью искоренить пятно дурных нравов в своих государствах. Когда он готовился отправиться во второй крестовый поход, во время которого и погиб, его ужас перед нечистоплотностью вдохновил его воплотить в жизнь этот великий проект реформ. 25 июня 1269 года он написал из Эгю-Мортеса Матье, аббату Сен-Дени, и графу Симону де Несле: "Мы приказали, кроме того, полностью уничтожить пресловутую и явную проституцию (*notoria et manifesta prostibula*), которая пятнает своим позором наш верный народ и увлекает в бездну погибели стольких жертв; Мы приказали, чтобы эти скандалы преследовались в городах и в сельской местности, и чтобы наше королевство (*terram nostram plenius expurgari*) было абсолютно очищено от всех развратных людей и всех общественных злоумышленников (*flagitiosis hominibus ac malefactoribus publicis*).". В этом письме содержался позитивный приказ, который не позволила выполнить смерть короля. Распутные женщины и их презренная свита продолжали заниматься своим ремеслом в соответствии с предыдущими приказами, и никаких мер не было принято в отношении добродетельных планов Людовика IX, который в очередной раз потерпел бы неудачу в своем плане по очищению общественной морали. Однако мы можем предположить, что он передал своим сыновьям задачу провести эту реформу, на которую у него не было времени, поскольку он, кажется, намекает на нее в "Наставлениях", написанных его собственной рукой, которые он оставил после своей смерти Филиппу, своему старшему сыну и преемнику: "Garde-toy de fere chose qui à Dieu deplese, - говорил он в этом моральном завещании, - то есть смертный грех... Соблюдайте добрые обычаи вашего королевства и не допускайте дурных... Беги и избегай общества злодеев... Любите ближнего своего и его имущество и ненавидьте всякое зло, где бы оно ни находилось. Никто не должен быть настолько дерзок перед вами, чтобы произнести слово, привлекающее и возбуждающее грех". Филипп Смелый пожелал выполнить наставления своего славного отца.

На заседании парламента Вознесения в 1272 году этот король издал запретительный ордонанс против богохульства, мест разврата и игры в кости, которые осуждал Святой Людовик. Все, что мы имеем сейчас, - это письмо, разосланное всем бейлифам, в котором их просили "обеспечить, чтобы бароны в своих бейлифах и на земле охраняли упомянутый ордонанс, запрещающий гнусные клятвы, общий кларет и игры в кости: серебряный штраф, сказал король, может быть превращен в телесное наказание, в зависимости от качества человека и количества проступков". Утрата приказа, о котором сообщалось в этом письме, свидетельствует, как нам кажется, о том, что он так и не был выполнен и, возможно, был забыт еще до того, как Филипп Справедливый сменил Филиппа Смелого. Такое поголовное истребление кларетов было невозможно и опасно; молчаливая терпимость, которая до сих пор щадила их и лишь препятствовала их неумеренному размножению, сохранялась. Казалось бы, в те времена проституция была просто подчинена строгому полицейскому регламенту, и таким образом обеспечивалась безопасность добропорядочных женщин. Поэтому мы отнесем к правлению Филиппа Смелого два обычая, о которых вспоминает Паскье в своих "Исследованиях Франции", не называя их точной даты, но помещая их примерно во времена Людовика Святого. Вероятно, именно в это время проституткам запретили носить золотые пояса и приказали не появляться на публике без эгильета на плече. Цвет этой аигилетки варьировался в зависимости от города, в котором *обычная проститутка* имела право заниматься проституцией и жить. При обсуждении нравов и обычаев проституции в различных городах Франции мы увидим, что у публичных девушек Тулузы вместо аигулетты на плече был *знак* или *подвязка* на руке, и этот знак всегда

отличался по цвету от платья, чтобы лучше бросаться в глаза и возвещать о гнусном состоянии особы. "Преемники этого мудрого короля (Людовика IX), - пишет Паскье в главе XXXV своей книги VIII, - хотя и не разрешали бюргерш своими законами и эдиктами, но допускали их в виде попустительства, считая, что из двух зол нужно выбирать меньшее, и что целесообразнее терпеть публичных женщин, чем давать мешанкам возможность склонять к этому замужних женщин, которые должны были дать ясное обещание целомудрия. Правда, они хотели, чтобы таких женщин, которые в общественных местах отдаются первому встречному, не только считались позорными по закону, но и отличались по одежде от мудрых матрон; Именно поэтому во Франции раньше запрещалось носить *золотые пояса*, и по той же причине раньше желали, чтобы такие добрые дамы имели на себе какой-нибудь знак, чтобы их можно было отличить и узнать от остальных прелестных женщин: что означало носить жилет на плече."

Именно к этим двум древним обычаям Паскье относит две пословицы, ставшие популярными еще в XIII веке и не успевшие состариться настолько, чтобы перестать использоваться в наше время. Раньше говорили, да и сейчас говорят, что женщина управляет иглой, и что хорошая репутация лучше золотого пояса. Действительно, именно во времена правления Филиппа Смелого и Филиппа Справедливого мода завезла с Востока во Францию эти пояса из позолоченной кожи или золотой ткани, которые свод законов запрещал носить женщинам низкого статуса и, соответственно, рибалкам, которым, как и меринкам в Риме, не разрешалось носить золото или серебро. Запрет на предмет туалета наверняка казался невыносимым буржуазным женщинам и торговым мастерицам, которые считали себя почти приравненными к *сумасшедшим*, поэтому они мстили за запретительный эдикт, противопоставляя свою хорошую репутацию роскоши придворных дам, , которые не всегда вели безупречный образ жизни. Тем не менее, нарушения предписания о роскоши случались часто, и многие женщины украшали себя золотыми поясами, которые они не имели права носить. Сколько ни грозил им парижский прокурор конфискацией и штрафами, они упорно продолжали игнорировать преследования сержантов и играть роль дам с золотыми поясами. Рибо не осмелились взять на себя это запрещенное украшение, рискуя попасть в тюрьму и подвергнуться порке. Нет нужды опровергать тех писателей, которые без всякого основания утверждают, что золотой пояс давался как отличительный знак женщинам дурной репутации, и что честные женщины, которые не смели спутать себя с ними, позаимствовав это компрометирующее украшение, очень утешались тем, что лишались его, указывая на преимущества своей хорошей репутации. Что касается *aiguillette*, то он не так давно появился на плечах парижских проституток, хотя Паскье своими глазами видел, как в конце XVI века этот обычай практиковали в Тулузе пансионеры Шатель-Верта. По словам Паскье, *берство в aiguillette* означало "проституирование своего тела ради отказа от других". Вероятно, этот термин впервые был использован для обозначения женщин, которые бегали по улицам с *aiguillette* на плече. Не прошло много времени, как это живописное выражение было искажено, поскольку люди не знали о факте, который его породил: люди, сами того не зная и не меняя его первоначального значения, испортили его, когда вошло в привычку говорить *courir le guilledou*. Мы не будем пытаться убедить некоторых филологов в их ошибке, так как они пытались доказать, что рибо, говоря *aiguillette*, имели в виду прежде всего обувь людей, к которым они обращались, учитывая, что эта обувь была завязана и удерживалась шнурком или *aiguillette*. Эти филологи допустили анахронизм в археологии обуви, и их ввело в заблуждение неудачное сравнение двух типов *aiguillette*.

Как бы то ни было, при преемниках Людовика Святого проституция, как бы хорошо она ни регулировалась, нагло расширила свои владения, а нравы настолько расшатались, что три дочери Филиппа Красивого, Маргарита, королева Наваррская, Жанна, графиня Пуатье, и

Бланш, графиня Ла Марш, были одновременно обвинены в прелюбодеянии и по приказу короля заперты в одной тюрьме, в Шато-Гайяре. Их судили в камере, и ничего не выяснилось из тех невероятных эксцессов, в которых их обвиняли; только одну из них, Жанну де Бургонь, жену Филиппа, графа Пуатье, перевели в замок Дурдан, куда ее муж привез ее, чтобы вернуть ей свободу, если не честь. Маргарита, хотя и менее виновная, чем ее сестры, была задушена до смерти в своей тюрьме, а Бланш покинула свою только для того, чтобы быть отвергнутой и помещенной в монастырь Мобюиссон. Общественное мнение приписывало этим трем сестрам чудовищное соучастие в разврате и преступлениях; говорили, что они намеренно поселились в отеле де Несль, расположенном за стенами Парижа, на берегу Сены, на месте нынешнего дворца Института Франции, и что они привлекли в этот отель, принадлежавший Жанне, графине Пуатье, молодых школьников, которых они выделяли своей внешностью, среди тех, кто часто посещал Пре-о-Клерк. После удовлетворения похотливых желаний трех принцесс эти школьники были отравлены или зарезаны, а затем брошены в реку, которая похоронила печальные жертвы Тур-де-Несля. Два офицера дома этих принцесс, Филипп и Готье де Лонэ, которые были братьями, в 1314 году предстали перед судом в Понтуазе и были приговорены к расчленению заживо, что и было исполнено, а их тела были оставлены выставленными на виселице, как тела самых мерзких преступников. Но Жанне де Наваррской, которая никогда не жила в Отеле де Несль, не составило труда оправдаться перед судьями. Тем не менее блуд ее невесток отразился на ней, и вредная традиция, увековеченная в народе, сделала ее кровавой героиней разврата в отеле де Несль: Согласно этой ошибочной традиции, - пишет Робер Гаген в своем сборнике по истории Франции, - эта королева заставила нескольких школьников разделить с ней постель (*aliquot scholasticorum concubitu usam*), а чтобы скрыть свое преступление, после того как их убили, она выбросила их из окна своей спальни в реку. Только один из этих школьников, Жан Буридан, случайно избежал этой засады, поэтому он опубликовал софизм: *Reginam interficere nolite, timere bonum est*. Этот знаменитый софизм, который можно понимать и объяснять по-разному, является довольно недостойной загадкой знаменитого Жана Буридана, которого Парижский университет с честью включил в число своих профессоров философии в XIV веке. Буридан, который был ректором университета в 1320 году (см. Valère André's *Bibl. belg.*, p. 471), не мог быть простым школьником шестью или семью годами раньше. Что касается софизма, автором которого он считается, то мы считаем, что можем вернуть ему первоначальный смысл, написав его следующим образом: *Reginam interfodere nolite, timere bonum est*. Вместо глагола *interficere*, который здесь ничего не значит, мы поставим *interfodere*, *interferire*, *interferre* или любой другой глагол с эротическим значением, и тогда мы переведем: "Не ложись в постель с королевой; хорошо бояться этой опасной чести".

Традиция, связанная с Тур-де-Несль, сохранившаяся до конца XVII века, была настолько распространена среди парижан, что Брантом упоминает ее в своих *"Галантных дамах"*: "Эта королева, - говорит он, - стояла в парижском отеле de Nesle, которая, присматривая за прохожими и теми, кто приходил к ней и нравился ей больше всего, какого бы рода люди они ни были, заставляла их звать и приходить к себе, а получив от них то, что хотела, сбрасывала их с вершины башни, которая до сих пор видна внизу, в воду и топила их. Я не хочу сказать, что это правда, но простой народ, по крайней мере большая часть Парижа, утверждает это; и это не настолько распространено, чтобы, только показав ему башню и расспросив его, он сам не сказал этого". До Брантома Вийон также вспоминал эту трагическую историю, говоря в своей "Балладе о дамах нашего времени":

Semblablement où est la reine
Которая приказала Буридану
Бросить Буридана в мешок в Сене!

Но историческая легенда была необычайно ослаблена, и вместо трех распутных принцесс, ссорящихся и делящих ласки с красивыми, крепкими школярами, которых они обновляли каждую ночь, в историях, рассказанных простым народом, мы видели только королеву Франции, влюбленную в Буридана. Следует также отметить, что этот Буридан, возможно, намекнул на свое приключение в Тур-де-Несль, придумав аллегорию, ставшую пословицей и известную как "*Буриданов осел*": он изобразил осла, умирающего от голода между двумя бушелями овса, вместо того чтобы выбрать между одним и другим. Не является ли этот осел самим Буриданом между двумя или тремя одинаково прекрасными принцессами, одинаково нетерпеливо ожидающими удовольствия?

Более того, если женщины, если сами принцессы так охотно бегали за мужчинами, то, возможно, потому, что мужчины делали вид, что презирают их, и больше не заботились о них. Со времен крестовых походов во все слои общества проник ужасный либертинизм, и противоестественный порок, который французское пребывание в Палестине акклиматизировало во Франции, все еще грозил, несмотря на рыцарство, заразить нравы и развратить все население. Мы уже приводили цитаты из книги Жака де Витри "*Histoire occidentale*", в которой нарисована пугающая картина испорченности его современников. Французский поэт того же периода Готье де Коинси, хотя и был настоятелем аббатства Сен-Медар де Суассон, изобразил жизнь монастыря в столь же позорных красках в своей "*Фаблю святого Леокада*" (Fabliau de sainte Léocade):

La Grammaire *hic* à *hic* accouple;
Но природа проклиная эту пару.
Вечная смерть порождает
Того, кто любит мужской пол
Больше, чем женский - лицо,
И Диэкс из своей книги вычеркивает его.
Природа смеется, как мне кажется,
Когда *hic* и *hos* соединяются вместе.
Но при соединении *hic* и *hic* все теряется,
Природа слишком долго эспердуэ.....

Этот отвратительный порок разросся до такой степени, что легальная проституция заслуживала поощрения как средство или, по крайней мере, как паллиатив против такой мерзости. Казалось, само существование общества оказалось под угрозой, когда Филипп Справедливый, не обладавший ни решительностью, ни энергией, решил остановить прогресс содомии, поражая террором тех, кто подавал пример этого преступного извращения чувств: это и стало главной причиной суда над рыцарями-тамплиерами. Внимательное прочтение подлинных документов этого процесса показало нам, что Филипп Справедливый преследовал в этом религиозном и военном ордене только святотатство и разврат, достигшие высшей степени дерзости и скандала. "Какого бы мнения ни придерживаться относительно правления тамплиеров и первобытной невинности ордена, - говорит прославленный историк Мишле, напуганный внушительными доказательствами, которые он впервые привел и которые все подтверждают наше мнение, - нетрудно вынести суждение о беспорядках его последней эпохи, беспорядках, аналогичных тем, что происходят в религиозных орденах". Публикация подлинных документов неопровержимо доказывает, что весь орден Храма был заражен самым отвратительным развратом". Филипп

Справедливый, в согласии с папой Бонифацием VIII, имел мужество атаковать зло у его источника и попытался задушить его под обломками ордена Храма, который распространял его, прикрывая своим белым плащом. Мы не знаем, какая хроника приписывает мести женщины позорное обвинение, выдвинутое против тамплиеров в 1307 году, которое вскоре зажгло их костры по всей Европе. Допрос, которому подверглись Великий магистр и двести тридцать один рыцарь или брат-слуга в Париже в присутствии папских комиссаров, "велся медленно, - говорит Мишле, - с большой осторожностью и мягкостью"

высокопоставленными церковными сановниками, и, несмотря на систематические отрицания обвиняемых, остается доказанным, что большинство обвинений, касающихся нечестной морали ордена, были вполне реальными. Сам характер пыток, которым подвергались осужденные, является достаточным доказательством природы преступлений, которые общественная молва приписывала им в течение долгого времени, прежде чем тщательное расследование выявило их бесчестье.

Тамплиеров повсеместно осуждали; их главные пороки - гордыня, скупость, честолюбие, пьянство, нечестие - вошли в поговорку; но если об этом говорили в народе: Но если в народе говорили, что *они пьют, клянутся и объедаются, как тамплиеры*, а поэты-сатирики с удовольствием перечисляли пороки этих монахов-солдат, то никто не знал о чудовищных бесчинствах, творившихся в Ордене Храма, который превратился в одиозную секту, предававшуюся самой отвратительной форме проституции. На основании показаний первых свидетелей, спонтанно выступивших с обвинением тамплиеров, был составлен ряд вопросов, по которым все обвиняемые были допрошены по отдельности, и из их более или менее уклончивых ответов можно было с уверенностью заключить, что, во время церемонии приема братьев принимаемый и принимающий целовали друг друга в рот, пупок или живот, анус или нижнюю часть спины, а иногда и в виргинский член (*aliquando in virga virili*); что обычно этому способу нечистых поцелуев подвергался только тот, кто отрекся от Иисуса Христа и плюнул на крест; что его крестный отец запрещал ему иметь сношения с женщинами, но разрешал предаваться самым ужасным излишествам блуда со своими сотрапезниками. Большое число рыцарей-тамплиеров, верных своим взаимным клятвам, с гордостью протестовали против того, что они называли нелепой клеветой. Некоторые, запуганные или побежденные, быстро сделали подробные признания, а остальные удовлетворились заявлением, что не участвовали ни в одном предосудительном поступке, отметив при этом непристойность приема рыцарей, согласно уставу ордена. Более того, никто не объяснял эти уставы и не пытался оправдать их странные и загадочные ужасы. Югэ де Барис рассказывал, что во время церемонии его приема, когда он снял с себя всю одежду, кроме рубашки, брат, отвечавший за прием, помог ему надеть мантию и мантию ордена, поднял его одежду спереди и сзади (*frater P. levavit ipsi testi vestes ante et retro*) и неожиданно поцеловал его в рот, в пупок и в поясницу. Матье де Тилли же рассказывает, что принявший его брат, заставив его отречься от Иисуса Христа и плюнуть на крест, велел целовать его в обнаженную плоть и обнажил бедро, к которому восприемник приложился губами (*præcepit quod oscularetur eum in carne nuda, et discoperuit se circa femur, et ipse fuit osculatus eum in anca circa illum*); затем брат-приемник добавил: *Et devant!* закатав халат, что заставило получателя предположить, что он должен приобщиться к одиозной практике (*quod deberet eum osculari ante circa femoralia*); но его больше не спрашивали, и он остался с позором, услышав адресованное ему гнусное предписание. Жан де Сен-Жюст, получив приказ поцеловать анус принявшего его брата (*præcepit ei quod oscularetur eum in ano*), возмущенно ответил, что никогда не подчинится этому позору.

Многие тамплиеры признавали, что во время приема их приглашали и разрешали им заниматься проституцией со своими братьями по религии; но все они утверждали, что

ничего подобного не делали, и даже считали, что содомия в Ордене Храма - такая же редкость, как и в любом другом монашеском ордене. Вот показания Жана де Сен-Жюста: *Deinde dixit ei quod poterat carnaliter commisceri cum fratribus ordinis et pati quod ipsi commiscerentur cum eo; hoc tamen non fecit, nec fuit requisitus, nec scit, nec audivit quod fratres ordinis committerent peccatum prædictum.* Отречение Родольфа де Таверна еще более недвусмысленно, поскольку, требуя от него обета целомудрия в отношении женщин, ему советовали погасить огонь его естественной пылкости другими способами: *Deinde dixit ei quod, ex quo voverat castitatem, debebat abstinere a mulieribus, ne ordo infamaretur; verumtamen, secundum dicta puncta, si haberet calorem naturalem, poterat refrigerare, et carnaliter commisceri cum fratribus ordinis, et ipsi cum eo: hoc tamen non fecit, nec credit quod in ordine fieret.* Показания Жерара де Коссе были не менее подробными, хотя и содержали явное противоречие. Так, по его словам, любой рыцарь Храма, виновный в содомии (*si essent convicti de crimine sodomitico*), приговаривался к вечному заточению, а братья, опасаясь искушений дьявола на этот счет, держали свои дортуары освещенными по ночам (*et quod tenerent lumen de nocte in loco in quo jacerent, ne hostis inimicus daret eis occasionem delinquendi*); Однако, когда Жерар де Коссе был посвящен в рыцари, один из братьев-ассессоров сказал ему, что если он не может устоять перед соблазнами плотской похоти, то для чести ордена ему лучше согрешить со своими товарищами, (*dixit eis quod si haberent calorem et motus carnales, poterant ad invicem carnaliter commisceri, si volebant, quia melius erat quod hoc facerent inter se, ne ordo vituperaretur, quam si accederent ad mulieres*). Этот тамплиер, как и другие, не преминул заявить, что никогда не видел и не слышал, чтобы его соратники следовали этому позорному предписанию.

Последствия этого суда были ужасны: многие тамплиеры были замучены до смерти. Орден Храма, упраздненный и преданный анафеме, тем не менее, не исчез совсем, а продолжал существовать в тени, с теми же нравами, если верить некоторым рассказам, не имеющим всей полноты исторических доказательств. Однако после прочтения и сравнения документов этого памятного процесса, который показывает нам секту содомитов и безбожников, одетых в религиозные одежды и предающихся отвратительным беспорядкам перед алтарями, мы вынуждены искать причины разложения этого ордена, который долгое время пользовался уважением благодаря своей регулярной морали и добродетели: Эти причины следует искать в долгом пребывании тамплиеров на Востоке, где противоестественные пороки почти эндемичны и где страх перед проказой, жгучей болезнью и различными недугами кожи и органов всегда связан с торговлей женщинами. Рыцари-тамплиеры, опасаясь стать прокаженными и *брыжжами*, осквернили свои души и тела, приняв и одобряв самую постыдную из всех проституций.

ГЛАВА X.

Sommaire.-Les mauvais lieux de Paris.-Topographie de la Prostitution parisienne au moyen âge.-La rue de la Plâtrière.-La rue du Puon.-La rue des Cordèles.-La petite ruelle de Saint-Sevrin.-La rue de l'Ospital.-La rue Saint-Syphorien.-La rue de la Chaveterie.-La rue Saint-Hilaire.-Le clos Burniau.-La rue du Noyer.-La rue du Bon-Puits.-Улица Эколь.-Улица Кокатрикс.-Улица Шаруи.-Руэль Сент-Круа.-Улица Жервез-Лоранс.-Улица Мармузе.-Улица де Шевес.-Ле Валь д'Амур.-Улица Сен-Дени де ла Шартр.-Улица Лавандьер.-Площадь Пурсо.-Улица Бетизи.-Улица Арбре-Сек.-Улица Мэтр-Уре.-Улица Бьяубурк и так далее.

У нас очень мало информации об истории "грязных улиц" Парижа, и мы едва можем установить их локальную ситуацию в определенное время до шестнадцатого века. Однако, начиная с XIII века, мы находим их названия в публичных актах (*instrumenta*) прокурора, в картотеках приходов и монастырей, в земельных кадастрах, в счетах различных юрисдикций и даже в старой поэзии. Таким образом, с помощью этих документов мы можем установить, так сказать, топографию парижской проституции в Средние века. К сожалению, составляя эту дорожную карту злополучных столичных улиц, мы не можем добавить живописных деталей и любопытных особенностей, которые были бы желанным отвлечением для читателя посреди монотонной антикварной диссертации. Этих подробностей совершенно не хватает, и если бы мы знали, какие улицы и переулки имели то печальное назначение, которое многие из них сохранили до сих пор, мы не знаем, каков был внешний облик этих притонов разврата, каковы были их названия и вывески, по крайней мере, большинства из них, какова была обычная система их безнравственной организации и, наконец, какова была их внутренняя физиономия. В этом отношении все оставлено на волю воображения, которое вольно обратиться к Рабле и даже Регье за подходящими красками для рисования *бургундов* наших предков. Но все же, хотя мы имеем лишь самые смутные и несовершенные представления о тайнах такого предмета, мы считаем полезным и интересным составить археологическую опись этих мест, которые, как мы увидим, постепенно удаляются от центра города и которые, по-видимому, были оплотом *дамы Венеры* и ее сына *Купидона*, которых французское Средневековье едва ли окружало мифологическими реминисценциями.

В те времена привилегий и традиций у каждого ремесла были свои районы и улицы, за которыми оно закрепило свое название: это были *мастерские*, *окна* и *цеха* мастеров этого ремесла; только там они сосредотачивали свою промышленность и торговлю. Проституция, которая вела себя как одно из этих ремесел, не могла ограничиваться одним районом или занимать несколько прилегающих улиц; ведь в ее сущности и интересах было разделить свои силы и распространиться сразу на все районы, чтобы иметь больше возможностей раскинуть свои сети повсюду и унести больше жертв. Полиция, которая регулировала его деятельность, всегда противилась этому распространению либертинизма во всех частях города и постоянно старалась ограничить нечистую область, которую они предоставляли простым женщинам. Такова была борьба, которую на протяжении нескольких столетий вела проституция, поочередно противостоявшая власти архиепископа Парижского, прокурора, парламента и даже короля. Ее посягательства, ее упрямство и дерзость противостоят ордонансам, постановлениям и сержантам; она лишь устало отдает тот участок земли, который ей нравится и который традиция приписывает ей; она возвращается к нему снова и снова, после того как ее прогнали, и никогда не покидает его полностью; кроме того, она не привередлива в выборе мест, где она селится: Оно отдает себе справедливость, предпочитая самые темные, узкие, грязные и мерзкие улицы; этой привычки оно придерживается до сих пор, как будто не смеет покинуть свое логово, как будто воздух, которым дышат честные люди, вреден для него. Подобно тому как евреям не разрешалось выходить за пределы своего еврейства и их запирали там на ночь, как прокаженных в своих "чертогах", рибавды и их позорное продолжение не выходили за пределы своей резиденции под страхом наказания кнутом, тюрьмой или штрафом; Однако, поскольку их легальное существование регулировалось ордонансами Сен-Луи, им больше не нужно было скрываться, чтобы заниматься своим непристойным ремеслом, если они соблюдали правила и статуты *рибо*.

Самый старый документ, в котором мы находим список дурных мест Парижа, - это поэма или монолог в стихах, написанный в XIII веке неким Гийо, известным нам только по его "Dit des Rues de Paris". Впервые эта поэма была опубликована в 1754 году аббатом Лебефом на

основе рукописи, обнаруженной им в Дижоне и переданной в библиотеку аббата Флери, каноника Нотр-Дам. С тех пор труд Гийо часто переиздавался и использовался прежде всего для определения топографии Парижа XIII века; ведь этот рифмованный каталог, в котором актер говорит о *Доме Секвенсе*, шеф-поваре Сен-Мерри, как о своем современнике, можно отнести к 1270 году, а в 1283 году этот человек был еще жив. Критики, цитирующие "Dit des Rues", которому Гийо придал форму маршрута, начинающегося на улице де ла Юшетт в районе Университета, не учитывают, что поэт, или, скорее, рифмоплет, накапливая названия улиц и переулков, которые он любит рифмовать самым наивным образом, похоже, не имел другой заботы, кроме как найти и указать места, посвященные разврату. Мы не хотим, однако, предположить, что этот честный Гийо, чье имя, возможно, стало пословицей с эпитетом *songeur* (*мечтатель*), занимался этими исследованиями с постыдной целью; но все же примечательно, что в этих трехстах номенклатурных рифм основные отступления поэта касаются проституции; по крайней мере, в этой теме он отдыхает от сухости своего ономастического каталога и самодовольно добавляет несколько образов, которые не в лучшем вкусе. Каждый раз, когда Гийо натывается на одну из тех лачуг, которые городская полиция обычно окружала таинственной толерантностью, он, кажется, останавливается там, чтобы отметить ее место и отметить ее существование. Поскольку он называет более 20 подозрительных улиц в трех основных районах Парижа, известных как *Университет*, *Cumi* и *Город*, есть основания предполагать, что бордельщики называли его *Guillot le songeur* (*Гийо - мечтатель*), упрекая за упоминание *кларетов*, существовавших только в его воображении.

Первый, как ему показалось, он узнал, когда шел от Пти-Пон, поднимаясь в университетский квартал, на улице *Плятриер*, которая, судя по всему, впоследствии была названа улицей Баттуар:

La maint (demeure) une dame loudière
Qui maint chapel a fait de feuille.

Аббат Лебеф, несомненно, введенный в заблуждение скромностью, объясняет слово *loudière* как *изготовитель одеял*, но в старофранцузском языке *loudière*, буквально означающее *одеяло*, было фигурально эквивалентно *проститутке*, и нет других упоминаний одеялах. Эта *loudière*, которую Гийо не позволил бы себе назвать таковой случайно, вполне могла в свободное время, которое ей оставляло ее уродливое ремесло, заниматься изготовлением *цветочных* или *зеленых шляп*, которые члены гильдии надевали в дни святых покровителей, в процессиях и по различным торжественным случаям. Мы недалеко от мысли, что эти *шляпки*, производство которых было довольно важной отраслью в Париже, надевали на головы женихов, жен и любовников во время семейных обедов. Гийо не стал долго задерживаться на улице Платриер, каковы бы ни были прелести этой дамы; он продолжил свой путь, по его словам, по улице дю Паон, которую он называл *Пуон*:

Я спустился вниз.

Прямо на улицу Корделей:

Dame i a: the descord of them

Не хочу ничего иметь.

Эта улица *Кордельеров* сейчас является улицей Кордельеров, названной так в честь монастыря Гранд-Кордельеров, который был разрушен во время революции. Гийо, вероятно, переименовал *Кордельеров* в *Корделей* ради рифмы, а также в связи с сердечными делами, которыми занимались на этой улице. *Дамы*, жившие там, несомненно, не отличались

покладистым и приятным нравом, раз поэт не боится ничего так сильно, как вступить с ними в спор (*descord*). Это доказывает, что женщины удовольствий всегда были очень быстры на споры и очень быстро теряли самообладание. Гийо, чтобы встретить других женщин того же типа, вынужден дойти до улицы Претров-Сен-Северин, которую он называет *маленьким переулком Сен-Северин*, где

.... Mainte meschinete
Там часто и дешево снимают жилье,
И делают волосатую дыру
Из фессерий, что не умирают.

Мы не будем пытаться снять покровы старого языка со скандальной торговли *мешинетами*, которую Гийо изображает с большим снисхождением. Вместо этого мы последуем за ним на улицу *Оспиталь*, которая позже была названа улицей Сен-Жан-де-Латран, в память о госпитальерах Сен-Жан-де-Жерусалем, имевших здесь дом. Гийо оказался в центре ссоры между женщинами, которые оскорбляли друг друга и дрались посреди улицы, несмотря на то, что рядом находились отцы-госпитальеры; текст здесь не столько неясный, сколько испорченный:

Une femme i d'espital (despita),
Другая женщина пренебрегает
De sa parole moult vilment.....

Гийо бежал, не дожидаясь окончания спора, и так боялся ввязаться в него, что перешел только улицу *Сен-Сифориен*, ныне улицу Шоле, где он знал девушку по имени Мари, которая, должно быть, была одновременно египтянкой (читала гороскопы) и *барышней*:

Рю де ла Шаветери (ныне улица Шартьер).
Трувэ. N'allay pas chez Marie,
На улице Сен-Сифориен,
Où maignent li logiptien.

Проходя по улице Сент-Илер, сохранившей свое название, он вспоминает, что там живет *дебошир*, но у него нет времени позировать с этой дамой доброй воли, которую он называет *Жетедас* - прозвище, в котором легко обнаружить непристойный смысл. Вот он и в *clos Bruneau (Burniau)*, где, по его словам, *жарилось много брульянтов*; но под *брульянтами* он, конечно, не имеет в виду опилки, которые там сжигали. Clos Bruneau находился в центре школ, и школьники, которые во времена Рабле ходили туда стирать мусор, приходили туда делать *chere-lie* со своими *meschines*. Поэтому Гийо прав, когда говорит, что в этом темном и грязном притоне *было зажарено множество брюлей*. Мы до сих пор говорим "*поджарить веник*" в том же смысле. Рядом находится улица Нуайер, где в то время было столько же женщин с дурной репутацией, сколько сейчас во всем районе:

А затем улица дю Нуайер,
где несколько дам, por louier
часто избивают своих карьеров.

Гийо на улице Бон-Пюи, которая обязана своим названием дерзкой аллюзии, не забывает записать деяния сплетницы, жены плотника, известной тем, сколько мужчин она отправила из своей постели на кладбище, согласно бессистемному толкованию этих двух стихов:

La maint la femme à un chapuis
Qui de maint homme a fait ses glais.

Ледушат или Ленгле Дюфренуа, объясняя вторую строку, несомненно, увидели бы в ней эротическую фигуру, заимствованную из звона колоколов, которые медленно трясут, чтобы возвестить о смерти. Гийо, который, как говорили в разговорном языке прошлого века, знает все нужные места, выпускает вздох, пересекая улицу *де Л'Эколь, где живет дама Николь*. На этой улице де Л'Эколь, которая стала улицей Фуарр из-за соломы или *войлока*, расстилавшегося на ней, чтобы заглушить звук шагов, находились основные учебные заведения университета и одновременно несколько школ проституции. Вот почему Гийо озорно говорит:

En celle rue, ce me semble,
Vent-on et fain et feurre ensemble.

Гийо больше нечему было учиться в этих школах; он бежал через улицу Сен-Жюльен-ле-Повр и обратился к этому святому, *который спас нас из плохого места*. Святой Жюльен был покровителем путешественников; он защищал их от плохих мест и плохих встреч. Поэтому Гийо вошел в город целым и невредимым, и первой улицей, где он почувствовал притяжение распутства, была улица Кокатрикс:

Где часто пьют хорошие вина.
и где многие мужчины часто расходятся.

В то время не было ни одного кабаре, которое не было бы местом разврата. Гийо еще упоминает о *хорошей таверне* на улице *Шаруи*, которая простиралась от входа в монастырь Нотр-Дам до улицы Труа-Канет. Эти таверны и пристройки к ним, вероятно, часто посещались канторами и школьными учителями собора. Гийо, несомненно, , делает это мимоходом; будем надеяться, что он также просто проходит мимо улицы Сент-Круа, *где люди часто чинно обнимают друг друга*, и улицы Жерве-Лоран, которую он называет *Жервезе-Лорен*,

где многие дамы игнорируют
Y mesnent, quis de leur guiterne.

Мы не считаем, что обитатели этой печально известной улицы привлекали невинных звуками *гитары*, и скорее приписываем слову *guiterne* переносное значение, которое скромность не позволяет нам исследовать дальше. Мы также не будем останавливаться на странной встрече Гийо на улице Мармузе, *известной* в то время как *Мармузе*, где квидам сделал ему позорное предложение:

Trouvay homme qui m'eut fet
Une muscorne belourde.

На улице Шеве-Сен-Ландри Гийо приходилось иметь дело только с развратными женщинами, профессию которых он определял так, что ее трудно было понять:

Женщины, которые все время хотят
Maignent en la rue de Chevez.

Гийо все глубже погружается в наследственную сферу проституции; он находится в центре Глатиньи, который раньше назывался *Валь д'амур*:

En bout de la rue descent.
Де Глатиньи, где хорошие люди
Maignent и dames au cors gent

Who to men, so as moy seem,
Volontiers charnelment assemblent.

Возможно, он избежал искушения и бросился на улицу дю О-Мулен, которая называлась улицей *Сен-Дени де ла Шартр* из-за находившейся там церкви, снесенной только во времена Революции. Зловещее место, которое Гийо упоминает на этой улице, должно быть, было одним из самых важных в Париже, и женщины, которых оно содержало, никогда не покидали это развратное аббатство,

Где несколько дам в уставе
Ont maint v... en leur c... tenu,
Comment qu'ilz y soient contenu.

Этот отрывок и многие другие доказывают, что "Dit des Rues" следовало бы назвать не менее метко - "*Dit des Bordeaux de Paris*". Гийо покончил с теми, кто находился в Сите; он перешел через Гран-Понт или Пон-о-Шанж и продолжил свое порнографическое расследование в Сити.

На улице Лавандьер, где он обнаружил множество прачек, он рассказывает, что эти девушки делали нечто большее, чем просто полоскали одежду в реке. Прачки всегда пользовались подобной репутацией, а королева, которую они избирали каждый год, имела полномочия, схожие с полномочиями короля рибальдов, но только в своих государствах и над своими подданными. Гийо не дал себя задержать этим веселым рибальдессам; он продолжал свой путь по грязным улицам района Halles; он зашел на минутку освежиться в таверну на площади *Pourceaux*, которая позже стала площадью *Chats*, а затем *Fosse aux Chiens*, потому что там скапливались гниль и грязь: это перекресток, образованный слиянием улицы Сент-Оноре, улицы *Déchargeurs* и улицы *Lingerie*. Гийо, который жалуется здесь на отсутствие счастья (*Guillot, qui point d'heur bon n'as*), тем не менее говорит, что нашел свою *тропу*, свой путь или, скорее, то, что он искал, - след какой-то хорошенькой *валлийки*, с которой он опустошил горшок с кларетом или мускаде. На улице Бетиси он не удивился, столкнувшись с мужчиной, который вел переговоры с грубой женщиной, не утруждая себя тем, чтобы заставить прохожих краснеть:

Un homs trouvai en ribaudez,
На улице де Бетизи
Entré: ne fus pas éthisi.

Гийо не хотел сдаваться из-за такой малости. Он прибыл на улицу Арбре-Сек, не забыв при этом маленький переулок, который до сих пор существует под названием *Кур-Батон*, а когда-то носил бесчестное имя *Кул-де-Бакон*. Совершенно точно, что в этом местном названии мы не должны приписывать слову "*бекон*" значение соленой свиной плоти или даже искать в этом слове образ, более или менее близкий к этому примитивному значению. Это был рибальдийский двор с колодцем, вокруг которого проводили свои собрания любвеобильные женщины. Гийо не стесняется говорить:

Trouvai et puis Col de bacon
Où l'on a trafarcié maint c...

По этому стиху можно написать любопытную философскую диссертацию, которую мы рекомендуем тени Ледушата, и которая поможет восстановить истинное значение старого глагола *trafarcier* или *trafarcer*, который *Complément du Dictionnaire de l'Académie française* довольно плохо переводит как "*пересекать*". Гийо идет по берегу реки и доходит до входа на

большую улицу, ведущую к Порте дю Лувр; близость реки характерна для встреченных им дам, продававших свои *товары* по слишком высокой для его кармана цене:

Dames i a gents et bonnes;

Их еда слишком дешевая (или богатая).

Он не стал тратить время на торг из-за того, что не мог купить, и направился на улицу Сент-Оноре. Возле *улицы мэтра Уре*, местоположение которой уже невозможно определить, хотя она примыкает к улице Пули, он, несомненно, должен был похвалить вежливость некоторых дам, которые его приветствовали:

La rue trouvai-je maistre Huré,

Lez lui séant dames polies.

Сделав *мэтра Юре* живым человеком, а не названием улицы, мы были бы вынуждены обвинить его в одиозной профессии, которой служат *вежливые дамы*, в окружении которых он оказывается. Гийо не замечает ничего, связанного с проституцией, на двух улицах Трюандери, где он не преминул показать нам знаменитый Puits d'Amour: *le puits le carrefour despart*, говорит он; но он меняет свое мнение на улице Mauconseil:

Une dame vi sur un seil,

Qui moult se portoit noblement:

Я приветствовал ее просто,

А она меня, клянусь Сен-Луа!

Привычки этой дамы ничем не отличались от привычек ее сверстниц, которых мы видим на тех же улицах, практикующих те же маневры, что и раньше, подстерегающих свою жертву на порогах домов, у входа в темные переулки, зазывая или приглашая прохожих. Гийо, который клялся святым Людовиком, отвечая на этот либидинозный призыв, вполне мог захотеть напомнить этой грубиянке о приказе святого короля. Дойдя до улицы Сен-Мартен, он услышал пение службы Нотр-Дам-де-Сен-Мартен-де-Шамп и вооружился непорочностью, чтобы завершить свой путь в поисках нечистых мест. Он быстро пересек улицу Бобур, которая могла предложить ему нечто, удовлетворяющее любой вид разврата:

Alai droitement en Biaubourc,

Ne chassoie chievre ne bous.

С улицы Этьюв он вышел на улицу *Лингариер*, которая может быть только улицей Мабуэ, одним из старейших оплотов проституции:

Где Лёва держит пластик

D'archal mise en œuvre pour voir,

Несколько человек за свою жизнь, чтобы иметь.

Эти люди, поднявшие арочную сетку, чтобы выглянуть на улицу, были, без сомнения, обычными гостями этой улицы Мобюэ, на которой было столько же лачуг, сколько домов, столько же развратных девушек и мужчин, сколько жителей. От этого позорного соседства страдали и соседние улицы. Гийо довольствуется названиями улицы Квинкампуа (*Qui qu'en roit*), улицы Обри-ле-Буше и *Конрери*, которую скромность XV века превратила в *Корруэри* и которая теперь скрыта в улице Синь-Диамант, в знак уважения к ее нескромному происхождению. Он опасался, что его постигнет несчастье, когда он приблизится к улице Трусс-Ваш, получившей свое неблагородное название от еще более неблагородных нравов ее простого населения.

Улица Амори де Русси
Напротив улицы Трусс-Ваш,
Dieu garde qu'il ne nous meschiet!

Гильо подходил к концу своих странствий; он так устал, что присел отдохнуть на несколько минут на улице Арки; вскоре он возобновил свой путь и, несомненно, забыл указать некоторые улицы, специально предназначенные для проституции. Так, выйдя на улицу *Этуаль-дю-Клуатр*, которая может быть только улицей Клоатр-Сен-Мерри, он с удивлением не обнаружил борделей, так как видел их в другое время, и понял, что эта улица теперь *честная*; Но когда он идет от Сен-Мерри к *Байльёэ*, где я нашел много бо, он говорит, что эта улица *Байльёэ*, название которой было просто отвратительным прозвищем и которая получила имя *Бриземеш*, которое сохранила до сих пор, не напоминает ему о распутстве, и он покидает ее, не оценив ее так, как она того заслуживает. Он вошел в квартал Марэ и бросил взгляд на улицу дю Платр:

Где многие дамы
A maint compagnon ont fait battre,
Мне кажется, что они сражаются.

Гийо неистощим в поиске перифраз, скорее свободных, чем наивных, характеризующих места, которые он ищет. На перекрестке *Гильори*, чье имя равнозначно имени *Жан-де-л'Эпинэ*, которое он впоследствии носил и которое ученый де л'Ольнэ не преминул бы подчеркнуть со всей непристойностью, которую это имя может предложить, Гильо уже не знает, кого слушать:

Li un dit *ho!* l'autre *hari*.

Мы полагаем, что он боролся с двумя *мешинами*, которые хотели утащить его за собой; но он сопротивлялся им: *Ne perdis pas ton essien*, сказал он и вошел на улицу *Жантьен*, ныне улицу Кокюль, где жил *молодой человек*, который, возможно, внушил ему повинную мысль. Он не рискнул зайти на улицу *Эскульери*, где находился квартал Сен-Фарон, и среди жильцов которого не было ни одного честного человека; он быстро пошел по улице *Шартрон* или Мове-Гарсон, недалеко от Сен-Жан-ан-Грев:

Где многие знатные дамы
Tenut maint v. чтобы прокормить себя.

Гийо уже второй раз показывает нам отвратительных мастериц проституции в *Шартре*: очевидно, что их ограждение не было добровольным и зависело исключительно от полицейских предписаний. На улице Роя де Сисиль Гийо вспомнил о женщине по имени *Седиль*, жившей на улице Рено-Лефевр, где она продавала *горох и фебвы*, говорит он на том образном языке, который он использует для выражения тайн блуда. Затем он осторожно вступает на улицу *Пюте-и-Мюссе*, многозначительное название которой не оставляет сомнений в ее предназначении: эта улица *борделей*, окрещенная народом, всегда традиционно сохраняла это непристойное название, хотя предпринимались попытки изменить его на *Пти-Мюск* и *Клош-Перш*, которое до сих пор красуется на ее вывеске. Добродетель Гийо избежала многих опасностей, когда он вошел на улицу Тирон, где отправился на встречу с дамой Люс:

Y entrai dans la maison Luce
Qui maint en la rue Tyron:
О дамских гимнах вы скажете.

Мы не думаем, как аббат Лебеф, что относится к гимнам и религиозным песням, которые могли бы исполняться в монастыре для кающихся девушек. *Дом Люсе* имеет все признаки плохого места, а исполняемые там гимны явно адресованы Венере. Таково галантное аббатство, которое мы упорно продолжаем видеть на этой улице, где археологи предполагают разместить жилище, принадлежавшее аббату Тирону. Гийо в конце своей экскурсии хорошо провел время; он отдохнул и освежился на улице Персе, одной из пяти улиц, носивших в то время это название, обозначавшее старый тупик, превратившийся в улицу:

Une femme vi destrecié
Pour soi pignier, qui ne donna
De bon vin.....

Эта женщина, которая расчесывает волосы или прихорашивается, наливая вино для Гийо, может быть только публичной девушкой. Но Гийо никогда не устает от нее: он переходит с улицы Пули-Сен-Поль на улицу Фоконье,

где можно найти хорошо, *por deniers*,
Для его рогатого соласира.

Он не сообщает нам, использовал ли он рецепт, который дает своим читателям. Затем, на улице *Командиров*, которая сейчас является улицей Кутюрье, Гийо оглядывается на себя, говоря:

Там, где много десятниц (*ссорящихся*).
Qui ont maint homme pris au brai (*à la pipée*).

Наконец, задача Гийо выполнена; он собрал грязь со всех улиц Парижа и хвастается своими *Dit*, зарифмованными в их честь, не боясь посвятить это произведение, полное нечистот, *милому Владыке небес и своей очень милой chiere mère*.

Несмотря на это посвящение, которое не очистило рифмы Гийо, другому анонимному поэту, жившему в конце XIV века, пришла в голову идея присвоить *Dit des Rues*, убрать из него непристойное клеймо и омолодить стиль этого стихотворения, в котором улицы, сменившие названия, были уже неузнаваемы. Анри Жеру опубликовал этот новый *Dit*, основанный на рукописи, хранящейся в Национальном архиве, и поместил его после налога, введенного для жителей Парижа в 1292 году, в своей работе под названием *Paris sous Philippe-le-Bel*. В этой связи следует отметить, что роль налога не содержит никаких конкретных деталей, связанных с проституцией, что доказывало бы, что женщины, *помешанные на своем теле*, не участвовали, по крайней мере под этим именем, в чрезвычайных налогах, и что их недостойность освобождала их от уплаты пропорционального налога. Поэт, который хотел переделать стихотворение Гильота и который часто воспроизводит его только в сокращенном виде, заботился главным образом о том, чтобы устранить все, что придавало ему либертинский или непристойный характер. Вместо того чтобы изображать Гийо, переходящего с улицы на улицу и обнаруживающего дурные места, этот анонимный автор придумал довольно забавную басню: Он изображает себя новичком в Париже, где он никогда не был, и бродит по столице, переходя с улицы на улицу в поисках своей жены, которую он потерял возле Нотр-Дам; ничто не может отвлечь его от бесплодных поисков, и все женщины, которых он встречает на каждом шагу, не заставляют его забыть свою собственную, пока он не завершит свои супружеские поиски по 310 улицам, которые он позаботился перечислить; тогда он восклицает:

Tant l'ay quise, que j'en suis las!
Или ла кьер квира ла вудра:
Jamais mon corps ne la querra.

В этом списке улиц он упоминает только горничных, которых нанимали на улице Лавандьер, и *грузчиков* на улице Комендантш; но он также упоминает самые печально известные улицы, даже не намекая на природу их дурной славы.

От "Dit des Rues" Гийо проходит почти столетие до первого распоряжения прокурора Парижа, в котором были указаны места, где проституция могла иметь место, не подвергаясь никакому наказанию. Этот приказ, о котором сообщает Деламаге, датируется 18 сентября 1367 года. Здесь уже чувствуется морализирующее влияние правления Карла V. В этом указе губернатор приказывает всем женщинам, ведущим беспутный образ жизни, отправиться жить в предназначенные для них бордо и общественные места, а именно: "в абревуар Макон, в Бушери, на улице Фройдмантель, в Кло-Брюно, в Глатиньи, в Кур-Робер-де-Париж, в Байлехо, в Тироне, на улице Шапон, в Шамп-Флери". Это примерно те же места, которые Гийо обозначил в Dit des Rues, но их число бесконечно меньше, и из этого следует сделать вывод, что полиция прованса пыталась уменьшить плачевные последствия разврата, конкурируя с ним в тех местах, где он был разрешен. Парижский прокурор также запретил всем почтенным людям сдавать дома женщинам с дурной репутацией в любом другом месте под страхом потери стоимости аренды; он также запретил этим женщинам покупать дома вне улиц, отведенных для их торговли, под страхом потери этих домов. Те, кого заставляли за своим гнусным ремеслом в других местах, по просьбе двух соседей могли быть арестованы сержантами и доставлены в Шатле. После установления факта их выгоняли из города, забирая из каждого их имущества по восемь парижских солей, чтобы заплатить сержантам. Есть все основания полагать, что эта полицейская мера проводилась с особой строгостью.

Убежища терпимости, которые маршал-провокактор Парижа предоставил проституции, больше напоминали дворы, чем целые улицы; позже мы увидим, как Двор Чудес откроется таким же образом, заключив в себе нищих и попрошайек, воров и других злоумышленников, подобно тому как суды рибанди объединяли публичных женщин и беспутных мужчин, их отвратительных сообщников. В XIV веке абревуар Макон представлял собой группу лачуг, окружавших гнилой переулок, который спускался к реке у моста Сен-Мишель, на углу улицы де ла Юшетт. Этот водопой, который в титулах 1272 года именуется *Aquatorium Matisconense* и *Adaquatorium comitis Matisconensis*, получил свое название по соседству с особняком графов Макон, расположенным на улице, которая до сих пор носит их имя. Это нехорошее место осталось на том же месте и по сей день: в XVI веке оно пользовалось ужасной дурной славой, и распутники почитали его нечистыми аналогами своего названия, которое они упорно произносили нечестно. Несомненно, именно из-за этой грубой двусмысленности была предпринята попытка переименовать Маконнэ в Абревуар *дю Каньяр*, то ли потому, что он служил ночным убежищем для кагнардигов, речных бродяг, то ли потому, что жители прибрежных районов разводили там уток. В любом случае, там было много кагнардьё, опасных бродяг, которых, по словам Паскье, так называли из-за их образа жизни, поскольку, подобно уткам, "они посвящали свое жилище воде". Борель, напротив, считает, что *sagnardier* происходит от *canis* и обозначает *людей, живущих в собаках*.

Трудно указать место, которое проректор называет *Бушери*, без какого-либо другого обозначения; но, хотя несколько мясных лабазов располагались в разных районах столицы, мы предполагаем, что речь идет о Большом Бушери де л'Аппорт де Пари, существовавшем с X века напротив Шатле и последовательно расширявшемся, чтобы образовать своего рода город в центре города. Именно здесь убивали и разделывали животных, мясо которых затем

продавалось по всему Парижу. Вполне понятно, что прокурор разрешил рибо жить среди рибо, таких как мясники, скорняки и пономари; во все времена и во всех странах за этими профессиями, дышавшими запахом крови животных, стояло клеймо позора. Однако от тех, кто работал с мясом и разделявал его в пороках Grande Boucherie, требовались определенные условия морали.

В XV веке Кло-Брюно, чья репутация уже была создана Гийо, а также улица Глатиньи, улица Байльоз и улица Тирон по-прежнему представляли собой обширную территорию, заполненную садами и огородами, хотя улицы Сен-Жан-де-Бове и Сент-Илер были отторгнуты от земель этого квартала: *бордели* женщин с дурной репутацией с незапамятных времен были распространены в окрестностях *Кло-Брюно*, а возможно, и в его стенах, за живой изгородью и среди виноградных лоз. Улица *Фرويدмантель* (Rue Froidmantel), также известная как *Фрементель*, *Фресмантель*, *Фреманто* и т.д., на латыни *Frigidum mantellum*, и ставшая улицей Фромантель, вопреки своей этимологии, несомненно, обязана своим первоначальным названием комическому намеку на постановления Сен-Луи, лишавшие женщин, осужденных за проституцию, пальто и *пелисона*; те, кто жил на этой улице проституток, естественно, были лишены пальто: отсюда и их прозвище *dames de Froidmantel*.

Вотчина Глатиньи, принадлежавшая в 1241 году Роберу и Гийому де Глатиньи, дала название лабиринту узких, грязных переулков, которые проституция занимала по привилегии и из которых она сделала знаменитый *Валь д'амур*: Гийо, ходивший туда среди бела дня, видел *дам с джентльменскими телами*, которых он не боялся встретить на своем пути. Непристойное предназначение Глатиньи сохранялось вплоть до XVII века, когда прилегающие улицы были перестроены и лучше заселены. Соваль и его продолжатели не сообщают нам, в каком районе находился Суд Робер-де-Пари, и название, под которым этот Суд упоминается, не помогло бы нам определить его местоположение, если бы Размер 1292 года не устранил нашу неопределенность в этом отношении. Этот двор, который, должно быть, был очень маленьким, поскольку в налоговом списке значится только тринадцать налогоплательщиков, примыкал к улице Байльёз, которая служила его следствием и была домом для жителей того же типа. Анри Жеро утверждает, что улица Ренар-Сен-Мерри была построена на месте суда Робер-де-Пари. Улица Шапон, название которой не изменилось, получила свое имя в XIII веке от одного из ее обитателей, Робера Бегуна, или Бегона, или Капона, который, как мы предполагаем, был королем хулиганов, мастером попрошайничества, поскольку *begon* или *beguon*, по-видимому, происходит от *beguinus*, что первоначально означало *нищий* или *попрошайка*, по-английски *begging*; *capon*, что происходит от *carus*, хищной птицы или ястреба, было синонимом *beguon*. Мы не думаем, что название *Шапон* было дано в качестве антифразы улице, специально предназначенной для разврата. Наконец, улица *Шампфлери*, которая под названием улицы Библиотеки до сих пор религиозно хранит традиции публичных домов, была открыта всего несколькими годами ранее на месте *парка* Лувра, поскольку в "Тайле" 1292 года она фигурирует только в качестве четырех налогоплательщиков. Таким образом, улица *Шамп-Флери* состояла всего из нескольких небольших домов, обнесенных живой изгородью и затененных деревьями, где проституции нечего было бояться любопытных взглядов прохожих, которые приходили туда только для того, чтобы найти то, что искали.

ГЛАВА XI.

Краткое содержание.- Кабаре *Шар-доре*.- Улица Глатиньи.- Улица *Фумье*.- Улица *д'Энфер*.- Двор *Ферри*.- Дом Кокатрикс.- *Каньяр*.- Своды Каландра и Марше-Палу.- Остров *Гурден*.-

Местность или Мотт-о-Папелард.- Фавбурги.- Шамп-Гайяр.-Четыре заслуженных таверны.-Шато-де-Пайль.-Таверна Мула.-Лупанаиры Университета.-Шамп-д'Альбиак.-Улица Грасьёз.-Шамп-де-ла-Бушери, Пти и Аллюэт.-Улица Аронде.-Улица Гит-ле-Кёр.-Улица Сак-а-Ли.-Улица Борде.-Курс Чудес.-И т.д..., и т. д.

Мы продолжаем наше порнографическое путешествие по старому Парижу, указывая на подозрительные улицы, которые не упоминаются в качестве таковых ни в поэме Гийо, ни в распоряжениях Шатле. Старое название этих улиц почти всегда свидетельствует об их особом характере. Прежде всего, в Сите мы отметим, что, несмотря на общий обычай держать женщин с дурной репутацией подальше от центра городов, чтобы изгнать их за стены и, так сказать, из общей жизни, проституция продолжалась на нескольких улицах вокруг Сен-Дени-де-ла-Шатр, где образовалось первое братство Мадлен, как мы уже сообщали в соответствии с традициями, собранными Дюбрелем и Совалем. Вполне естественно, что окрестности Валь-д'Амур-де-Глатиньи были захвачены рибо, которые отправлялись туда, чтобы совершить грех, согласно условиям старых эдиктов. Поэтому мы можем утверждать, что большинство этих ужасных переулков, исчезнувших в последние годы в результате масштабных дорожных работ, проведенных по всему старому городу Лютеции, в Средние века были постоянным театром разврата, несмотря на то, что муниципальные полицейские правила пытались ограничить его своим убежищем в Глатиньи. Улицы Мармузе, Кокатрикс, д'Энфер, де Перпиньян и другие, представляющие собой лабиринт из домов, теснящихся друг к другу, лишенных дневного света и воздуха, были удивительно приспособлены для обитания в борделях. Известно, например, что улица де Перпиньян называлась улицей *Шаруи* из-за кабаре "Шар доре" (от "*carro aurico*"); Гийо писал об этом кабаре:

En Charoui, -bonne taverne achiez ovri.

Каждая таверна становилась, если нужно, местом проституции. Таверна Шаруи, должно быть, сопровождалась садом, засаженным розами, поскольку улица последовательно носила многозначительные названия *Шампрузье*, *Шампфлори* и *Шампрози*. Поле роз, возможно, символизировало удовольствие, которое можно было получить в этом кабаре, замененном на jeu de raume, от которого улица получила свое последнее название *Панпиньон* или *Перпиньян*.

Название *Валь-д'Амур* относилось, скорее, к очень узкому входу на улицу Глатиньи, которая спускалась к реке и вела к порту Сен-Ландри. Вдоль этого маленького порта, где причаливало несколько лодок с дровами и пшеницей, стояло кольцо домов, которые, цепляясь друг за друга и едва поддерживая себя, погружали свои изъеденные червями ноги в воду; эти дома по праву принадлежали самой жалкой проституции, которую мы повсеместно видим, укрывающейся на берегах рек. Сырая, темная улица, которую образовывали за собой эти отвратительные лачуги, иногда называлась улицей *Порт-Сен-Ландри-сюр-л'Ию*, а иногда - улицей *Фумье*. Семья дез Урсинов без колебаний построила здесь особняк, в котором жил один из самых знаменитых представителей этой семьи, Жювеналь дез Урсин, проректор по делам купцов и канцлер Франции при Карле VI. Присутствие этой важной фигуры на столь печально известной улице лишь изменило ее название, и с тех пор она стала называться улицей де Урсинов, а ее нижний конец (*via inferior*) - улицей *д'Энфер*, в знак уважения к проклятому образу жизни, который вели ее обитатели. Мы уже высказали предположение, возможно, опрометчивое, относительно улицы Мармузе, которую Гийо, похоже, изобразил как посещаемую рибальдами, а не рибо. Однако в списке улиц Парижа, который, по оценкам аббата Лебефа, был составлен в 1450 году, эта улица значится как улица *Мармузетов*. Мы также знаем, что до XVI века здесь находилось большое

жилище, известное как дом Мармузе (*domus Marmosetarum*), в который люди поднимались по внешним ступеням. Был ли в этом жилище ритуальный двор? Неподалеку от него находилось подобное заведение под названием *Cour Ferry*, которое дало название улице *Trois-Canettes*. Должны ли мы также узнать подобное место в доме Кокатрикс (*domus Coquatricis*), который примыкал к дому Мармузе и носил название улицы, на которой он находился? Эта улица, которая, как утверждают парижские археологи, была названа в честь мещанина, жившего на ней в XIII веке, скорее может, благодаря своей дурной репутации, представлять собой любопытное поле для этимологии. В нашем старом языке *cocatre* означает *полукастрированного каплуна*; *cocatrix* - это, буквально, ящерица, которая размножается в колодцах и цистернах; образно говоря, это *fille de joie*, которая делает *coies* и *coqs*, согласно шутливому выражению одного старого рассказчика. В "Вербе эротики" своего издания Рабле ученый де л'Ольнэ определяет *Кокватрис* как проститутку. В подтверждение этого определения, а также для того, чтобы не осталось никаких сомнений в том, что улица Кокатрис принадлежала ранее, авторы большой "Истории Парижа" Фелибьен и Лобино извлекли из парламентских реестров первые строки постановления, которое начинается так: "Во вторник, 15th дня июня 1367 года, между Жанной ла Пельтье, апеллянтом, с одной стороны, и мэтром Жаном д'Альси и другими жителями улицы Мармузе, с другой стороны. Апеллянтка утверждает, что она живет на улице Кокатрикс, которая является ярмарочной площадью, где уже так давно существует публичный дом, что нет никаких сведений об обратном и т. д.". Этот отрывок также доказывает, что улицы, где находился *бордель*, считались "*foraines*", то есть вне режима и общего права обычных дорог.

На противоположной от Глатиньи стороне улицы в Сите находились другие бордели, известные только самым отъявленным бродягам. Это были "*Каньяр*" и хранилища "Каландр" и "Марше-Палу". И хотя сегодня вид этих мест столь же печален, сколь и отталкивающий, трудно представить, какими они были в XIII и XIV веках, когда служили ночным прибежищем для самого грязного разврата. Улица де ла Каландр, название которой было позаимствовано у маленького жаворонка, была характерна тем, что с утра до ночи на ней собирались женщины, которые только и делали, что *сплетничали и спорили*, когда не грешили. Эта улица, полная грязи и нечистот, вела к Марше-Палу, чье название подразумевает пруд или болото (*palus*), и которая была не более чем выгребной ямой, *ничтожной дырой*, как говорили в те дни. Но это были всего лишь розы рядом с ведущими к нему переулками, которые не закрывались до середины семнадцатого века. Один из таких переулков, который во времена Соваля еще частично существовал между первыми домами Пти-Пон и некоторыми домами Марше-Нёф, назывался *Каньяр*, "потому что, - говорит Соваль (т. I, с. 174), - он служил проходом для мужчин и женщин дурной репутации, которые проходили через него, уходя на ночь под дома Пти-Пон, где вели странную жизнь". Наконец, бродячая проституция по-прежнему имела в Сите два ночных ярмарочных места: одно - под кустарником на маленьком островке, который, названный в XV веке *Оле-де-Гурден*, а тремя веками ранее - *Оле-о-Ваш*, с тех пор составляет западную оконечность Ол-де-ла-Сите, а другое - на кургане, возвышавшемся в восточной части и всегда называвшемся *Терраном*. Этот курган, который обломки от реконструкции Нотр-Дам укрепили в русле реки, и , который глава собора присвоил, не воспользовавшись этим, стал каждый вечер местом встречи развратников и их презренных подстрекателей: по этой причине уже в 1258 году он был прозван *Мотте-о-Папелард* (*Motte Papelardorum*).) Цитата из проповеди Робера де Сорбона о совести поможет нам понять, в каком двусмысленном смысле люди использовали слово "*папеларды*" для обозначения позорных преследователей заблудших женщин: *Imo propter hoc dicuntur papelardi, quia frequentant confessiones*. Примечательно, что проповедь Робера де Сорбона, из которой Дюканж взял эту единственную цитату, почти современна крещению этой *местности* или *терралы* (*terrale*), где папелары находили, с кем

поговорить. Что касается Иль-де-ла-Гурден, который раньше был *Иль-о-Ваш*, согласно древним названиям, которые археологи не пытались объяснить, его название имеет аналогии или связи с *goudine*, *gourgandine* и *gordane*, которые были синонимами *проститутки*. Кроме того, этот остров, где при Филиппе Справедливом были сожжены тамплиеры, по-видимому, был местом пыток, предназначенным, в частности, для наказания за непристойные преступления, поскольку предполагалось, что виновные, запятнавшие себя подобными преступлениями и способные стать объектом скандала в свои последние минуты, будут отделены от народа.

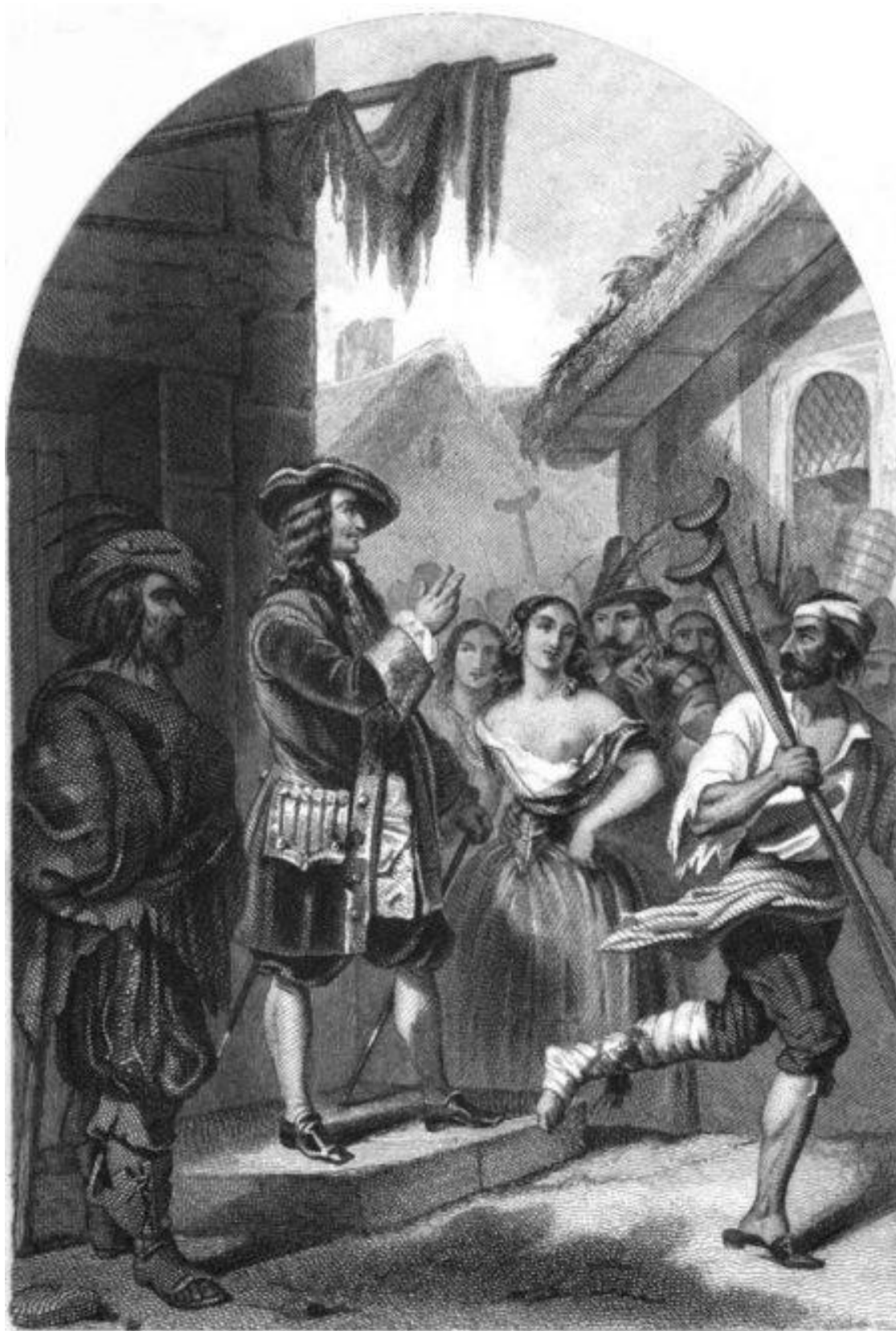
В университетском районе, где было так много пустынных улиц, так много закрытых площадей и необитаемых полей, так много *борделей* и таверн, проституция имела множество убежищ, которые не смели нарушать сержанты Шатле и куда днем и ночью стекались школьники. Определение жизни в предместьях, данное в ордонансе Анри II в 1548 году, можно применить к состоянию этих же мест двумя-тремя столетиями ранее: "Многие дома в указанных предместьях являются лишь пристанищем для дурных людей, трактирщиков, азартных игроков и пьяниц, а также губительным местом для большого числа молодых людей, которые, привлеченные бездельем, обильно тратят и теряют свою молодость". Легко представить себе потребность в разврате, которая преобладала среди университетского населения, состоявшего из крепких подмастерьев, в большинстве своем ровесников, и часто извращенного ленью и бедностью. Ордонансы Сен-Луи разрешали только два приюта для рибо, абревуар Макон и Фройдмантиль, расположенный недалеко от замка Брюно, на территории университета; но Гийо указал шесть или семь улиц, где открыто практиковалась проституция. Писатели того же периода, особенно Жак де Витри, рассказывают, что в каждом доме в районе Экольс было по крайней мере одно дурное место. Ален де Л'Иль, *врач-универсал*, говорил о школьниках своего времени, что они предпочитают созерцать красоты молодых девушек, чем красоты Цицерона. Именно фламандцев Жак де Витри изображает более развращенными, чем других: "Они распутны, - говорит он, - любят роскошь, хорошую еду и разврат, и у них очень распущенные нравы". Для удовлетворения страстей этой недисциплинированной молодежи, которая отправлялась группами не только на учебу, но и на развлечения, требовалось огромное количество желающих женщин. Рабле в своем "*Пантагрюэле*", повествуя о подвигах Панурга, рассказывает, что в XVI веке муниципальная полиция все еще не имела влияния на франтов Университета, а тень школьника обращала в бегство сержантов стражи: из этого следует, что распутные женщины находились под защитой школьников, которые держали их вне досягаемости правил Шатле. Помимо улиц Платриер, Кордельеров, Бон-Пюи, Нуайеров, Претр-Сен-Северин и т. д., где, по признанию автора "*Дитя парижских улиц*", он встретил *множество мешинеток*, мы удивлены, что он не нашел их в *Шам-Гайяр* и *Шам-д'Альбиак*. *Шам-Гайяр* - это площадь или, скорее, двор, протянувшийся вдоль стен ограды Филиппа-Августа от Porta Сен-Виктор до Porta Сен-Марсель; улица, открытая на этом месте в XIII веке, получила название улицы *Муров* из-за своего расположения; Затем она стала называться улицей *д'Аррас*, когда в 1332 году на ней был основан колледж; но люди, назвавшие ее *Шамп-Гайяр*, чтобы выразить ее ночное предназначение, не отказались от этого названия, которое было оправдано созданием рибальди, посещаемого в основном школьниками. В XVI веке это дурное место было еще достаточно известным, чтобы Рабле, который, вероятно, не понаслышке упоминал о нем, привел его, наряду с тремя другими, для характеристики расстройств парижских школьников: Это в главе VI второй книги, где лимузинец, подделывавший французский язык, рассказывает о делах своего рода: "Certain diecules, nous invisons les lupanaires de Champ-Gaillard, de Matcon, de cul-de-sac de Bourbon, de Hueleu, et, en ceste ecstase venereique, inculcons nos veretres ès penetissimes recesses des pudendes de ces meretricules amicabilissimes." К счастью, язык лимузенского школьника,

изрыгавшего латынь и думавшего, что он пиндаризирует, достаточно непонятен, чтобы мы могли осмелиться сообщить о нем как о памятнике эротической грамматики университета.

В той же главе Рабле упоминает о четырех кабаре, которые, должно быть, пользовались такой же дурной славой, как и бурдо, поскольку из нескольких постановлений проректора мы знаем, что большинство *погребов* и таверн, где пили, содержались публичными женщинами или их *maquignons*, или *маклерами*. "Итак, мы каупонисоны", - сказал школьник Пантагрюэлю, - "*ès tabernes méritoires de la Pomme-de-Pin, du Castel, de la Maddelaine et de la Mulle*". Именно *об этих тавернах-мериторах* пишут римские историки, в частности Суэтоний, который доказывает, что слово *meretrix* образовано от глагола *mereri* и существительного *meritum*. Однако мы не будем пытаться установить местоположение этих четырех *заслуженных* таверн с помощью археологической диссертации и ограничимся тем, что укажем на совпадение их названий с названиями улиц, на которых они, несомненно, располагались; так, улица *Мадлен* и улица *Помма* в Сите с XIV века стали улицей Ликорн и улицей Труа-Канет, сохранив свои таверны под вывесками Мадлен и Помма-де-Пен; Улица *Шатель* или *улица Шато-Фетю* включала в себя часть улицы Ферроннери, ведущей к улице Арбре-Сек, а между церковью Сен-Ландри и рекой долгое время стоял дом, известный как *Шато-Фетю* или *Шато-де-Пайль*, происхождение которого неизвестно: Разве это место не было удачно выбрано для кабаре и всего остального? Что касается таверны "Мул", то ее нужно искать на улице Па-де-ла-Мюль, которую фонд площади Руаяль не стал переименовывать, навязав ей название улицы Руаяль, которое она так и не сохранила. Поэтому мы не побоимся включить эти четыре знаменитых кабаре, которые часто упоминаются поэтами и рассказчиками XVI века, в список плохих мест Парижа. Но это отступление о кабаре увело нас от *лупанариев* Университета, на знание которых мы не претендуем. Улица Грейсёз, , которая первоначально называлась улицей *д'Альбиак*, была построена на земле, называемой *Шам д'Альбиак*, которая с незапамятных времен была предназначена для проституции: приюты, которые она занимала по наследственному праву, были разрушены только в 1555 году, как мы увидим под этой датой. Этимологи-антиквары нашли в Парижских счетах фамилию семьи *Альбиак* и фамилию семьи *Грасьёз*, которых они называют крестными отцами этой же улицы, столь мало населенной во все времена; Но если мы рискнем выдвинуть предположение, более соответствующее характеру этого места, то предпочтем признать в имени *Альбиак* аллюзию на Альбигенов (*Albiaci et Albigenes*), которые были еретиками не только в религии, но и в любви, согласно народному мнению, объединявшему под именем *Альбигенов* и *Альбиаков* всех развратников, погрязших в пороках и запятнавших себя нечистотами. Таким образом, поле *д'Альбиак* должно было быть местом ярмарки этих нечистот, а улица, выходявшая к этому логову, не очищаясь, получила прозвище *Грейсёз*, то ли в насмешку, то ли в качестве антиномии.

Были и другие *места*, где рибодей держали свои *изделия в грехе*, например, *Шамп де ла Бушери*, возле улицы Мове-Гарсон; *Шамп Пети*, возле улицы Баттуар; *Шамп де л'Аллуэтт* и т. д. Слово "шамп" обычно обозначает место, где рибодей держали свои *изделия в грехе*. Слово "*champ*" обычно означает место, где люди покупают и продают. Однако если включить улицы и переулки в категорию нечистых, то нельзя забывать об улице *де л'Аронде* или *де л'Ирондель*, расположенной рядом с аббревиатурой Макон, которую Рабле, не скупившийся на грязные этимологии, назвал *Маткон*. Эта улица Ирондель, скрывающаяся за домами на набережной Сен-Мишель, получила свое название от вывески места разврата. Поблизости легко обнаружить весьма существенную двусмысленность в названии улицы Гит-ле-Кер, которую злонамеренно или невольно называли *Виллекё*, *Гильекё*, *Жиль-Кё*, *Гиле-Конт* и т. д. На небольшом расстоянии от этой улицы (в связи с которой следует сделать остроумную скобку Буфлера: *я говорю LE CŒUR, ради приличия*) находилась улица Паве,

которая повсюду была известна как улица *Паве-д'Андуй*. Соседние улицы, старые названия которых свидетельствуют о прежней индустрии, также кишели женщинами с дурной репутацией; улица *Сак-а-Ли*, прозвище, данное этим женщинам, стала улицей Захари; улица де Эперон называлась улицей *Гогай* (*Gautgay, gay pleasure*) и таким образом указывала на род развлечений, которые можно было там найти. Наконец, именно в этом лабиринте переулков, заменившем виноградники Лааса или Лиаса, бродячие проститутки выводили своих возлюбленных на прогулку; именно между улицей Эрепуа и улицей Пупе мы хотели бы найти *лупанара* из *Бурбонского переулка*, который комментаторы Рабле переносят к Лувру. Одним словом, университетский район был более богат на места разврата или, по крайней мере, более населен веселыми девушками, чем все остальные районы Парижа; и это не требует доказательств, если принять во внимание развратные привычки школьников, которые почти никогда не покидали пределов своих владений и у которых дома было достаточно *chière-lie*, как они говорили, чтобы не искать его в другом месте. Но ученые, писавшие о парижских улицах, стремились вернуть им старые названия и старые порнографические традиции; они не заметили, что эти названия улиц, большинство из которых возникли в результате народной шутки, перешли к людям, а не от людей к улицам, и почти никогда не учитывали авторитет этимологии. Так, когда они хотели выяснить происхождение названия улицы *Борде*, которая начинается у фонтана Святой Женеьевы и доходит до улицы Муфетар, в том самом месте, где находился порт Бордель, давший ей название, они утверждали, что на этой улице в XII веке жил человек по имени Пьер де Бордель (*де Борделис*), и что он, естественно, оставил там название, которое не может быть неправильно истолковано. "Это распространенная ошибка, - говорят авторы исторического словаря парижского города, - считать, что из-за схожести названия эта улица когда-то использовалась для разврата". Однако несомненно, что Пьер де Бордель упоминался в актах как таковой, поскольку владел домом на этой улице, которая называлась *Бордель*, *Бурдель* и *Бордель* из-за ее первоначального использования и многочисленных *бордюров*, которые включали в себя стены Парижа. Улица Бурдель, ведущая к одноименным воротам, ничем не опровергла это нечестное название, которое еще больше подтвердилось на соседней улице *Шамп-Гайяр*, переименованной в *Шемин-Гайяр*, когда через нее проложили улицу, и которая теперь является улицей Клопен, современным названием, отражающим традицию дурных манер всех этих улиц, примыкающих к городским стенам и воротам.

- Marckl Del.
- Imp. de Drouart, r. du Fouarre, 11, Paris.
- Outhwaite, sc.

Суд чудес в Париже.

Нам остается только указать топографическое местоположение некоторых рибалдрийских дворов, которые были известны под названием *Кур де Чудес*, потому что нищие, которые собирались там и симулировали самые отвратительные недуги, чтобы вызвать сострадание публики, уходили оттуда хромыми, безногими, слепыми, однорукими, прокаженными и покрытыми язвами и возвращались вечером на своих спинах, радостные и готовые предаваться разврату всю ночь напролет. В этих дворах чудес обитали воры, нищие, бродяги, негодяи и презренные существа, сохранившие лишь имя женщины, которое они обесчестили. Самой старой из этих пещер бесчестия была пещера Grande-Truanderie, которая рассылала колонии во все районы Парижа, где провиантская полиция разрешала им открыть суд. Двумя основными филиалами la Truanderie были *маленькие дома Храма*, или *ложи Омонов*, на улице Франк-Буржуа в квартале Марэ, и *Суд Чудес (Cour des Miracles, par excellence)* возле Филе-Дье, между улицами Сен-Дени и Монторгейль. Кроме того, существовало более двадцати дворов или притонов одной и той же семьи, где люди вели такую же беспорядочную и грязную жизнь. Достаточно упомянуть двор Жюсьенн на улице Монмартр, рядом с капеллой проституток, посвященной святой Марии Египетской; двор Жантьен на улице Кокюль; двор Бриссе на улице Мортеллери; двор Бавьера на улице Борде; двор Святой Екатерины и двор короля Франсуа на улице Понсо; двор Трико на улице Монмартр; двор Бэкона на улице Арбре-Сек и так далее. Соваль говорит, говоря об опасных хозяевах улицы Франков-Буржуа: "В любое время их улица и их дом были притоном для разврата и проституции". Соваль рисует еще более пугающую картину главного Двора Чудес, который он видел во всем его великолепии, когда он служил убежищем для всего самого преступного, самого нечистого и самого благородного среди парижан. Именно там проституция, находясь в тени безнаказанности, достигла высшей степени порока.

Когда-то Двор Чудес имел значительную площадь, но постепенно он оказался зажат между улицей Монторгейль, монастырем Филе-Дье и улицей Нев-Сен-Совер; теперь он представлял собой не более чем неправильную площадь и грязный, зловонный тупик: Чтобы попасть туда, - говорит Соваль, - часто приходится плутать по маленьким, уродливым, вонючим, извилистым улочкам; чтобы попасть внутрь, нужно спуститься по довольно длинному, извилистому, грубому, неровному земляному склону. Я видел полуразвалившийся глинобитный дом, покосившийся от старости и ветхости, высотой не более четырех квадратных тоисов, в котором, тем не менее, проживало более пятидесяти семей с бесконечным количеством законных, естественных и украденных детей". Соваль, собравший столь любопытные сведения об обитателях Кур-де-Мир, к сожалению, ничего не рассказывает о женщинах, которых *сленговое королевство* зачислило под управление *великого Козэра*. Мы еще больше пожалеет, что не имеем физического и морального портрета этих подданных короля нищих и сленговых торговцев, зная странную особенность их позорной профессии. "Из девушек и женщин, - рассказывает Соваль, - наименее уродливые проституировали за два лиара, другие - за вдвое больше, большинство - ни за что. Чаще всего они давали деньги тем, кто давал детей их спутникам, чтобы иметь таких же детей, как они, и таким образом заработать достаточно, чтобы вызвать сострадание и получить милостыню". Ставка, которую брали проститутки во Дворе Чудес, несомненно, была самой низкой, которую могла взять женщина за свои постыдные поблажки; но следует отметить, что два лиара во времена Совалья стоили около десяти су в нашей валюте, а турнуа двойной денье составлял две трети лиара, то есть три су по сегодняшнему курсу. Мы сомневаемся, что уровень проституции когда-либо снижался.

Понятно, что этот вид проституции был совершенно недоступен для полиции Шатле. Несчастные женщины, занимавшиеся ею под защитой франшиз Кур де Чудес, принадлежали к космополитической расе нищих и воров, населявших эти приюты

преступности. Большинство из них, в жилах которых текла *цыганская* или *богемная* кровь, отличались отталкивающим уродством, смуглым цветом лица, вьющимися волосами и дурным запахом; те же, у кого была белая кожа и светлые волосы, считались хорошенькими и, как таковые, служили приманкой для незнакомцев, которых несчастье заводило в сумерках в окрестности Кур дез Миракль. Красавица, обученная такой охоте, разжигала аппетит у добычи, которую подстерегала на углу улицы: Иногда она появлялась в слезах и придумывала историю, чтобы вызвать сострадание вопрошающего; иногда она шла навстречу неосторожному мужчине, который предлагал себя ей, и под тысячей предлогов тащила его за собой; иногда она бросала в него оскорбления и провокации, чтобы заставить его вступить с ней в спор и дать ему возможность взывать о помощи: Тогда ее сообщники, отцы, братья и друзья, бросались на ее голос и набрасывались на человека, которого она обвиняла в мнимом оскорблении, раздевали его догола на ее глазах, жестоко обращались с ним и даже убивали его, если он пытался защищаться. Та же участь ждала и того несчастного, который позволил соблазнить себя этой сирене с перекрестка и имел смелость последовать за ней в ее бордель: снова отец, муж, брат приходили требовать от него отчета за соблазн, который он не всегда успевал осуществить, и вольно или невольно ему приходилось платить выкуп, в который входило все, что на нем было, кроме одежды. Счастье, если ему позволили уйти в рубашке, целым и невредимым! Нет нужды говорить, что отец учил дочь, муж - жену, а брат - сестру хитростям и теориям этой любовной игры. Дети с раннего возраста отдавались на милость самого отвратительного разврата; они превращали свое тело в корм, продавали, бросали, приносили в жертву похоти родителей или хозяев; у них не было понятия о добре и зле, особенно в вопросах скромности: девочка или мальчик, их первый шаг в жизни приводил их к самой бесстыдной проституции, и они никогда не покидали эту трясины, как только ступали в нее. Это место всегда было питательной средой для проституток, которые уезжали искать свою судьбу и возвращались, когда старели в упряжке. Они продолжали свое ремесло по низкой цене, а если не могли больше найти даже двух лирдов или вдвое больше за жалованье, то переходили на другое ремесло и, в зависимости от степени своих способностей, составляли гороскопы, читали будущее по линиям руки, готовили любовные зелья, фильтры и амулеты или продавали жир и волосы повешенных мужчин для злых чар и магических операций.

Не стоит верить, что владельцы домов на улице, где происходили публичные развратные действия, спешили избавиться от этой позорной кабалы, приносящей им огромные доходы. Напротив, из записей одного судебного процесса, который часто повторялся в связи с улицей Байльёз, видно, что само назначение улицы такого рода было весьма выгодной привилегией для ее владельцев или арендаторов, которые всегда ревностно отстаивали и сохраняли ее. Эта тяжба, следы которой то тут, то там можно найти в парламентских регистрах, длилась более века и возобновлялась во всех формах между заинтересованными сторонами, которыми были, с одной стороны, некоторые мещане, владевшие домами на этой печально известной улице, и, с другой стороны, приходской священник и каноники Сен-Мерри. В прения поочередно вмешивались прокурор Парижа и король, еще больше запутывая их противоречивыми указами и распоряжениями. Парламент, который в свою очередь занялся этим вопросом, заботился об обеих сторонах, выносил постановления, назначал расследования и не чувствовал себя достаточно смелым, чтобы уничтожить права, основанные на законодательстве Святого Людовика и подтвержденные многолетней практикой. Постановление от 24 января 1388 года, приведенное в гранках "Истории Парижа" Фелибьена и Лобино (т. IV, с. 538), рассказывает нам о состоянии вопроса и взаимных претензиях спорящих сторон. Шевелье, приходской священник и каноники получили королевские грамоты, окончательно отменявшие проституцию на улице Байльёз, и приказ вновь избранного проректора Парижа Жана де Фоллевиля предписывал публичным

женщинам, жившим на этой улице, немедленно покинуть помещение; поскольку этих женщин содержали владельцы занимаемых ими домов, они не спешили подчиниться приказу о выселении: Проректор послал лучников, чтобы заставить их уйти, и каменщиков, чтобы замуровать вход в их дома. Владельцы, чьи интересы пострадали и которые были возмущены таким произволом, подали жалобу в парламент, обвинив шевье, приходского священника и каноников Сен-Мерри в том, что они ввели в заблуждение короля и провианта. Эти честные владельцы передали все свои полномочия трем своим соратникам - Жаку де Бро, известному как якобинец, Филиппу Жибье и Гийому де Неверу. Вот аргументы, которые каждая сторона приводила в пользу своего дела, несомненно, тщательно аргументированного на официальном слушании лучшими адвокатами парижской адвокатуры.

Прокурор Парижа, который в то время был главным, решил, что улица Байльёэ соответствует условиям честности, предписанным декретом, и изгнал рибо с этой улицы, оштрафовав хозяев домов, сдававшихся этим беспутным женщинам, *на четырехкратную арендную плату*: "Улица, - добавляют ответчики, - находится вблизи красивых и больших примечательных улиц, где живут несколько мещан и несколько мещан, а также каноники и капелланы упомянутой церкви. Кроме того, это причиняет и может причинить еще большие неудобства; ведь если какой-нибудь мельник или рибо убьет человека, он окажется рядом с церковью, где сможет отступить; а улица красивая и честная, по ней можно пройти в Сен-Мерри и с этой улицы в Веррери; и на таких честных улицах не должны оставаться глупые женщины. Пункт, что улица находится рядом с мустье, а рядом с мустье такие женщины не должны оставаться, и это дорога, по которой каноники и капелланы должны ходить в церковь".

Истцы ответили, "что таким женщинам желательно находиться вблизи общественных улиц, а не в форсбургах, и там меньше бед и неудобств, чем в форсбургских улицах; что улица узкая и годится только для этой торговли и имеет только маленькие лавки, и если там совершается какое-либо преступление, то оно может быть совершено только на главной и честной улице, и его поймают быстрее, чем если бы такое преступление было совершено вблизи главной улицы: и с незапамятных времен такие женщины живут на вышеупомянутой улице; и раньше у них там была дверь, и из-за неудобства, которое возникло на вышеупомянутой улице, дверь была снесена, и с тех пор они всегда жили там." В этой связи они напомнили, что во времена правления Карла V Гюг Обрио, проректор Парижа, посетив *бордиаль*, упразднил несколько из них и оставил бордиаль Байльёэ, по той причине, что *стыдливые люди осмеливались ходить туда лучше*, чем в другие. Они утверждали, что церковь Сен-Мерри даже была заинтересована в том, чтобы использование улицы не было изменено, "ради ренты, которая стоит больше, и эта сказанная причина *escripte, que: in virorum honestorum domibus sæpe lupanaria exercentur, etc.*" (*в девственном честном доме sæpe lupanaria exercentur, etc.*). Слава Богу, в Байльёэ не было причинено никакого вреда! Они утверждали, что Святой Людовик постановил, чтобы в Байльёэ *были бурдели*, как в Глатиньи и в дворе Робер-де-Париж: "par ainsi volt que près de la Verrerie a eu telles femmes, et maintenant n'en a plus aucunes en la Cour Robert-de-Paris; par conséquent, il est expédient qu'elles demeurent en Baillehoé". Они также возражали, что эта маленькая улочка не была естественным путем к церкви, и что главная улица, улица Сен-Мерри, вела к ней более прямо; Кроме того, можно было не выносить туда тело Господа, когда несли его к больному, хотя они не возражали против того, чтобы часто нести его по улице Тирон, что было не более честно. "И целесообразно, - заключали они, - чтобы бордиаль находился возле церкви, ибо сколько бы ни грешили такие женщины, они вовсе не прокляты, и целесообразно, чтобы они всегда видели церковь: что они и делают чаще, когда находятся рядом, чем если бы были далеко. И

для бордианок не является недостатком находиться рядом с церковью, поскольку мы видим, что Глатиньи находится рядом с Сен-Дени-де-ла-Шартр, одной из самых набожных церквей этого города, а также рядом с Сен-Ландри". В своем ответе ответчики избегали затрагивать столь сложный вопрос, как уместность соседства церквей и борделей; они ограничились тем, что заявили, что буква ордонанса Святого Людовика была против того, чтобы женщины с дурной репутацией жили рядом с церквями, и процитировали текст римского права в поддержку этого решения: *Deterius est quod penès sacrosanctas ædes morentur*. И по естественному праву, - печально добавили они, - в этом городе нет такого маленького человека, который не мог бы потребовать, чтобы эти женщины были замечены его доме; тем более священник, который является приходским священником: который должен ходить на утреню и в другие часы, и ходить во все часы, чтобы крестить детей и отпевать больных и нести *corpus Domini*, это самый прямой путь из церкви Сен-Мерри на улицу де ла Бриль (вероятно, улицу дю Пуарье) и Симон-ле-Франк, а буржуа - в церковь Байльюз."

Мы не знаем точно, когда закончилось судебное разбирательство, и одним из его финальных эпизодов следует считать приказ Генриха VI, короля Англии и Франции, который в 1424 году принял решение в пользу приходского священника и главы Сен-Мерри. Однако вполне вероятно, что, несмотря на все королевские и губернаторские приказы, проституция так и не покинула улицу, которой *так долго пользовалась*. Но приходской священник Сен-Мерри отомстил, как говорят, одному из *господ* этой улицы, которого он имел в качестве противника в деле о *бутиках на печке*, и он приговорил его официальным порядком к искуплению вины в одно воскресенье после мессы перед дверями церкви, как виновного в том, что он ел мясо в пятницу. Но и это еще не все: глава города, одержав победу над юридическим противостоянием, изменил непристойное название улицы, которую стали путать с соседней, улицей Бриземиш, и таким образом она утратила свой прежний позорный характер; ведь произнося *Baillehoé*, люди добавляли пантомиму и бесчестную гримасу, которая больше не имела никакого смысла по отношению к улице *Taillepain* или *Brisemiche*. Все эти этимологии *Baillehoé* были одинаково значимы, независимо от того, писалось ли оно *Baillehoue*, *Baillehore* или *Baillehort*, или предпочиталось старое написание *Baillehoc* или *Baillehoche*; ведь глагол *baille* менял свое значение в зависимости от прилагаемого к нему слова, а это слово всегда несло в себе непристойное значение: *houe* - это орудие труда; *hore* - это публичная девушка; *hort* - это насильственный шок; *hoc* - это то, что есть; *hoche* - это некое увлечение и так далее. Одним словом, с различными названиями этой улицы постоянно связывался непристойный образ, который, утратив свои двусмысленные названия, не стал более честным, поскольку в прошлом веке девушки с улицы Бриземиш все еще пользовались пресловутой известностью.

Документ, который мы анализировали, обсуждая процесс фабриканта Сен-Мерри против *сеньоров де Байльюз*, позволяет нам установить некоторые моменты порнографической археологии. Мы можем почти с уверенностью утверждать, что улицы, используемые для проституции, когда-то были закрыты на ночь воротами; что эти улицы, населенные *публичными домами* и беспутными людьми, часто были местом потасовок, убийств и серьезных неудобств; что, тем не менее, дома там сдавались дороже, чем в других местах, и приносили хороший доход их владельцам или арендаторам; Что *сумасшедшие женщины* имели свободный доступ к церквям, куда они ходили не столько молиться, сколько искать приключений; наконец, что наличие *бордиуа* было выгодно для прихода, поскольку его постояльцы платили милостыню приходскому священнику и приходской церкви. Следует также отметить, что с тех пор в соответствии с обычным правом, сохранившимся до наших дней, любой буржуа имел право подать жалобу на любую женщину с дурной репутацией,

которую он хотел бы выдворить из своего дома или района, сержантам Шатле, отвечающим за охрану проституток и мест разврата.

ГЛАВА XII.

Краткое содержание - Книга парижского налога - Король рибAUDов королевы Мари - Юсабье л'Эспине - Жеанна ла Норманд - Эделин л'Энрагье - Аализ ла Берне - Аализ ла Морель.-Ла Бейли и ла Перроннель-о-Киен.-Перроннель де Сирен.-Анес л'Аельет.-Жеханн ла Мейгрет.-Маргерит ла Галез.-Женевьева ла Бьен-Ферте.-Жеханн ла Грант.-Исабьяу ла Камюз.-Магот ла Ломбард.-Маргерит ла Брете.-Исабьяу ла Клопин.-Аньес ла Пажесс.-Жюльот ла Бегин.-Жеханна ла Бургонг.-Магот ла Норманд.-Жиле ла Бойтез.-Мабиле л'Эскот.-Агнесса со светлыми ногами.-Жанетта ла Попин.-Амелин ла Петит.-Амелин ла Грасс.-Мари ла Нуар.-Анесса ла Гроссе.-Жанна ла Саж и т.д..., и т.д.

Мы сказали, что в книге "Размеры Парижа" за 1292 год нет никаких фактов, касающихся проституции; но, пересмотрев эту книгу, столь ценную для истории Парижа того времени, мы полагаем, что можем несколько изменить это суждение, которое, хотя и верно на первый взгляд, заслуживает принятия лишь с некоторыми оговорками; Ведь если в "*quêtes de la taille*" мы нигде не находим точного обозначения *простых* женщин, занимавшихся рибаллистикой, то у нас возникает соблазн узнавать их то тут, то там под характерными для них прозвищами. Несомненно, однако, что эти женщины не платили никакого налога в чрезвычайный хвост, взимаемый от имени короля, в качестве "*рибаудов*"; но они платили его как арендаторы домов, в которых жили в городе, за пределами своих "*бутиков в печье*". К сожалению, мы ничего не знаем об условиях, в которых взимались налоги, и, например, не можем понять, почему в Париже, население которого при Филиппе Красивом составляло около 400 000 душ, было всего 15 200 налогоплательщиков, по подсчетам ученого Анри Жеро, плативших в общей сложности 12 218 ливров и 14 су. Эти налогоплательщики, безусловно, не самые богатые жители, которые были освобождены от уплаты *taille* благодаря привилегиям буржуазии; они также не самые бедные, как мы можем видеть из различий в богатстве, которые, по-видимому, отражаются в колебаниях *taille*. Мы не должны полагаться на странные предположения Дюлора, который считает, что количество сборов указывает на количество пожаров; если бы это было так, то в списке сборов не упоминались бы, при особом налогообложении, дети, камердинеры, горничные и рабочие, которые были спутниками тех, кого облагали налогом. Мы рискуем выдвинуть предположение, не основанное на письменных свидетельствах, сказав, что налог взимался только с тех, кто жил на первом этаже, имея *рабочую комнату*, или *окно*, или выход на одном уровне с королевским тротуаром. Эта догадка, которой, к тому же, ничто не противоречит, имеет то преимущество, что естественным образом объясняет необычную диспропорцию, существующую между числом жителей и числом налогоплательщиков, среди которых женщины не составляют и десятой части.

Размер 1292 года позволяет нам отметить факт, который подтверждается несколькими более поздними постановлениями Провоста Парижа: улицы, используемые для публичного разврата, принимали женщин с дурной репутацией только в определенное время дня, в *бордо* или *хижинах*, где они свободно занимались своим презренным ремеслом. Мы увидим, что они не оставались на этих же улицах и ночью, как будто законодатель хотел, чтобы они, покинув атмосферу своего позора, вдохнули воздух честной жизни. Поэтому мы будем встречать их только на соседних улицах, и нам не составит труда узнать их по народным прозвищам и единообразию их налогов. Прежде чем отправиться на их поиски в приходы,

где они скрывали свое часто христианское и почти внешне почетное существование, поскольку иногда были женаты и имели хозяйство, мы должны извлечь из книги "Размер" очень странную особенность, которую редактор оставил незамеченной и которая связана с историей проституции. В поисках *людей*, живших в районе Сен-Жермен-л'Осерруа и облагавшихся безразличным налогом в 1 соль или 12 дензнаков за голову, мы с удивлением обнаружили *короля рибау де ла ройне Мари* (см. с. 5 "*Книги о хвостах*", изданной с комментариями Г. Жеро). Кто же был этот король рибо, который имел свой дом на улице *д'Остериш*, сегодня улица Оратория, напротив Лувра? Он точно не был офицером в доме короля Франции, и жалкая сумма его вклада свидетельствует о его низком статусе. Это не король рибо французского двора, который платил бы тот же налог, что и *Адам ле Каветье*, *Жан Менжупейн* (нищий) и *Хелиссент*, *паромщик из линя*.

Как мы уже говорили, в каждом дворе *рибауди* избирался король *рибауди*, и этот швейцар, отвечавший за поддержание порядка в хате, был плохой карикатурой на короля *рибауди* в резиденции короля. Тот, что на улице *д'Остериш*, принадлежал к самому бедному сброду в городе, и помпезный титул, которым он себя украшал, не мешал ему быть жалким подобием *хулигана*. Что же касается этой *королевской особы Мари*, чьим офицером и министром он себя объявил, то она могла быть только *рибалкой* или какой-нибудь старой свахой, которую подданные или собутыльники возвели на престол королевой. Никакого другого вывода из этой квалификации *королевы*, примененной к женщине по имени Мария, у которой был король *рибальдов*, облагаемый налогом в 12 динаров, сделать нельзя; и бесполезно доказывать, что этот ничтожный король *рибальдов* не мог в любом случае принадлежать королеве Марии Брабантской, вдове Филиппа Смелого, который был еще жив в то время. Исходя из этого простого указания, мы вправе полагать, что, по крайней мере, в некоторых *рибаудах* публичные женщины назначали себе королеву, как и другие женские гильдии, в частности прачки, льняницы, селедочницы и т. д. У этой *королевы*, естественно, должен был быть король *рибаудов*. У этой *королевы*, естественно, был король *рибалдов*, отвечавший за охрану порядка в том дурном месте, где царствовала ее бесстыжая госпожа. Возможно, *королевой* называли и гувернантку при дворе *рибалдесс*. Однако в XVI веке мы увидели, что подобная гувернантка пошла по стопам королей Франции, не удостоившись почестей непристойной *королевской власти* в указах Франциска I и Генриха II. В целом же, хатч удостоился комичного титула *аббатства*, на живописном языке народа хозяйку такого *аббатства* называли *аббатисой* или *настоятельницай*. Можно также предположить, что королева Мари была избранницей этих веселых объединений *дураков*, *конардов*, *жонглеров* и т.д., которые имитировали правительство с бурлескной имитацией *королевских должностей*.

Перейдем к рассмотрению женщин без профессии, которые, как показывает налоговый обзор 1292 года, жили на подозрительных улицах и вблизи улиц, предназначенных для проституции. Среди *женщин* прихода Сен-Жермен-л'Осерруа, каждая из которых облагалась налогом в 12 дензнаков, мы прежде всего отметим *Флори дю Боскаж*, которая жила за пределами Порта Сент-Оноре и, следовательно, на городском рву; *Изабию л'Эспине*, на улице *Фройдмантель* дю Лувр, которая только что исчезла вместе с прежними местами разврата; *Жанну ла Норманд*, на улице *Биавуар*, которая еще существовала сорок лет назад под названием *улица де Бове*; *Эделин л'Энрагье* на улице *Риш-Бурк*, которая сейчас является улицей Кок-Сен-Оноре; *Аализ ла Берне*, на углу водопоя у входа на улицу Пули; *Аализ ла Морель*, на улице *Жан Эвру*, от которой не осталось и следа; *ла Байи* и *Перроннель-о-Киен*, на улице Пули; *Летойс*, дочь *Аализ-сан-Аргант*, на улице *д'Аверон*, которая сейчас

является улицей Байль. Довольно странно, что темные и затхлые улицы, где жили эти девушки, чье прозвище указывало на их профессию, никогда не переставали населять отбросы населения. Среди "мужчин" района Сент-Эташ мы находим Перронель де Серен (или сирену), Анес *л'Алельет* (жаворонок), Жеанну *ла Мейгрет*, Маргариту *ла Галез*, Женевьеву *ла Бьен-Фете*, Жеанну *ла Грант* и т. д. Те же прозвища сохранились до наших дней. Те же прозвища традиционно использовались в мире популярной проституции.

В тех же районах и на тех же улицах в "Тайле" 1292 года подобные прозвища до сих пор используются для обозначения ряда женщин, которые также могли жить за счет своего тела, но получали от него больше прибыли, поскольку облагались налогом в 2, 3 и даже 5 су. Таковы, например, у Порта-Сен-Оноре - Изабьяу *ла Камюс* и Маэут *ла Ломбард*; на улице *Фройдмантель* - Маргарита *ла Брете* и Изабьяу *ла Клопин*; на улице *Бьяувейр* - Анес *ла Пажесс*; на улице Ришбур - Жюльот *ла Бегин*, Жанна *ла Бургонг*, Маэут *ла Норманд*, Гиле *ла Бойтез* и так далее. Следует отметить, что на бедных, обветшалых улицах, принимавших таких жительниц, жили только самые отвратительные ремесленники: рыбаки, контрабандисты, булочники, старьевщики и так далее. На более оживленных и густонаселенных улицах мы не часто встречаем женщин, чей статус кажется двусмысленным. Мы сталкиваемся с этими подозрительными женщинами только вблизи улиц с борделями, где они, как мы докажем позже, не жили. Например, на улице Глатиньи, где разврат имел свою самую известную мастерскую, несомненно, есть весьма почтенные люди: *крепильщица* Маргю, *пастельщик* Жан, *люстратор* Элоис, *колбасник* Жак и так далее. Однако, когда мы увидели на сайте число жильцов на этой печально известной улице: некоего Джехарраза, который платил 22 соля, Гибера ле Ромена, который платил 25 солей, жену Николя ле *Сервуазье* и двух ее дочерей, которые вместе платили 38 солей, и Жилия Марескота, 36; у нас возникло искушение принять этих людей за жильцов дурных мест, и мы пошли искать их пансионеров на соседних улицах. Они знакомят нас с Мабиле *л'Эскот* (или шотландкой), Перронель *Гросенте* из Жервуа, Люсеттой из Лоренсета, Аньес с *голубыми волосами*, Жаннеттой *ла Попин* и другими, в которых мы узнаем *любимых женщин*. В центре проституции, не менее активном, чем Валь д'Амур, на *Байльё* и в *Кур-Робер-де-Пари*, среди тридцати восьми налогоплательщиков мы насчитали только четырех женщин без профессии, самые облагаемые из которых, правда, платят всего 5 солей: это Амелин *Белеассез*, Амелин *ла Петит*, Анес *ла Бурготинг* и Маэут *ла Норманд*, каждая из которых облагается 2 солями; горничная Маэут облагается тем же налогом, что и ее хозяйка, труд и прибыль которой она, очевидно, разделяет. Однако на соседних улицах встречаются женщины, которых мы можем узнать по их прозвищам, и которые, несомненно, принадлежали к *рибауди де Байльёз*, хотя и имели свой дом в *честной mesgnie*. Упомянем только Кретьена и Мари, ее сестру, на улице Нев-Сен-Мерри; Жюлиану и Анес, ее *кормилицу*, на той же улице; Амелин *ла Грасс*, в монастыре; Мари *ла Нуар*, Мари *ла Пикард*, Анес *ла Гроссе*, Жанну *ла Саж*, на улице Симон-ле-Франк, и так далее. Это, конечно, не все проститутки в этих густонаселенных районах, и очень трудно понять, почему в налоговые списки попала одна проститутка, а не другая.

Следует также признать, что не все проститутки занимались исключительно своим постыдным ремеслом и что большинство из них делились на различные категории по профессии. Из духа ордонансов Сен-Луи, которые до сих пор регулируют проституцию, следует, что любая женщина могла свободно пользоваться своим телом и торговать им по своему усмотрению при условии, что она предавалась греху только в *старых бордо и на улицах, которые были предназначены для этого с незапамятных времен*. По условиям нескольких парламентских постановлений, Деламааре, перед глазами которого были все памятники законодательства Шатле, не судил иначе о состоянии публичных женщин,

которые находились в этом позорном состоянии только при осуществлении своего скандального промысла, а вне его почти вновь обретали качества честной женщины. Из этого необычного различия в двух фазах их образа жизни следовало, что городские власти не имели никакого отношения к тайным расстройством женщин, которые скрупулезно соблюдали предписания и становились обычными рибалдами, только ступив на порог мест, предназначенных для этой преходящей и местной проституции. Те, кто только что занимался проституцией в дурном месте, очищались, так сказать, сразу же, как только покидали его. Этим объясняется решение магистратов Бордо, которые приговорили к виселице человека, виновного в изнасиловании публичной девушки. Об этом памятном решении сообщает Анджело-Стефано Гарони в своем трактате по юриспруденции под названием: *Commentaria in titulum de meretricibus et lenonibus Constit. Mediol.* "Пресловутые места проституции, - пишет Деламаре в своем "Трактате о полиции", - были общими для нескольких из этих публичных женщин, а их дома находились отдельно от них. Это было место сбора, куда они могли свободно приходить за своим дурным ремеслом, и которое было выделено для них, чтобы сделать их более известными и отвадить тех, кто еще был склонен к некоторой скромности. Им было запрещено (согласно старой зеленой книге Шатле, лист 159) предаваться пороку где бы то ни было, даже в своих частных домах, под страхом наказаний, предусмотренных правилами. Они думали, что уклоняются от этих мудрых мер предосторожности, отправляясь в эти общественные места так поздно, что их там не узнают и соседи не увидят, как они туда входят".

С тех пор часы входа и выхода из гардеробов и хижин были регламентированы, и они открывались только на рассвете и закрывались на закате. Однако неясно, подлежали ли женщины, которые ходили туда грешить, какой-либо регистрации; но можно с уверенностью сказать, что они должны были платить фиксированную плату, которая включалась в городской доход или составляла часть дохода короля рибальдов в королевском дворце. 17 марта 1374 года губернатор Парижа издал указ, согласно которому "все женщины, собирающиеся на улицах Глатиньи, Абревуар-Макон, Байльёе, Кур-Робер-де-Пари и других бордо, должны покидать эти улицы сразу после десяти часов вечера под страхом штрафа в двадцать су Парижа за каждое нарушение". Размер штрафа, который был эквивалентен более чем двадцати франкам нашей валюты, доказывает, как нам кажется, что плата за дневной грех была не меньше этого штрафа, половина которого, вероятно, доставалась сержантам Шатле; С тех пор он оставался на усмотрение судьи и, соответственно, удваивался или увеличивался в четыре раза, что позволяет предположить, что высокопоставленные женщины иногда не боялись столкнуться с непристойными опасностями этих позорных мест и мало заботились о штрафе, при условии, что таким образом они покупали безнаказанность и тайну своей беспутной жизни. 30 июня 1395 года губернатор Парижа запретил всем девушкам и *femmes de joie* "находиться в своих борделях или притонах после комендантского часа под страхом тюремного заключения и произвольного штрафа". Деламаре, который сообщает об этом постановлении в соответствии со старой красной книгой Шатле, добавляет уточнение, которое он проверил в регистрационных книгах провинции: "Постановления обновлялись дважды в год, и это отступление было обозначено для них в шесть часов зимой и в семь часов летом, то есть в то время, когда объявлялся комендантский час".

Такова была сила обычая, такова была империя привычки в старые добрые времена, что потребовалось несколько столетий, чтобы отнять у проституции одну из улиц, специально отведенных для нее Людовиком IX. Когда приказ прокурора Парижа от 18 сентября 1367 года возобновил и подтвердил назначение этих бесчестных улиц, епископ Маконский обратился к королю Карлу V с просьбой избавить улицу Шапон от этой нечистой кабалы. Епископы, графы

Шалонские, на протяжении нескольких столетий владели большой гостиницей, расположенной на улице Транснонэн, которая тогда называлась *Труссенонэн*, между улицей Шапон и улицей *Корт-о-Вилен*, ныне улицей Монморанси. Женщины с дурной репутацией заплотнили все эти улицы, но каждый день они собирались в своем убежище на улице Шапон, где их пение, смех, перебранки и непристойности постоянно тревожили зрение, слух и совесть благочестивых обитателей Отеля де Шалон. Епископ, который был членом тайного совета короля, использовал все свое влияние, чтобы удалить из своей резиденции, а заодно и с кладбища Сен-Николя-де-Шам, одиозное соседство, которое, казалось, оскорбляло и живых, и мертвых. Карл V издал эдикт от 3 февраля 1368 года (по новому стилю - 1369), в котором восстановил первый эдикт Сен-Луи против проституции в целом. Выводы, которые он сделал из запретительного ордонанса 1254 года, не были ни справедливыми, ни оправданными, и он не собирался исполнять этот эдикт в полном объеме, а лишь применил его к улице Шапон; Ибо, напомнив о старом указе, изгонявшем публичных женщин (*publicæ meretrices*) из города (*de villâ*) и конфисковавшем все их имущество, вплоть до ленты и пеликана (*usque ad tunicam vel pelliceam*), он приказал владельцам и арендаторам улицы Шапон, сдававшим свои дома рибальдам, немедленно выгнать их и впредь не заключать с ними никаких договоров под страхом потери годовой ренты, чтобы, как гласил эдикт, эти мерзкие создания больше не селились на указанной улице и не проводили там свои собрания (*quod ibidem sua lupanaria ulterius de cetero non teneant*); Это было сделано ради чести епископа и в интересах честных людей, которые жили поблизости от этой улицы или даже на этой улице, где они больше не осмеливались проходить. Ордонанс, похоже, приписывает названию улицы Шапон происхождение, которое опровергается более древними названиями (*saltem metu pene dictus viens*). Соваль утверждает, что публичные женщины воспротивились приказу короля, опираясь на свои привилегии, подтвержденные Сен-Луи, и доказали, что улица Шапон была предоставлена им в качестве места убежища Филиппом-Августом еще до того, как эта улица была заключена в стены Парижа. Епископы Шалона могли бы пожаловаться и воспользоваться указом Карла V, чтобы избавиться от своих скандальных соседей, но они не могли этого сделать, поскольку законодательство Святого Людовика сохраняло столь большой авторитет, а обычай имел столь большую силу в муниципальном управлении. Рибо держались, - говорит Соваль, - и покинули улицу Шапон только в 1565 году, когда приюты для публичных женщин в Париже были разрушены сверху донизу".

Правда, указы королей исполнялись не лучше, когда их целью было противостоять вторжению проституции на улицы Парижа, где это бедствие не насаждалось по праву старшинства. Как только публичные женщины вторгались на улицу или в квартал, они пускали корни и процветали, и их невозможно было вытеснить, несмотря на все угрозы штрафов и тюремного заключения. Они предпочитали подвергать себя суровости закона и заниматься своим ремеслом тайно, на улицах, где глаза полиции не всегда были открыты для них. В 1381 году Карл VI потребовал, чтобы ордонансы Сен-Луи были применены к тем, кто сдавал в аренду дома или ночлежки женщинам с дурной репутацией на некоторых улицах, которые они захватили и которые не были включены в число их убежищ. 3 августа Карл VI направил грамоты прокурору Парижа, которому поручил следить за исполнением содержания этих грамот; он безосновательно опирался на древние ордонансы Святого Людовика, изгонявшие женщин развратного образа жизни из города и полей (*tam de campis quant de villis*) и категорически запрещавшие проституцию; Однако в силу этих постановлений он требовал изгнания только тех проституток, которые поселились на улицах Бобур, Жоффруа-л'Анжевин, де Жонглер, Симон-ле-Франк, а также в окрестностях Сен-Дени-де-ла-Шатр и фонтана Мобуэ. Как и в эдикте Карла V, владельцам и арендаторам этих улиц и перекрестков, которых мы хотели избавить от неудобных гостей, было приказано не

заключать никаких договоров аренды с подозрительными женщинами под страхом выплаты годовой ренты местному судебному приставу или судье Шатле. У нас есть основания полагать, что маршал-провокатор Парижа поначалу принимал меры к тому, чтобы приказы короля выполнялись: домовладельцев штрафовали, женщин выдворяли и сажали в тюрьму; но, несмотря на сержантов, проституция продолжала существовать в завоеванных ею новых владениях. Все эти улицы, за исключением монастыря Сен-Дени-де-ла-Шатр, когда-то составляли часть деревни Бобур, которую Филипп-Август присоединил к городу, окружив ее стенами; поэтому Бобур, естественно, был заселен рибо, которые продолжали жить там по традиции. Центром этой рибавудии был фонтан Маубуэ, окруженный лачугами, что вполне очевидно из самого названия фонтана (*Maubué* - нечистый, плохо вымытый). Создание рибо вокруг церкви Сен-Дени-де-ла-Шатр, в Сите, уходит корнями еще дальше, поскольку, как мы уже показали, в этом приходе сначала располагалась штаб-квартира Конферики Мадлен: просто *веселые женщины*, составлявшие эту Конферику, собирались вокруг своей покровительственной церкви и считали этот район древней вотчиной своей гильдии.

Когда прокурор Парижа опубликовал патент от 3 августа 1381 года, призванный защитить *честность* некоторых улиц, он счел нужным указать на то, что другие улицы были особенно преданы проституции; но, боясь противоречить какому-либо приказу короля, например, приказу о реабилитации улицы Шапон, он избежал называть эти улицы; Он запретил бесчестным женщинам "не держать, не селить и не проживать на хороших улицах Парижа, но чтобы они и их имущество были удалены с упомянутых хороших улиц и им было разрешено проживать в "*moïens bordeaux*" и на улицах и местах *ad se ordés*, под страхом изгнания." В этом уведомлении, которое Дюканж взял из новой зеленой книги Шатле, ничего не говорилось о местах, которые прокуратура поименно выделила для рынка разврата; проститутки также воспользовались этим молчанием, чтобы распространиться по всем частям Парижа и основать множество позорных мест. Прокурору пришлось объяснить амфиболийное уведомление 1381 года новым, более ясным эдиктом, который Дюканж в своем Глоссарии (под словом *GYNÆCEUM*) сообщает под датой 1395 года, заимствованной из черной книги Шатле: "*Item, l'on commende et enjoint à toutes femmes publiciques bordelières et de vie dissolue, à présent demeurans ès rues notables de Paris...*" Им приказывается и предписывается немедленно после этого возгласа удалиться и поселиться в публичных домах и других общественных местах и площадях, где им по старшинству приказано содержать свои публичные дома в вышеупомянутом грехе, то есть на улицах Абревуар де Маскон, де Глатиньи, де Тирон, де Корт Робер де Пари, Байльёз, улице Шапон и улице Пале, под страхом тюремного заключения и добровольного штрафа". Этот *клич*, или прокламация, произнесенная под звуки трубы присяжными глашатаями на перекрестках Парижа, имеет ту особенность, что в ней не учтен приказ короля, касающийся улицы Шапон; возможно, постановление парламента приостановило действие этого приказа. Среди мест, считавшихся позорными, мы уже не находим улицу Шамп-Флери, но видим, что ее заменила улица Пале, которая с тех пор называлась улицей Сен-Жюльен, а позже - улицей Потерн или Фаусс-Потерн, поскольку находилась на небольшом расстоянии от столба Сен-Николас-Гиделон. На этой улице, которая соединяется с улицей Бобур и теперь называется улицей Море, находился двор, где царила грубость, известный как *Кур дю Мор*, - название, которое мы будем связывать с прозвищем некоторых девушек, которые, должно быть, были Моресс или сарацинками, поскольку в "Тайле" 1292 года они названы *Мореями*. Это был один из главных притонов проституции, хотя мы не пытаемся найти эту улицу Пале на улице Пти-Гурлер, куда ее пытались поместить Жеро, Жайо и Лебеф. Большая улица Пале (таких улиц было две), по нашему мнению, была местом убежища для девушек с улицы Бобур и соседних улиц.

В Париже по-прежнему существовало большое количество несанкционированных "грязных улиц", но, похоже, провансальцы не обращали на них внимания вплоть до 1565 года, когда Карл IX ввел общий запрет на них. Однако до этой меры мы можем привести две попытки реформы, касающиеся двух улиц, одна из которых традиционно принадлежала проституции, а другая была заражена ею гораздо позже. Ордонанс Карла VI, датированный 14 сентября 1420 года, во время оккупации Парижа англичанами, возобновил старые запреты на пребывание беспутных женщин где-либо, кроме улиц Абревуар-Макон, Глатиньи, Тирон, Кор Робер-де-Пари, Байльоэ и Пале, под страхом тюремного заключения (Деламаре читает *Rue Pavée* в черном регистре Шатле, откуда он скопировал этот документ). Но четыре года спустя, после смерти Карла VI, Генрих VI, король Англии, называвший себя *королем Франции*, прислушался к мольбам церковных старост и прихожан церкви Сен-Мерри, которые просили отменить позорные франшизы Байльоэ; "В местечке Байльёэ, говорится в грамоте Генриха VI, датированной апрелем 1424 года и выданной в Париже в совете короля, сидят и постоянно находятся женщины развратной жизни и обычные, которые называются борделями, которые держат хлопущки и публичные притоны: что весьма неприлично и не подобает чести, которая должна воздаваться Церкви и каждому доброму католику; дурной пример, мерзкий и отвратительный, даже для знатных, почтенных людей доброй жизни." Поэтому, чтобы удовлетворить пожелания участников выставки и их жен, которых скандализовало зрелище этих дерзостей, английский король запретил "любых проституток на улице де Байльоэ или в окрестностях церкви Сен-Мерри, учитывая, что в городе было много других мест, предназначенных для этой цели, и даже совсем рядом с ней, например, место, известное как Двор Робера, и в других местах, дальше от церкви, для уединения упомянутых женщин, которые не заселены."

Прокурору Парижа было предписано привести в исполнение этот *бесповоротный* эдикт и немедленно выселить заблудших женщин, живущих на улице Байльоэ. Вероятно, этот приказ оказался не более действенным, чем предыдущие, поскольку улица Байльёэ по-прежнему была предана пороку. Однако отметим, что в письмах Генриха VI места терпимости считались *необитаемыми*, в то время как прокламация парижского магистрата, выпущенная громко и четко в 1395 году, предписывала проституткам *устраивать свои жилища* в тех же местах, которые были отведены им с самого начала. Из этих двух почти одновременных документов можно сделать вывод, что законодательство в отношении женщин с дурной репутацией изменилось: они были вынуждены жить в тех самых местах, где совершали свои преступления, и больше не могли скрывать свои дома в любом районе, если жили там честно. Из указа Генриха VI также следует, что, несмотря на неоднократные запреты, беспутные женщины отказывались собираться в гардеробах и лачугах, которые оставались пустынными и заброшенными. Парламентское постановление от 14 июля 1480 года, приведенное Совалем, доказывает, с каким упорством женщины этого типа покидали улицы, отведенные для их бесчестного ремесла, и бросались, как гарпии, на улицы, которые они пачкали своими распутствами. Этот указ предписывал удалить женщин, ведущих бесчестный образ жизни, с улицы Каннет и других соседних улиц, и предписывал им "отправиться жить в старые бордо" (*Antiquités de Paris*, t. III, p. 652). Судя по этому указу, можно не сомневаться, что парижский бургомистр признал необходимость смешать размещение публичных женщин с пристанищем для их дерзости, и что места терпимости стали постоянным местом жительства этих женщин, которые первоначально приходили туда только в определенное время дня и никогда не оставались там на ночь.

Теперь мы должны попытаться обнаружить в топографии старого Парижа улицы, которые были завоеваны бродячими проститутками и которые, однако, не упоминаются ни в указах королей, ни в постановлениях парламента, ни в *распоряжениях* прокурора. Таких улиц, где

тайно промышляли свободные *шлюхи*, было довольно много, и часто непристойное название, которым они были обязаны злему умыслу *народа*, вызывало осуждение у честных людей, которые с осторожностью обходили их стороной. Помимо Кур де Чудес, где в одной трясине сходились вору и проститутки самого низкого класса, существовало еще около двадцати улиц, пользовавшихся такой же дурной славой, как и те, которые Сен-Луи полностью отдал на откуп публичному разврату. Мы уже отмечали выше, что эти улицы обычно примыкали к центру проституции. Так, улица Транснотен зависела, так сказать, от улицы Шапон; улица Бур-л'Аббе - от улицы *Улье*; улица Кокатрикс - от улицы Глатиньи. С самых ранних времен кабады предпочитали жить неподалеку от места, где проводили свои *собрания*, чтобы в любой момент прийти туда, не подвергаясь оскорблениям и осмистыванию со стороны населения. Дурная слава улицы Бур-л'Аббе, открытой за пределами ограды Филиппа-Августа, на территории аббатства Сен-Мартен-де-Шам, способствовала тому, что улица, а точнее, тупик *Гюэлю*, образовавший вход на нынешнюю улицу Гранд-Гюрлер, стала дурной славой. Соваль (т. Ier, с. 120) приводит пословицу, которая говорит нам о том, кем были обитатели этой улицы: "Это люди с улицы Бур-л'Аббе, говорили они; они просят только любви и простоты". Что касается улицы *Улье*, предназначенной исключительно для проституции, то с момента своего возникновения и по сей день она обязана своим названием не рыцарю по имени Гуго Люпус (по-старофранцузски *Hue-leu*), жившему в XII веке и сделавшему несколько пожертвований церкви Сен-Маглуар, а крику, который сопровождал тогда простых или легковых людей, которых случай привел в это позорное место. Эта этимология, соответствующая духу парижских названий улиц, подтверждается именем *Невинных*, которое примерно в то же время носила и улица; она по-прежнему называлась улицей *дю Пет*. С тех пор она получила название *Гранд-Гюэль*, чтобы отличить ее от соседней улицы *Пти-Гюэль*, которая первоначально была *маленькой улицей Пале*, а позже заслужила сравнение с улицей де Гюэль за то позорное предназначение, которое она приняла: "Как только вы видели человека, входящего на одну из этих улиц, - пишут авторы "Исторического словаря парижского города", - вы легко догадывались, что он собирается делать, и детям говорили: *Hue-le*, то есть кричи на него, смейся над ним! Как бы то ни было, из всех парижских *бурдо* именно "Улье" сохранило самую ужасную репутацию; прежде всего именно оно определило суровые репрессивные меры, которые Карл IX распространил на все дурные места в своей столице. Можно с полным основанием утверждать, что дети кричали "*волк*", а в просторечии - "*houloulou*", когда мужчина приставал на улице к развратной женщине или когда одна из этих несчастных осмеливалась показаться среди бела дня в костюме своего государства.

Улицы, ведущие к улице Шапон, были заселены не лучше, чем она. Улица Транснотен долгое время служила поводом для грубых каламбуров местных жителей, которые иногда называли ее *Трусс-Нотен* или *Тассе-Нотен*, а иногда *Тротт-Путэн* и *Тас-де-Путэн*. Улица Ферпильон, название которой восходит к одному из ее первых жителей, первоначально называлась *Серпильон*, старое слово, соответствующее *торшон*. Улица Монморанси, где когда-то находился особняк лордов Монморанси со значительными хозяйственными постройками, была известна только как *Cour au vilain*, из-за того, что на ней располагался своего рода Суд Чудес. Большинство улиц за стенами или вдоль валов, построенных Филиппом-Огюстом, были отданы на откуп свободным проституткам, которые не подчинялись приказам проректора и полиции сержантов Шатле. Улица Дез-Порте, улица Борепэр, улица Ренар, улица Льва-Сен-Совера и улица Тиребуден принадлежали к низшему классу проституток. Улица Де-Порте, получившая свое название от двух дверей, которые закрывались на ночь, неизбежно становилась местом разврата, о чем свидетельствует прозвище *Гратек...*, которое она носила вплоть до XV века. Именно под этим непристойным названием она упоминается в списке улиц Парижа, опубликованном аббатом Лебефом на

основе старинной рукописи из аббатства Сент-Женевьев (Hist. de la ville et du diocèse de Paris, t. II, p. 603). В "Сводке парижских владений" за 1421 год (*Sauval*, t. III, p. 273) управляющий города сообщает, что получил от Жана Жюмо "ренту за дом, двор и конюшни, как все это выглядит, расположенные в Париже на улице Гратек..., рядом с Тиревом..., где висит знак Эску Бургундии, находящейся в заточении у короля". Улица Тирев..., упомянутая в этом рассказе, сохраняла свое позорное название до XVI века, когда королева Мария Стюарт, жена Франциска II, проезжая по ней, попросила одного из своих офицеров назвать улицу, изменив таким образом первоначальное название. Как бы то ни было, этот анекдот, который, как утверждает Сен-Фуа, он позаимствовал из местной традиции, породил в 1809 году странную идею начертать имя Марии Стюарт на вывеске улицы Тиребуден.

Названий улиц, придуманных и испорченных людьми, которым нравились самые непристойные двусмысленности, было бы почти достаточно, чтобы показать нам следы публичной и тайной проституции в старом Париже. Не выходя за пределы новых районов, составлявших Сити и простиравшихся к северу от него по правому берегу Сены, под и за стенами Филиппа-Августа, мы находим в старых описях улицы *Труандери*, дю *Пюи-д'Амур*, де *Пуалек*..., де *Мердерель*, де *Путиньез*, де *Пюти-и-Мюссе* и так далее. Эти названия сами за себя говорят об улицах, которые их носили. Рю де ла Труандери, единственная улица, сохранившая свое название на протяжении более шести веков, была пристанищем не только для бродячих проституток, но и для нищих, воров, бродяг, словом, хулиганов. На улице Пюи-д'Амур, которая сейчас является улицей Пти-Труандери, находился знаменитый колодец, о котором мы уже упоминали и который хорошо знали влюбленные женщины: этот колодец, память о котором связана с несколькими хрониками любви, существовал в центре маленькой площади де Ариан, первоначальное название которой, кажется, было площадь *де ла Ройн*, возможно, из-за королевы РибAUDи или любви, которая была коронована водой из этого колодца. Рю де *Пуалек*, которую можно узнать под ее современным названием Рю дю Пеликан, которую неуклюжий ханжа превратил в Рю *Пурже* в начале Революции; эта уродливая улица никогда не меняла своего названия, и на ней по-прежнему можно встретить те же нравы. Улица *Мердерель*, или *Мердере*, или *Мердериау*, немного очистилась с тех пор, как стала улицей *Вердере*, а затем *Верделе*, но она все еще сохраняет некоторые из своих старых привычек нечистоплотности, и проститутки ходят там, как и в прошлом, в грязи и нечистотах. Улица *Путиньез*, в районе Фобур-Сент-Антуан, сейчас это улица Жоффруа-Ласнье. Улица *Pute-y-Musse* (что означает "девушка прячется там") приобрела честный вид и стала улицей Пти-Мюск. В своем маршруте Гийо упоминает еще одну улицу де *Пюте-и-Мюссе* или *Пюте-Мюссе*, которую аббат Лебеф, как ему казалось, узнал как улицу *Клош-Персе* или *де ла Клош-Персе*. Нет нужды говорить, что эти улицы или переулки, населенные женщинами с дурной репутацией и их нескромными спутниками, отличались, как никакие другие места, своей грязью и зловонием; Именно в таком запущенном состоянии они и предстают перед нами середине XVII века, когда "комиссары вояжеры" провели санитарное обследование столичных улиц и обнаружили в большинстве борделей наличие нечистых выгребных ям, от которых воняло воздухом, и отвратительных карнизов, которые были столь же неприятны для глаз, как и для носа. Проституция, как можно судить по этому признаку, не была склонна к деликатесам и чувственным занятиям, которые впоследствии были вдохновлены примером галантного и сладострастного двора.

ГЛАВА XIII.

Краткое содержание - Сумбурные постановления Филиппа-Августа - Законодательство королей Франции против *распущенности* и *излишеств* в одежде - *Королевы рибалди* - Защита парижских прокуроров и постановления парламента.-Постановление от 26 июня 1420 года - Ордонанс короля Англии Генриха VI - Постановление парламента от 17 апреля 1426 года о запрете *украшений, которые носят девицы* - *Королевы и принцессы любви* - Парижский ординарий.-Жаннетта, вдова Пьера Мишеля, Жаннетта ла Нёфвиль и Жаннетта ла Флёри -Серебряные пояса -Инвентаризация плащей Маргариты, жены Пьера де Рена, и дамы Лоранс де Виллерс, влюбленной женщины -Жанна ла Пайяр и Аньес ла Петит.-Указ Анри II. -Жаннетон дю Буассон. -Те, кто жил на доходы от *сутенерства*, содержал *бордели*, сдавал в аренду *предметы для греха* или содержал *притоны* для публичных девушек.

Мы уже видели, что указом от 1360 г. губернатор Парижа запретил девушкам и женщинам с дурной репутацией под страхом конфискации и штрафа носить на своих платьях или шаперонах "любую гезу или вышивку, белые или золотые серебряные петли, жемчуг, а также плащи, набитые серой". Этому указу, самому раннему из известных нам, касающемуся сумочного надзора за проститутками, несомненно, предшествовало несколько других, которые не сохранились в архивах Шатле в Париже. Филипп-Огюст был первым королем, который исправил роскошь одежды или, скорее, под предлогом ее реформирования в интересах общественного блага, использовал костюм для установления социальной иерархии в соответствии с рождением, рангом и состоянием. Поэтому мы можем предположить, что с первых же постановлений Филиппа-Августа, касающихся одежды, тканей и украшений, профессиональные проститутки лишились привилегии одеваться как *дамы и шатены*; но от законов Филиппа-Августа осталось лишь воспоминание. Законы Филиппа Справедливого, которые, несомненно, были лишь повторением и подтверждением предыдущих, не постигла та же участь; а законодательство королей Франции против *распущенности* и *излишеств* в одежде мы можем датировать 1294 годом. В этом ордонансе 1294 года, несомненно, не упоминаются публичные женщины и принадлежащие им *ливреи*, но мы должны полагать, что они были не более привилегированы, чем буржуазные мужчины и женщины, которые больше не должны были носить *шерсть, серый цвет*, горностаи, золото, драгоценные камни, золотые или серебряные короны, и которые были обязаны в течение года *отказаться от* мехов и драгоценностей, приобретенных ими до ордонанса. Обеспечить исполнение такого приказа было нелегко, и среди самых упорных непокорных были *королевы рибал*, которые не преминули заявить, что эдикт, касающийся буржуазных женщин, их не касается, и что король Франции не мог так обесчестить их, чтобы заставить *шить только платья по 12 солей за тонну*.

Ордонанс Филиппа Справедливого стал отправной точкой для всех аналогичных ордонансов, которые лишь обновляли и дополняли его, добавляя предписания, менявшиеся в зависимости от моды и обычаев. Несколько таких ордонансов, должно быть, были опубликованы до ордонанса 1367 года, который, предназначенный исключительно для жителей Монпелье, особенно для женщин этого города, полон мельчайших подробностей о форме одежды и качестве тканей. Трудно поверить, что в течение долгого периода между первым эдиктом 1294 года и эдиктом 1367 года, имевшим силу закона только в городе Монпелье, к женщинам Парижа не применялись несколько сводов правил, по крайней мере, столь же подробных. Однако мы можем найти только прокламацию прокурора Парижа, датированную 1360 годом, которую мы цитировали и которая распространялась только на простых женщин. Несомненно, существовали и другие подобные прокламации, не говоря уже о той, что касалась исключительно золотых поясов, о которой традиция говорит нам с

уверенностью, хотя оригинальный текст до нас не дошел. Более того, этот текст был всего лишь пояснительным пересказом одной из статей указа Филиппа Справедливого. Однако есть основания полагать, что парижские публичные девицы не проявляли особой покорности советам прокуратора и, возможно, открыто восставали против его агентов, которым было поручено следить за соблюдением закона, поскольку мы видим, что в течение пятнадцатого века *защитные меры*, которые прокуратор издавал для своих скромных подданных, появлялись несколько раз, и всегда с большей строгостью, и постоянно подтверждались постановлениями парламента. В своем указе от 8 января 1415 года, который полностью касался проституции, провиант вновь запретил всем беспутным женщинам иметь дерзость носить золото и серебро на своих платьях и шаперонах в Париже или где-либо еще, белые или золотые серебряные петлицы, жемчуг, золотые или золотые пояса, одежду, набитую серым, меховым, беличьим или другим *честным* мехом, и серебряные пряжки на обуви под страхом конфискации и произвольного штрафа. Им давалось восемь дней на то, чтобы снять эти украшения и избавиться от них, после чего сержантам, обнаружившим нарушение, предписывалось арестовывать их в любом месте, кроме церквей, и доставлять в тюрьму Шатле, где, сняв и сорвав с них одежду, наказывать в соответствии с обстоятельствами дела. Этот приказ был возобновлен и о нем трубили на улицах и перекрестках Парижа в 1419 году, что доказывает, что он не слишком хорошо соблюдался заинтересованными лицами и что упорство мятежников отбило охоту у сержантов следить за ними.

Несмотря на гражданскую войну, чуму и голод, которые в то время опустошали столицу и некоторые провинции королевства, парламент счел вопрос о туалетах достаточно важным, поскольку он касался девушек и женщин с дурной репутацией, и 26 июня 1420 года издал постановление, в котором этим нечистым женщинам запрещалось, "носить платья с отложными воротниками и шейфами, а также любые меха любой ценности, золотые пояса, головные уборы и петлицы на их шаперонах" под страхом тюремного заключения, конфискации и произвольного штрафа, после восьмидневного срока, предоставленного нарушительницам для соблюдения закона. Парламентское постановление подчинялось рибандам не больше, чем приказ парижского бургомистра, и через пять лет бургомистру пришлось повторить свои публикации, которые часто повторялись с таким же малым успехом. *Девицы* проституции не хотели отказываться от своих туалетных принадлежностей и постоянно обходили постановление, что-то меняя в изобретениях моды и уступая в роскоши женщинам из хорошей жизни.

Казалось бы, конфискация запрещенной одежды и драгоценностей в то время была еще довольно *выгодной сделкой*, поскольку парижский провиант присваивал ее в качестве одного из доходов своей канцелярии; Но Генрих VI, король Англии, который был хозяином Парижа в 1424 году, не позволил отвлекать этот нечистый источник *прибыли* из королевской казны и своим приказом, датированным маем того же года, предписал проректору, "чтобы впредь он не назначал и не применял к своему провианту пояса, драгоценности, хабиц, жилеты и другие вещи, запрещенные для влюбленных и распутных девушек и женщин." (См. сборник ордонансов королей 3rdрасы).

17 апреля 1426 года новый парламентский указ запретил "украшения, которые носят девицы", шейфовые платья, перевернутые воротники, алую ткань в платьях и шаперонах, мех петитгрис и другие *богатые меха, будь то в колетах, манжетах, порфирах или иным образом*. То же постановление запрещало им "носить какие-либо петлицы на шаперонах, шелковые пояса, золотые или серебряные меха, которые являются украшением почетных женщин". Эти неоднократные постановления свидетельствуют об упорстве публичных

женщин в нарушении предписаний: они не могли убедить себя в том, что, подобно мелким буржуа, подчиняются законодательству о роскоши, которое становилось все более строгим по мере роста роскоши и постоянного стремления моды утвердить свой легкомысленный уровень во всех слоях общества. В частности, в XV и XVI веках короли Франции, которые сами подавали пример чрезмерной щедрости в своих тратах на туалетные принадлежности, тем не менее запрещали под страхом самых суровых наказаний все, что, казалось, относилось к *распущенной одежде*; они даже не позволяли своим кавалерам и фрейлинам пользоваться некоторыми тканями, предназначенными для принцев и принцесс; Но женщины удовольствия, называвшие себя *королевами и принцессами любви*, не обращали внимания на эти эдикты и продолжали носить все эти запрещенные *излишества* на своих привилегированных улицах. Надо полагать, что они не осмеливались выходить в таких нарядах на *честные* улицы, что сразу бы бросилось им в глаза и непременно возбудило бы против них возмущенных прохожих. Мы уже говорили, что народ несколько не сочувствовал им, и часто, когда они проходили мимо, их поносили, бросали в них грязью и даже били.

Время от времени приходилось удовлетворять народную мстительность, наказывая одну из этих наглых женщин, которые при каждом удобном случае преступали закон. Некоторых несчастных женщин, которых общественность называла профессиональными рибалдами, арестовывали на улице и находили у них запрещенные предметы. Эти аресты не доходили до самых виновных, которые, будучи наименее бедными, всегда имели в карманах достаточно средств, чтобы ослепить сержантов, даже если те являлись к ним во всей своей *пышности*, как говорили в то время; некоторые даже платили этим дебылым сержантам ежемесячную или еженедельную плату, чтобы их никогда не беспокоили, в каком бы наряде и с какими бы украшениями они ни были. Те, кто попадал в тюрьму и лишался одежды, зачастую имели на теле лишь лохмотья и даже не выходили из Шатле с достаточной суммой, чтобы заплатить сержантам. Таким образом, Соваль и Деламар извлекли несколько любопытных статей из парижских отчетов, которые показывают нам бедность простых жертв Шатле. Выдержка из Парижского ордонанса, в главе "*Forfaitures, Espaves et Aubaines*" за 1428 год, заслуживает того, чтобы привести ее в том виде, в каком Соваль собрал ее в "Преданиях о древности Парижа": "О стоимости и продаже одной драпировки, сшитой из пеньюара серого цвета, в которой была найдена Жаннетта, жена Пьера Мишеля, любимая женщина, , которая была одета и одета в одно одеяние, сшитое из ткани черного цвета, буклированной, протравленной и с гигантскими зубцами из аргента, надетыми на нее в два раза больше и меньше"; в каком состоянии она была найдена собирающейся валить город, в дополнение и сверх постановления и запрета на это, сделанного, и за это была заключена в тюрьму, а вышеупомянутое платье и пояс объявлены принадлежащими королю, путем конфискации, следуя вышеупомянутому постановлению, и переданы на полном рынке в десятый день июля 1427 года; то есть ссавуар вышеупомянутого платья ценой в семь ливров двенадцать солей парижских, из которых сержанты, заключившие ее, имели четверть за это; за остальное, и т.д.-Стоимость еще одного пояса на старой черной шелковой ткани, с замком и восемью серебряными гвоздями, пряжкой и оловянной насадкой, найденного у Жаннетты ла Нёфвиль, заключенной в тюрьму с этой целью, и т. д.-Стоимость другого пояса, застегнутого и закрепленного на черной шелковой ткани восемью серебряными шпильками, и ошейника из серого пенне, найденного у Жаннетты ла Флери, известной как *ла Пуассоньер*, заключенной в тюрьму на данный момент, и т. д."

В этом отрывке мы отмечаем несколько обстоятельств, которые важно упомянуть как детали морали. Женщины подвергались аресту и тюремному заключению только в том случае, если оказывались на общественной дороге в одежде, которую им не полагалось носить; в результате они могли одеваться как им заблагорассудится в своих домах и даже в пределах

мест, используемых для их скандальной торговли. Влюбленные женщины, от которых полиция Шатле не требовала никаких предварительных заявлений и которые таким образом избегали позора своего положения, могли, благодаря своему рождению и гражданскому статусу, сохранять видимость буржуазности и скрывать свою истинную профессию, пока несчастный случай не выдавал тайну их постыдного существования. Так, у Жаннетты, вдовы Пьера Мишеля, не было прозвища, указывающего на скандальность ее поведения; Жаннетта ла Нёфвиль носила заметное имя среди добропорядочных буржуа Парижа; что касается Жаннетты ла Флери, или ла Пуассоньер, то у нее было два прозвища, и последнее, похоже, указывает на то, что она попеременно занималась проституцией и продажей рыбы. В предыдущей главе мы отметили, что нынешний район, через который проходят улицы Пуассоньер и Монторгейль, был полностью занят обитателями Кур-де-Чудес и клиентами ярмарочных дебошей. Добавим, что торговцы рыбой, которым необходимо было присутствовать во время прилива, сначала открыли магазин на дороге, известной как *Val larroneux*, которая затем стала *chemin et rue des Poissonniers et des Poissonnières*. Можно догадаться о причинах, по которым прозвище *Пуассоньер* дали влюбленной женщине, которая часто посещала рыбные лавки или была окружена торговцами рыбой. *Жаннетта* не была, как считает месье Рабуто, обычным и общим именем для девушки радости. Следует также отметить, что с предметами, найденными у влюбленных женщин в нарушение ордонанса, поступали так же, как с предметами, потерянными на общественной дороге и принадлежащими поместью, если они не были своевременно востребованы: по истечении 40 дней их продавали *на открытом рынке*, а вырученные от продажи деньги, которые были очень малы, распределялись между королем, городом и сержантами как обломки.

Соваль не анализировал все продажи такого рода, предложенные ему в счетах Парижского ординария; но он принял их к сведению, и видно, что они были очень редки, поскольку Соваль упоминает несколько лет, в которые не было ни одной, по крайней мере, в реестрах провизора. Счет за 1446 год содержит такую статью: "Продажа небольшого пояса, пряжки, морилки и четырех маленьких серебряных гвоздей, найденных во владении Гийонны ла Фрогьер, влюбленной женщины, объявленной принадлежащей королю путем конфискации и т. д.". Сержанты вели войну с серебряными поясами или поясами, украшенными серебром, возможно, в оправдание этой пословицы. Штрафы, наложенные за незаконное ношение этих поясов, зафиксированы в счетах за 1454, 1457, 1460, 1461 и 1464 годы. С этого последнего периода судебные преследования, похоже, замедлились, и можно было бы простить, если бы мы подумали, что о поясах не было и речи. Выдержка из главы *Forfaitures* от 1457 года гласит: "Несколько поясов для женского использования, снабженных пряжками, застежками и серебряными гвоздями, объявленные принадлежащими королю в результате конфискации нескольких влюбленных женщин, которые носили эти пояса в Париже вопреки приказам, сделанным по этому поводу". В "Счете 1459 года" мы видим опись одежды двух влюбленных женщин, которые обе носили благородное имя, но были одеты совершенно по-разному. Ветхий наряд первой женщины свидетельствует о том, в какое бедственное положение ее ввел порок, а ее чары не давали средств к восстановлению; должно быть, она была стара и некрасива, чтобы быть арестованной в таком наряде: "Короткое платье из серого сукна поверх *tenné* (дубленой, коричневой шелковой ткани), подбитое белым *renne* (мехом), сильно изношенное, со старыми туфлями *rempiécées* из фиолетового сукна и *rougpoint* из *fustaine*, как это было, с которым Маргарита, жена Пьера де Рейна, была найдена одетой и обутой, объявленной принадлежащей королю, и т. д." Удивительно видеть влюбленную женщину в дублете и тапочках, как будто она хотела выдать себя за мужчину, если понадобится. Вторая преступница, которая, несомненно, была арестована при выходе из церкви по доносу народа, заслужила более выгодное предложение сержантов, доставивших ее в Шатле: "Пояс, с пряжкой, кусачками и позолоченными серебряными

гвоздями, весом в две с половиной унции, с *surceinte* (очень широкий двойной пояс), также с пряжкой, кусачками и позолоченными серебряными гвоздями, коралловые *Pater noster* (четки), такие и такие с пуговицами, и серебряный *Agnus Dei*, женские часы, такие, как они есть, с позолоченной застежкой, и атласный воротник, набитый минюром, такой, как он есть, которые попали к королю, нашему сиру, через конфискацию дамуазель Лоранс де Вильерс, влюбленной женщины, взятой в плен за то, что она их носила, и т.д." Перед нами благородная девица, которую квалифицировали как *влюбленную женщину*, и которая оставила королю предметы роскоши, которые она не имела права носить при себе, даже в благочестивых целях. Эта Лоранс де Виллерс умела читать, поскольку ходила в церковь с часословом, что, должно быть, было исключением среди женщин дурной репутации. В Счете 1460 года штрафы за ношение одежды и поясов с нарушениями, по-видимому, были более многочисленными, но эти штрафы, как всегда, не приносили пользы ни королю, ни городу, ни сержантам. Вот "платье из серой простыни, вывернутое наизнанку, подбитое одеялом, в которое была одета влюбленная Жанна ла Пайяр, и за это ее посадили в тюрьму", потому что сами буржуазные женщины не имели права подшивать свои платья или обшивать их шелком. Здесь речь идет о "поясе, принадлежащем Аньес ла Петит, которая, хотя и была замужем, вела распутный образ жизни и как таковая несколько раз была заключена в тюрьму, из которого она была найдена опоясанной и носила его по Парижу". Эта последняя статья доказывает, как мы уже утверждали, что замужние женщины часто были проститутками. В то время ношение поясов было предметом особого преследования, и мы полагаем, что специальный ордонанс был причиной этого удвоения преследований, которые всегда приводили к тюремному заключению рибAUDов, арестованных с нарушением.

Эти женщины были неисправимы, когда речь шла об уходе за собой; все они в большей или меньшей степени страстно любили драгоценности и не боялись подвергнуть себя тюремному заключению и штрафу, чтобы доставить себе удовольствие носить золотые, серебряные или даже посеребренные оловянные изделия. Дело не в том, что они хотели замаскировать свою бесчестную профессию и слиться с почетными дамами и девицами. Они не восставали против духа ордонансов, призванных устранить путаницу в социальных классах между *мужчинами и женщинами всех состояний, которые*, согласно указу Генриха II, *не могли быть выбраны или отличимы друг от друга*. Профессиональные рибалдессы, напротив, старались не выдавать себя за тех, кем они не являлись, но с удовольствием украшали и *украшают* себя, чтобы привлечь внимание и продемонстрировать свое величие. Поскольку ожерелья, браслеты и кольца были им запрещены, они компенсировали этот запрет ношением священных украшений, золотых четок, медалей, крестов и благословенных колец; но сержанты не все были настолько благочестивы, чтобы закрывать глаза на эти благочестивые нарушения, и они поджидали нарушителей у дверей церкви, чтобы под насмешки народа отвести их в Шатле. Похоже, что Людовик XI, который очень злоупотреблял медалями, четками и *Agnus Dei* в своих интересах, приказал еще более сурово относиться к влюбленным женщинам, у которых эти предметы были изъяты: не только драгоценности конфисковывались в пользу короля, но и женщина, которая их носила, подвергалась штрафу. В 1463 году Жаннетон дю Буиссон *была оштрафована на пятнадцать солей четыре парижских денье* (около 25 франков в нашей валюте) за незаконное ношение двух позолоченных *патеностров*. Людовик XI также строго наказывал рибо, которых находили в мужской одежде на улицах Парижа; в главе "Forfaitures et Espaves" Парижского ордонанса 1471 года мы читаем: "В связи с тем, что в Париже в 1471 году были найдены рибAUDы, одетые в мужскую одежду, а также в плащ и корнет, все остальное, до того, как Джеханн ла Тибод была найдена одетая и одетая, и в этом поместье была заключена в тюрьму Шастеле де Пари, 21 мая, они были объявлены приобретенными и

конфискованными королем." Мы не смеем рассуждать на тему этой мужской маскировки, которая, похоже, иногда, по крайней мере, имела нечестную цель в актах проституции.

Наряду с рибо всегда существовали посредники в разврате, которые, несмотря на страшные угрозы законодательства в их адрес, вели свое позорное ремесло вполне мирно; их редко преследовали и еще реже судили и осуждали. Обычно, когда жалобы соседей или жертв заставляли суды приструнить их или публично проявить суровость, обвиняемых арестовывали и заключали в тюрьму, но все заканчивалось штрафом, конфискацией имущества и изгнанием. Во многих случаях виновный выходил на свободу после уплаты крупного штрафа, который вскоре компенсировался доходами от его *сутенерства*. Те, кто содержал *публичные дома* и сдавал *грешницам* в аренду вещи, кто содержал *притон* публичных девушек, кто давал им деньги, мебель или одежду в долг под ростовщичество, кто жил, одним словом, за счет легальной проституции, были терпимы, если не защищены, и их неблагородное вмешательство признавалось как оказывающее благотворное влияние на практику разврата. Женщины, посвятившие себя этому отвратительному занятию, нуждались в авторитете, который разработал бы для них правила поведения и держал бы их под постоянным наблюдением: поэтому им не мешало иметь *негодяя* в качестве гувернера или *негодяйку* в качестве гувернантки. Эти предводители *разгула* обычно прикрывались приличным именем и маской честности: Иногда это был носильщик, иногда горничная, иногда трактирщик, иногда ярмарочный торговец; но всегда, мужчина или женщина, это был человек зрелого возраста, даже почтенной старости, со строгой осанкой, серьезной речью и торжественным видом, что не мешало этому достойному человеку постоянно подвергаться злключениям тюрьмы, порки, столба и ссылки, согласно традициям римского права. Французский закон предусматривал смертную казнь для *проверенных сутенеров*, но это наказание почти никогда не применялось, хотя и оставалось, как пугало, в уголовном кодексе. Более того, мнение юристов не менялось в отношении преступления, которое с точки зрения морали встречало такую же терпимость, как и с точки зрения применения закона. Маккери и макерели, - пишет знаменитый Жосс де Дамхудар в своей "Судебной практике по уголовным делам", которая служила образцом для всех магистратов XVI века, - маккери и макерели, заставляющие преуспевающих и честных женщин спотыкаться, по закону наказываются телесно, а по обычаю - изгнанием или другим произвольным наказанием, в зависимости от разнообразия стран и городов".

Старые криминалисты просто повторяют в этом вопросе и соглашаются, что наказание было оставлено в законе как полезная мера предосторожности, чтобы остановить эксцессы либертинизма, обеспечивая юридический барьер для его самых дерзких агентов. Ученый Жан Дюре в своем "Трактате о нравах и поправках" (изд. Лион, 1583, in-8°, fol. 105) выражается в этом отношении так же ясно, как и Ж. де Дамхудар: "Те, кто сдает и предоставляет дома для сутенерства, - говорит он, - теряют право собственности, будучи приговорены к штрафу в десять фунтов золотом. На самом деле наши практикующие врачи, в соответствии с наказаниями, предписанными законом, карают их смертью". Однако есть не один пример, когда смертная казнь назначалась преступникам обоих полов в силу особых обстоятельств их преступления". Дюре добавляет этот пункт, который говорит нам о том, в каких случаях требовалась смертная казнь в отношении подстрекателей к разврату: "Если отец, мать, брат, сестра, дядя, тетя, опекун или попечитель доставляют таким образом свою дочь, родственницу или несовершеннолетнюю, или если сводничество совершается с целью склонить к прелюбодеянию, то достаточным наказанием является только смерть. Слуги и кормилицы такого государства должны лишиться жизни". Другой юрист того же периода, Клод Лебрен де ла Рошетт, в своем практическом трактате "Гражданский и уголовный процесс" (изд. 1647, in-4°) использует целую главу для установления различных

степеней сутенерства и приходит к выводу, что разврат, дочь безделья и упомянутого сутенерства, порождает блуд, прелюбодеяние, похищение, кровосмешение и содомию. Поэтому, - говорит он, - независимо от того, держат ли гнусные мучители совести в своих домах распутных женщин, с которыми они сотрудничают, заманивают ли они их туда приманками, обольщениями, обещаниями и хитростями, или ведут к ним переполненных мужчин, они ничем не отличаются от *тех, кто proprio corpore quæstum faciunt*, как решает Ульпиан в законе *Палама. § Lenocinium; ff. De ritu nupt. l. Athletas, § 1, ff. De his qui not. infam.*

Далее Клод Лебрэн де ла Рошетт отмечает снисходительность французских судов к факту *сутенерства*: "Это было принято с давних пор, - говорит он, - в наказание за последнее подаяние, когда было установлено, что макэро стремится соблазнить девушек и женщин, которых он предал гибели; что он побуждает к этому с помощью уговоров или слов, и что таким образом он заставляет людей подчиняться своему желанию и проституции, которые он желает совершить, чтобы извлечь выгоду из этого злодеяния.... Однако суверенные суды парламентов этого королевства и нижестоящие суды наказывают их более мягко, довольствуясь изгнанием или суровым наказанием на перекрестках городов, где они занимаются посредничеством и где их задерживают". Мы полагаем, что терпимость к сутенерам распространялась не на тех, кто занимался развращением молодежи и невинности, а только на хозяев и хозяек дурных мест. Последние отличались от мерзких и отвратительных искушителей, которые, подобно демонам, разрушали благоразумие и замыслили против чести женского пола: "Пусть они избегнут здесь божественного наказания, - говорил честный Лебрэн де ла Рошетт об этих развратителях, - им не избежать божественного наказания, которое всегда воздаст нечестивцам ростовщицеством за их злодеяния". Что касается *господ и дам бордо*, то им везде оказывали негласное покровительство и использовали в качестве неофициальных посредников для исполнения полицейских предписаний. Это были пожилые женщины, которым предпочтительно разрешалось управлять развратными заведениями, и их называли *публичными мадам*. Дюканж цитирует документ, датированный 1350 годом, который подтверждает это описание: *in domo cujusdam maquerellæ publicæ in villa Valentianis*, etc. Почти наверняка *публичные мадам* существовали и занимались своим ремеслом в условиях терпимости муниципального права.

Однако указы королей, постановления парламента и прокламации прокурора Парижа неоднократно осуждали, запрещали и порицали *сутенерство* в целом, не делая никаких оговорок и не признавая никаких смягчающих обстоятельств. В ордонансе 1367 года, проанализированном Деламаром, парижский губернатор запретил "всем лицам любого пола доставлять или вводить женщин в грех своим телом под страхом того, что они будут повергнуты на столб и сожжены (т. е. заклеены раскаленным железом), а затем изгнаны из города". Как видите, это постановление не распространялось на тех, кто устраивал *рибалки* с женщинами, помешанными на своем теле. Все постановления, касающиеся аренды домов, косвенно затрагивали вопрос сутенерства, и позорные виновники этого *злодействия* не могли заниматься им в качестве владельца или главного арендатора. Приказ бургомистра от 8 января 1415 года, дословно повторенный в 1419 году, запрещая развратным женщинам снимать дома "на честных улицах", также запрещает "всем лицам предоставлять девушек или женщин для греха своим телом, под страхом быть обращенными в столб, заклеенными раскаленным железом и выдворенными из города". Именно такое наказание чаще всего применялось к ним, когда эти *орудия Сатаны*, как называл их Лебрэн де ла Рошетт, приложили руку к какому-нибудь публичному скандалу. Иногда их приговаривали к кастрации и отрезанию ушей; кажется, некоторых мадам даже хоронили заживо. Во многих случаях эти приговоры, несомненно, приводили к конфискации, изъятию

или сносу домов, в которых совершались преступления. Так, по крайней мере, можно предположить, исходя из этого отрывка из Счета парижского ординария за 1428 год: "Николя Сандемер и Изабо, ее женщина, за то, что они покинули некое место, где есть дома, четыре бордо и здания, которые до сих пор были снесены, в Париже, в Сите, в Глатиньи, с одной стороны, арендаторы.. а с другой стороны образуют угол аллеи, по которой спускаются к реке Сене, со стороны, обращенной к Гран-Пон. Нам известно, что по обычаю, восходящему к глубокой древности, дом, запятнавший себя преступлением, разрушался до основания и оставался пустым на определенный приговором срок, как бы для очищения проклятого места. Мы также считаем, что дом, который долгое время был плохим местом, не занимали люди чести, если он не был отстроен заново.

В следующей главе, посвященной сведению воедино разрозненных фактов о проституции в разных городах, мы увидим, что в разных странах сутенеров наказывали по-разному. Среди казней, состоявшихся в Париже, мы не можем найти ни одной, в которой бы упоминался пациент, названный *сутенером*, но, с другой стороны, недостатка в *мадам* не было. Соваль рассказывает (т. II, с. 590), что в 1301 году *мадам, которая гнусно клялась*, была посажена на столб, по *шкале* Святой Женеьевы. В Париже было от 20 до 25 частных *дворов с лестницами*, где сутенеров и мадам пороли, били и выжимали.

У самого епископа Парижа была своя лестница правосудия на переднем дворе Нотр-Дам, и приговоры чиновника, выполнявшего функции судебного пристава епископства, часто затрагивали беспутных женщин, что доказывает, что проституция не была полностью изгнана с территории епископального правосудия. В 1399 году чиновник епископа Парижского, чтобы наказать женщину, которая "приняла и вывела нескольких мужчин и женщин, женатых и будущих, и отправила их просить милостыню с помощью определенных посланий", приговорил ее к тому, что ее "высекли, вычесали волосы, изгнали из земель упомянутого епископа, а все ее имущество конфисковали". (См. глоссарий Дюканжа и Карпантье, слово *Capilli*). Другая казнь того же рода ранее произошла на лестнице Парвиза: некая Изабель, продавшая молодую девушку канонику собора, была выставлена на эту лестницу и там подвергнута пыткам и сожжена горящим факелом; после этого она была изгнана на всю жизнь. Однако в 1357 году эта Изабель получила от короля прощение, вероятно, при посредничестве каноника, которого, похоже, не преследовала светская рука. Горящий факел, который фигурирует в пытках этой развратной куртизанки, использовался, если можно так выразиться, для того, чтобы *поджечь* пациентку и сжечь все волосы на ее теле. Подобные казни привлекали больше людей, чем любые другие. В отчете ординария за 1416 год (*Preuves des Antiq. de Paris*, t. III) мы читаем, что сержанты шателета купили дюжину новых *boulaies* (березовых палок), чтобы *теснить народ* и "присутствовать при правосудии, которое вершилось над мадам, которых вели через перекрестки Парижа, переворачивали, жгли, отрезали уши в столбе". В тех же отчетах мы находим несколько мадам, которых вели к столбу с той же церемонией и той же раздачей ударов зрителям. Столб, на который обычно выставляли мадам, находился в Лез-Халле, который был построен на месте колодца *Лори* (что, несомненно, означает *колодец для ушей*). Раньше, во время казней, над этим колодцем возвышался эшафот, увенчанный вращающейся клеткой, в которой были сделаны отверстия, куда пациентки просовывали голову и руки, оставаясь таким образом выставленными на обозрение любопытных глаз толпы в течение всего рыночного дня. Палач, руководивший этой пыткой, должен был после исполнения приговора, отрезания одного или двух ушей, применения кнута и т. д. по очереди представлять преступников, которых он сажал на столб, к четырем кардинальным точкам. В общем, мадам, подвергшуюся этому позорному наказанию, осыпали оскорблениями, освистывали, поливали грязью и мусором. Не все пилюли были передвижными, как в парижском Les Halles; часто там была только

лестница, приставленная к виселице; *пилюля*, привязанная к верхушке лестницы, в очень неудобном положении, сообщала прохожим о характере своего преступления, нося знак на спине, или на груди, или даже на лбу. Дюбрейль вспоминает, что видел на лестнице парвиза Нотр-Дам, принадлежащего юстиции епископа и его чиновника, уродливого священника с такой надписью на спине: *Propter fornicationes*.

Расстрел и разоблачение проституток всегда были источником развлечения для жителей Парижа; люди стекались посмотреть на них и выставляли их к столбу. Все публичные девушки и все развратники получали особое удовольствие, наблюдая за наказанием этих недостойных женщин, которые часто обогащались за счет своих многочисленных жертв. Подобные казни, всегда сопровождаемые той же толпой и тем же весельем, были довольно редки, однако из-за скандала, который они вызывали в городе. Примеры можно найти уже в XVII веке: в книге *Procez criminel* Лебрэн де ла Рошетт упоминает о наказании известной парижской *мадам* по имени Дюмулен, которая была подвергнута подобной казни на перекрестке во времена правления Людовика XIII, а затем пожизненно изгнана из королевства, хотя ее уши остались целы. Регистры парламента, несомненно, содержат большое количество постановлений и казней подобного рода; некоторые из этих казней, вероятно, представляют собой более трагическое зрелище. Например, в Сводках парижского прево за 1440 год мы с удовольствием отнесем эту выдержку из "*Форфатур*", сообщенную Совалем, к делу о сутенерстве, подкрепленном воровством и уголовными поборами: "De la vente des biens meubles de feues Jeannette la Bonne-Valette et Marion Bonne-Coste, n'aguerre enfouyes vives lez la justice de Paris pour leurs démérites, etc., из которого несколько вышеупомянутых вещей, как принадлежащие им, и которые были ошибочно взяты и украшены вышеупомянутыми женщинами, были якобы изъяты и возвращены нескольким лицам".

Обычно женщин, приговоренных к погребению заживо, хоронили на *Марше Пурсо*, на горе Сен-Рош, что было очень распространенным наказанием, прежде чем было решено вешать их, как мужчин. Первым в Париже повесили негодяя, который занимался всеми ремеслами, присущими проституции; в 1449 году, согласно историкам времен Карла VII, были повешены два нищих и нищенка, "которые следовали за помилованиями и праздниками", говорит Соваль, и которые были не менее осуждены за всевозможные преступления. Один из этих негодяев был повешен у Porta Сен-Жак, другой, вместе со своей женой, у Porta Сен-Дени: "Хотя они были мужем и женой, - добавляет Соваль, - тем не менее, они жили вместе, как будто не были женаты", что означает, что муж проституировал свою жену, а она также поощряла распутство своего мужа. Соваль добавляет к этой поучительной истории несколько любопытных подробностей: "Так как во Франции еще не вешали ни одну женщину, весь Париж сбежался к ней. Она пришла туда растрепанная, одетая в длинное платье и обвязанная веревкой выше колен. Одни говорили, что она сама попросила, чтобы ее так казнили, потому что так принято в стране. Другие хотели, чтобы это было сделано по приказу судей, чтобы женщины дольше помнили об этом". Виселица, однако, не использовалась исключительно для пыток *блудниц*, поскольку Соваль извлек из "Сводки прево" за 1457 год две статьи, которые могут относиться к *мадам*: "Одна по имени Горностаи Валенсьенн, приговоренная к погребению заживо под виселицей в Париже (т.е. Монфоконе) за ее проступки. Женщина по имени Луиза, жена Гюга Шосье, была похоронена в том же месте, и для этого была вырыта могила длиной в семь футов". Смертная казнь привела к другим формам наказания, в зависимости от желания судьи, который иногда приказывал искупить преступление огнем или водой. Среди женщин, которых заживо сжигали в Париже или бросали в воду и топили под Пон-о-Шанж, можно с уверенностью предположить, что многие из них оскверняли свое тело и совершали отвратительные поступки, которые

юриспруденция Средневековья относилась к категории противоестественных грехов: Что касается женщин, совращающих друг друга, которых древние называли *трибадами*, - говорит строгий автор "*Procez criminel*", - то нет сомнений, что они совершают между собой нечто вроде содомии... И это преступление достойно смерти, как замечает М. Бойер в своих "Решениях".

Мы не будем использовать свидетельство Николя Бойе, автора "Решений Бурдигаленса", чтобы показать, что парламенты и суды низшей инстанции всегда были безжалостны к женщинам дурной репутации, которые представляли перед ними по уголовным обвинениям. Причины такой суровости мы объясним, процитировав отрывок из книги Лебрена де ла Рошетта, в котором в таких выражениях излагается единодушное мнение законников о позорных помощницах проституции: "Что касается сутенеров и мадам, то они совершенно невыносимы как враги честности, предатели супружеского и девственного благоразумия, убийцы святого человеческого общества, препятствующие законному наследованию истинных наследников, как враги ада и настоящие уловки грязного ума, которые никогда не были терпимы ни в одной установившейся республике, чтобы не чувствовать ничего, кроме язычества или атеизма, как мы можем понять из Конституций Юстиниана, *новелла 14*. Кроме того, все юристы и врачи считают, что: *Lenocinium gravius et majus est crimen adulterio, quia adulter in se tantum et in unam foeminam peccat; leno autem peccat in se, et duos pariter peccare facit*". Однако один из первых кодексов, написанный на французском языке, *Livre de jostice et de plet*, содержащий обычаи Франции, смешанные с буквальным переводом Дигест, содержит только наказание в виде изгнания и конфискации в отношении посредников разврата: "Cil qui fet desloyaus assemblées de bordelerie doivent perdre la ville et leurs biens sont le roi (liv. XVIII, ch. 24)". Эта статья *Боли* была дополнена следующей, предписывающей фустигацию перед изгнанием: "Li maquerele de femes doivent estre fusté et gesté (фустигированные) hors de la vile, et leurs biens sont le roi".

ГЛАВА XIV.

Sommaire.- Состояние государственной проституции в провинциях древней Франции.- Кутюмы Бовуази.- Проституция в герцогстве Орлеанском.- Ливреи де jostice и де plet.- Северные провинции.- Организация государственной дебоширской службы в Тулузе, Монпелье, Нарбонне и т.д.- Кутюмы Байонны.- Кутюмы Марселя.-Кутюмы графств Монфор, Родез, Ним, Бокер и т.д. -*Легкие* женщины в Баньольсе и Сен-Сатурнине.-Бордо.-Супруг *аккабуссада*.-Марсель.-Систерон.-Авиньон.-Лион.-Женева.-Кутюмы разные.-*Ломбардцы* и проститутки.-Труа, Амьен, Лаон, Мо и т.д.-Города без *шеф-повара*, затронутые легальной проституцией.

Таким образом, ордонанс Людовика IX, касающийся проституции, все еще оставался единственной основой юриспруденции по этому вопросу, к которому другие короли Франции вряд ли осмеливались прикасаться после святого короля, который не боялся наложить на него руки, чтобы удержать его в разумных пределах; Но знатоки права и магистраты, принимая ордонанс 1254 года, а точнее 1256 года, иногда изменяли его текст, а также по-разному толковали его в зависимости от обстоятельств дела; кроме того, они добавляли в качестве неперменных следствий некоторые положения римского права, действовавшего в судах, которые были в большей или меньшей степени смешаны с обычными традициями, последними остатками варварских обычаев и кодексов. Именно эти обычаи бесконечно меняли состояние легальной проституции в каждой провинции и даже в каждом городе. Чтобы отметить все странности, связанные с терпимостью к проституции и

особенно с наказаниями, которые она влекла за собой в определенных случаях, необходимо проанализировать конкретную историю этих городов и провинций, и прежде всего внимательно изучить их местное законодательство. Мы можем только черпать информацию из столь обширного и сложного предмета, материалы которого разбросаны во множестве томов, листать которые у нас не хватит терпения, и которые, возможно, предложат нам лишь огромное количество бесполезных повторений. Однако из кратких выдержек из наших заметок станет ясно, что на основе подлинных текстов можно было бы создать, город за городом и даже деревня за деревней, настоящую порнографию древней Франции.

Отметим раз и навсегда, что проституция никогда не имеет специального названия ни в одном своде законов, постановлений или обычаев: она отнесена к нескольким названиям, где фигурирует среди разнородных фактов, которые не имеют к ней никакого отношения и совершенно ей чужды. Существуют даже общие тексты обычаев, где его нет нигде, как будто скромность юриста намеренно устранила его. Так, в знаменитых Coutumes du Beauvoisis, которые были основным источником французского права на протяжении четырех столетий, тщетно искать решение, касающееся публичного разврата. Кажется, что ученый Филипп де Бомануар хотел изгнать его из своей книги, так же как он хотел бы исключить его из *республики*. Личный характер юриста, строгость его нравов и скромность его языка, несомненно, были против того, чтобы он включил скандальную главу о проституции в формуляр обычаев своей страны. Безымянный автор "Жизни шутовства и плетня", написанной в то же время в школах *Декрета* д'Орлеана, не столь сдержан в использовании слов и вещей. Он начинает с пересказа постановления Святого Людовика о реформации нравов и переводит на свой орлеанский диалект статью о проституции: "Adecertes, les foles femes communes, de chans et de viles, seent getées hors; et quant l'en lor aura ce admonesté et devéé, li juge d'icels leur prangnent lor biens, ou autres, par l'autorité de cels, jusqu'à la cote ou le pelicon. Ensorque tot qui loera meson à fole feme commune ou recevra bordeaus en sa meson, et soit tenue souder au baillif dou leu, ou au prevost, ou au juge, tant comme la pension de la meson vaudra en un an." Как видно, Орлеанская школа права поддержала в качестве закона первый указ Людовика IX, отменивший проституцию, а не второй, который двумя годами позже разрешил ее в условиях терпимого режима.

В силу этого основополагающего принципа, записанного в Livre de jostice et de plet, мы видели в предыдущей главе, какие наказания понесли *li maquerel de feme* и *cil qui fet desloyaus assemblée de bordelerie*. Последний был просто промышленником, который получал *бордиас* в свой мезон и извлекал из этого позорную прибыль; другой, который мог сколотить состояние на сутенерстве, стремился развратить ради собственной выгоды девушек и женщин, которых он заманивал в порок. Последний сутенер был гораздо более виновен, чем простой *содержатель публичного дома*, который как таковой оказывался на одном уровне с вором, *толером* и *обманщиком* и оставался отмеченным в бесчестье с квалификацией *mau-repomez* (книга III, гл. 1er). Среди худших свих "Книга jostice et de plet" не упоминает, однако, на основании римского права, на которое она постоянно ссылается, бесчестье трактирщиков, которые обычно не просто угощали прохожих, но и предлагали им *transon de chiere lie*, по выражению, принятому в тех местах. Ордонанс Святого Людовика, помещенный во главе Livre de jostice, содержит только эту статью, которую перевод анонимного автора делает довольно неясной: "Nus ne soit receuz a fere demore en tavernes, se il n'est trespasanz ou se il n'aucun estage en icelle taverne". Можно по-разному понимать конец этого абзаца, из которого следует, что таверна ни при каких обстоятельствах не должна была превращаться в общежитие и что она представляла собой исключительно магазин без пристройки к дому и без верхних *этажей*, предназначенных для ночлега. Отрывок из старого перевода Дигест (Ms. de la Bibl. Nation.) подтверждает дурное мнение, которое люди имели о

содержателях таверн, и особенно о трактирных служанках, во Франции, как и в римские времена: "Se feme est tavernière et ele a en sa taverne fole feme que ele abandonne por gaaigner, ele doit estre tenue pour houlrière (maquerelle)". Старый французский закон радикально отличался от римского по всем пунктам, где христианство внесло в него изменения; так, хотя содержатель публичного дома считался *mau-renomez*, женщина с дурной репутацией не разделяла с ним это клеймо позора, и это благодаря тому евангельскому милосердию, которое всегда давало согрешившей женщине возможность раскаяться и вернуться к благородному образу жизни. В те времена нередко добрый христианин искал законную жену в притоне проституции, чтобы выкупить у Бога душу. Поэтому, основываясь на указе Климента III, редактор "Livre de jostice et de plet" мог сказать: "L'en establit que toz seix qui tréront puteins de bordel pour prendre à femme et qui les prendront, que ce soit en remission de lor péchiez". Заметьте, что призывать на путь истины тех, кто глуп, - это дело милосердия. Тем не менее, у него возник вопрос совести относительно подобного брака, и для его решения он опирался на декрет Иннокентия III, озаглавленный Significasti: "Один взял блудницу и обмыл свою жену; он был отлучен от церкви: когда его жена умерла, он взял ее. Люди спрашивают, могут ли они жить вместе? И сказано, что, если он не перенес смерти своей жены или если он не обручился с блудницей, когда его жена была еще жива, и li hom soit asos (отпущен), если он того требует".

В "Livre de jostice et de plet", где глава о браке трактуется с наглой свободой выражения, которую мы не смеем воспроизводить, не дается, однако, никаких поправок женщинам, которые сами занимаются проституцией, и мужчинам, которые помогают им. Последние не имели права разбираться в суде и не могли добиться от судей: "Li rois puet faire, par inquisition de mauvese renommée, justice de ceux qui tiennent les bordeaux." Женщины, которые занимались той же профессией или содержали таверны, также были неправомочны: "L'on defant que feme ne soit tavernière ne bordelière; et s'ele est, ele n'est obligée de rien." Эти два отрывка, которые, кажется, противоречат тем, что мы цитировали выше, доказывают разрешенное или терпимое существование некоторых *борделей*, управляемых или управляющих мужчинами и женщинами, которые, как и евреи, соглашались жить под постоянной угрозой закона, от которого они защищались с помощью тайных жертвований. Несмотря на эту терпимость, которая была необходима для общественной жизни больших городов, мораль всегда подчинялась строгим законам, которые по мере необходимости пресекали эксцессы и скандалы. Например, блуд, хотя обычно и оставался безнаказанным, имел свою статью в обычном кодексе: "Li fornicateur doivent estre chatipéement (moderately) de poine de cors". Очевидно, что блудников наказывали нечасто, если только не было исключительных обстоятельств. Что касается женщины, разошедшейся с мужем ради блуда, то она лишалась своего дара. Но похищение, изнасилование, прелюбодеяние и содомия строго карались *общим судом*, что означало, что каждый должен был спровоцировать наказание: "Закон, который li empereres (император Юстиниан) издал об *avotires* (прелюбодеяниях), - это закон общего суда, по которому не столько те, кто запрещает брак, наказываются мечом, сколько те, кто делает lor desléal cheats ô homes; и по celeisme meisme loi наказываются пороки, quant aucun compoigne charnelment à virge ou a veve." Однако содомиты обоих полов приговаривались к смерти только после двух телесных наказаний за одно и то же деяние: "Те, кого провоцируют содомиты, должны лишиться своего с..... И если он сделает это во второй раз, то должен лишиться своего менбера; и если он сделает это в третий раз, то должен быть арестован. Женщина, делающая это, должна каждый раз лишаться мужа, а в третий раз она должна быть арестована. А все их имущество принадлежит королю". Таковы были правила морали в Орлеанском герцогстве.

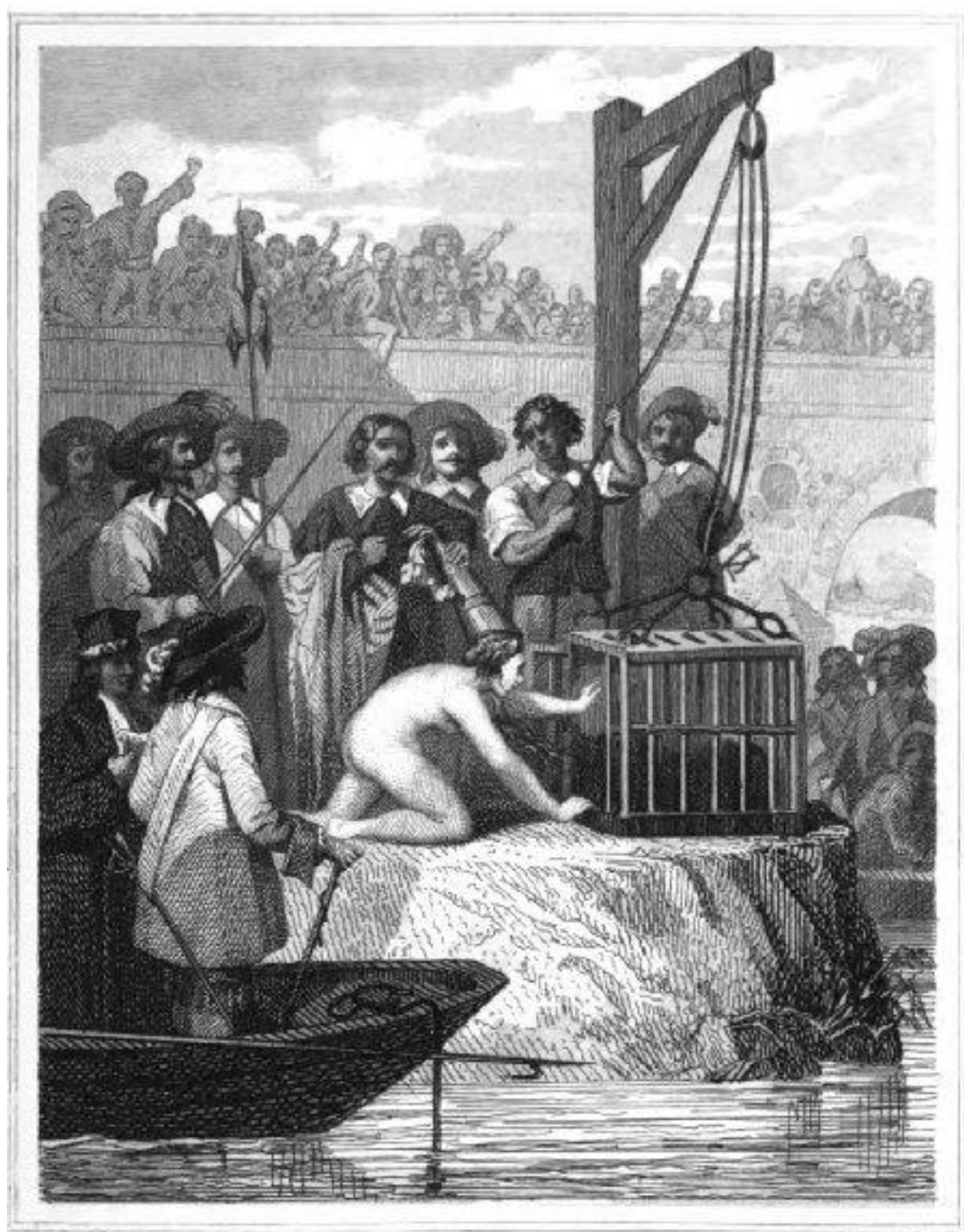
Это наказание, которое кодекс Юстиниана предоставил французскому законодателю, почти повсеместно имело нюансы применения, которые бесконечно варьировались в зависимости от местных особенностей жителей. Северные провинции были более снисходительны в этом отношении, чем южные: проституция царила там без ограничений, и нравы, предоставленные своим исконным инстинктам, должны были лишь поддерживаться в довольно широких пределах легкой терпимости. В Тулузе, Монпелье, Нарбонне и других городах Лангедока организация публичного разврата была еще более регулярной, чем в Париже. Однако Карл Анжуйский, граф Прованса и король Обеих Сицилий, попытался, примеру своего брата Людовика IX, изгнать легальную проституцию из своих государств; ему удалось не больше, чем королю Франции, в этом плане, который был скорее благочестивым, чем политическим, и он был вынужден отказаться от войны с рибо, которые не обращали внимания на его приказы. Он обратил свое внимание на *леноцинуум*, или *леноин*, который справедливо считал самым опасным элементом проституции и который избежал всех строгих мер. Подтверждая обычаи Прованса, он приказал изгонять из графства без суда и следствия всех, кто берет на себя обязанность развращать или проституировать женщин и девушек; если через десять дней после опубликования этого приказа найдется еще какой-нибудь негодяй, осмелившийся заниматься этим нечестивым *искусством*, судебная система сообщит об этом, и виновный будет наказан телесными наказаниями в дополнение к конфискации имущества и изгнанию. Карл Анжуйский также запретил всем своим офицерам давать приют в своих домах женщинам с дурной репутацией под страхом лишения их должностей и штрафа в *сто фунтов короны* (см. *Biblioth. du droit françois*, by Bouchel, t. II, p. 610). Тем не менее Лангедок неохотно шел на реформы, следуя примеру соседних провинций, где проституция подавлялась законами и обычаями, направленными на ее полное уничтожение. Байоннский обычай, составленный, несомненно, под влиянием испанских конституций, предусматривал наказание в виде порки и изгнания для мадам; в случае же повторного преступления, если они нарушали свой запрет, их приговаривали к смерти (*Coutumier général*, t. IV, tit. 25). Марсельские обычаи были не менее ужасны в отношении сутенеров, хотя обычные проститутки были терпимы на некоторых улицах города, где присутствие большого количества иностранцев и моряков делало свободную практику плохого секса необходимой. Однако проститутки, работавшие в марсельском порту, должны были воздерживаться от ношения одежды и украшений алого цвета под страхом штрафа, а в случае повторного проступка они подлежали судебному преследованию. В следующей главе мы рассмотрим историю непристойных *аббатств* Тулузы, Монпелье и Авиньона.

Давайте поищем следы проституции в нескольких других городах Лангедока. В Нарбонне, хотя он и был архиепископским, консулы города имели привилегию иметь в пределах юрисдикции виконта *жаркую улицу* (*carrería calida*), где служащие этого господина не имели права суда, и любовницы, жившие на этой улице под покровительством консульской власти, могли свободно заниматься своим нечистым ремеслом по всему виконтству, не подвергаясь ничьим приставам или беспокойству (см. *Hist. générale du Languedoc*, by dom Vie and dom Vaissette, t. IV, p. 509). В Памье, резиденции епископа, *filles de joie* не оставались внутри города; согласно обычаям графства Монфор, подтвержденным в 1212 году, эти грешницы могли открывать свои *бордели* только за стенами города и на определенном расстоянии от ворот (см. *Thes. nov. anecdot.*, опубликованный Martene, t. I, col. 837). В Родезе, который также имел епископство, проституция, тем не менее, существовала, по-видимому, в стенах, поскольку епископ этого города, которого звали Пьер де Плейн-Шассань, в 1307 году запретил жителям принимать в своих домах публичных женщин (*nec recipient in hospitiiis suis publicas meretrices*), чьи *ливреи* он, кроме того, регулировал таким образом, чтобы этот костюм не отличался от костюма честных женщин: поэтому он запрещает проституткам носить плащи, накидки, вуали и платья с хвостами; он хочет, чтобы их платья спускались

только до щиколоток (см. эти предписания владыки-епископа Родеза в Documents inédits tirés des Mss. de la Biblioth. Nation. by Champollion-Figeac, t. III, p. 17). В Ниме, где епископ был также временным владыкой, проституция была поручена гувернантке девушек (*magistra*), которая арендовала это нескромное ремесло и получала все свои полномочия от консулов, которым она в установленное время делала комплименты, принося им инвеститурный дар, называемый *osculum* или *osclage* (см. дополнение к Глоссарию Дюканжа, слово *Osculum*). Бокэр, в котором, по крайней мере, не было епископства и который привлекал множество ярмарочных торговцев на свои знаменитые ярмарки, не мог обойтись без привилегированного дурного места, которое открывалось одновременно с ярмаркой Сент-Мадлен и закрывалось одновременно с ней. Это место находилось в зависимости от гувернантки, называемой *аббатисой*, которая получала эту доходную должность только при некоторых особых условиях. Например, ей не разрешалось оказывать гостеприимство более чем на одну ночь прохожим, желающим остановиться в ее *гостинице*. В 1414 году *настоятельница* по имени Маргарита приняла в своем доме Анекена, который так ей понравился, что она забыла о своем долге и оставила его у себя на шесть ночей; ее обвинили в нарушении этого правила и заставили заплатить штраф в размере 10 солей турнуа господину Бокэру. Именно господин Рабуто зафиксировал этот любопытный факт в своем мемуаре "Проституция в Европе", но он забыл сообщить нам источник, из которого он его почерпнул. Доход, который проституция приносила городам Ним и Бокер, несомненно, был очень значительным в те времена, когда ярмарка в Бокере была наиболее посещаемой; но в XVI веке, когда войны Франциска I и Карла Квинта лишили иностранных торговцев возможности посещать эту знаменитую ярмарку, счастливые *аббатства*, которые благодаря их щедрости когда-то процветали, почти опустели; В отчете о рескриптах, составленном в 1530 году, Антуан Буаро, управляющий казной Нима и Босера, упоминает лишь сумму в пятнадцать солей за пошлины, взимавшиеся в течение трех лет с двух *аббатств* этого города (*de emolumento duorum hospitiorum in quibus fit lupanar*). Помимо этих двух неприглядных пансионеров, содержавшихся на ферме неким Луи Ключером, существовал еще и третий, который не приносил городу Бокеру никакого дохода, поскольку почти всегда был незанятым (см. *Traité de la police*, t. I, p. 525).

В Лангедоке, пожалуй, не было ни одного городка, в котором не было бы если не аббатства, то хотя бы женщин. Женщины Баньоля не могли носить цветочные *часовни*, вуали, горностаевые меха, открытые чепцы, украшенные пуговицами, и т. д., не подвергая себя наказанию (см. дополнение к "Глоссарию" Дюканжа к слову *Mulier levis*). В 1414 году Изабель ла Буланжер была оштрафована на десять солей за то, что в день Пасхи приняла мужчину по имени Жорж, который был ее любовником. (*Там же*, на слове *Meretricalis vestis*). Эти нравы Лангедока, несколько смягченные альбигойской ересью или Кантаресом, перекинулись на соседние провинции. Однако город Бордо, отличавшийся от всех остальных суровостью своей полиции нравов, похоже, иногда топил рябых девиц и неисправимых сводников, пуская их *по стапелям*. Дюканж на сайте *Accabussare* рассказывает, что это наказание применялось в Бордо, где низшие классы, несомненно, выносили приговор и руководили исполнением: пациента заключали в железную клетку, которую погружали в море и не всегда вынимали до полного удушья. Дюканж утверждает, что жертвы в трюме были утоплены (*Subtus navim denuò submerguntur*). Он добавляет, что такое же наказание постигало богохульников в Марселе, когда у них не было 12 отрицателей, чтобы возместить *cabussa*, или опрокинуть в соленую воду; они пили больше, чем хотели, под освистывание негодяев, которых забавляли их гримасы. В Тулузе аналогичному наказанию подвергались клятвopепреступники, свахи и "иногда, - говорит Лафайль, - женщины-проститутки", которые нарушали полицейские правила. В своем труде "Криминальное правосудие Франции", опубликованном в 1771 году, Жюс описывает *аккабуссаду* в том виде, в каком она все еще

практиковалась в его время, к большому удовольствию любителей. Несчастную женщину, осужденную за какое-либо преступление, связанное с проституцией, приводили в ратушу; палач связывал ей руки, надевал на голову шапочку из сахарного батона, украшенную перьями, и повязывал на спину табличку с надписью, указывающей на характер преступления. Обычно эта надпись звучала так: *Maquerelle*. Приговоренную сопровождала толпа насмешников, перед которой выкрикивали приговор. В этой процессии ее вели к мосту через Гаронну; лодка принимала ее вместе с палачом и его помощниками и перевозила на скалу посреди реки. Там ее заставили войти в специально изготовленную железную клетку, которую трижды погрузили в воду: "Ее оставили на некоторое время, - говорит Жуссе, - чтобы она не задохнулась; это зрелище привлекло любопытство почти всех жителей этого города. Затем бедную женщину, наполовину утонувшую, перевели в больницу, где она должна была провести остаток своих дней, если только не получит помилование и не вернется к своей прежней профессии". Помнится, мы читали, что подобному обращению подвергались публичные девушки, обвиненные и осужденные в передаче венерической болезни некоторым развратникам, которые подавали гражданские иски и требовали, чтобы их отравительницы были осмотрены врачом; но мы не знаем, где и когда это позорное омовение было применено к опасным врагам общественного здоровья.

- А. Кабассон дель.
- Drouart Imp.
- Альп. Леруа и Ф. Lefman. Sc.

ОБЫЧАИ ТУЛУЗЫ

Несмотря на декреты Карла д'Анжу, направленные против проституции в целом, Прованс никогда не был полностью свободен от этого бедствия, которое горячий и вспыльчивый темперамент его жителей, естественно, должен был распространять и которое препятствовало расстройством страстей и чувств. Вполне понятно, что легальная проституция не могла иметь регулярного и патентованного течения в стране, где рыцарство и

поэзия идеализировали отношения между полами, где культ женщины был в некотором роде освобожден от всех материальных пятен, и где суды любви, затерянные в абстракциях чувств, казалось, поставили перед собой задачу убить человека в человеке и уничтожить тело ради блага души. Выше мы видели, что проституция в Марселе существовала открыто для моряков и иностранцев, которым нужно было найти в морском порту средство отвлечься от проблем, связанных с долгим переходом. Удовольственные женщины были в большинстве крупных городов, но они маскировали свою постыдную профессию под честными именами и внешностью. Тем не менее они постоянно подвергались преследованиям со стороны муниципальной полиции и церковных властей: их арестовывали, сажали в тюрьму и штрафовали под самыми ничтожными предлогами. В Систероне, например, городской под-вигилье использовал одиозный избыток власти, чтобы заключить в тюрьму иностранных женщин, приехавших жить в этот епископальный город в сопровождении своих любовников (*cum eorum amicis*): под-вигилье обвинял этих женщин без поддержки в разврате и заставлял их платить взнос, чтобы вернуть себе свободу и жить в мире (*ut pecunias extorquatur eorumdem vexaciones redimendo*). Жители города жаловались на эти незаконные поборы, и в письме от 20 апреля 1380 года Фульк д'Агуст, сенешаль графов Прованса и Форкалькье, приказал под-вигилье прекратить мучить иностранных женщин, пожелавших поселиться в городе со своими друзьями (*saltem cum amicis prædictis*), при условии, что они будут жить там честно (*dum tamen vitam honestam teneant*). Местье Эдуард де Лаплан, который приводит этот документ в своей "Истории Систерона" (т. I, с. 527), рассказывает, что магистрат Систерона, несомненно, чтобы избежать досадных ошибок, которые вызвало пребывание этих иностранцев в городе, решил приобрести за счет коммуны *гостиницу*, предназначенную для приема *filles de joie* и размещения их только во время их проездов. Решение о приобретении гостиницы было принято в 1394 году, но спустя десять лет ее строительство так и не было завершено; только в 1424 году влюбленные женщины смогли найти убежище в Систероне, не опасаясь тюремного заключения и штрафов. Однако те, кто прибывал через *перевал Пейпин*, как и евреи, облагались фиксированной пошлиной в 5 солей, которую платили женскому монастырю Сент-Клер. Этим монахиням, несомненно, приходилось искупать своими молитвами грехи, которые бродячие проститутки приносили к стенам Систерона или, по крайней мере, на его территорию, поскольку дом-убежище для *рибаудов* находился не в городе. Создание этого дома в Систероне, как нам кажется, подтверждает все то, что традиция говорит о подобном заведении в городе Авиньоне. Мы отдельно рассмотрим этот вопрос исторической археологии, который заслуживает того, чтобы изучить его без предвзятых мнений.

Бесспорно, что итальянские обычаи акклиматизировались в Авиньоне вместе с папой; и можно утверждать, что папский город ничего не изменил в привычках римских *меринок*, которые не боялись красных шапок кардиналов. От Авиньона до Лиона проституции нужно было только подняться вверх по Роне; а в этом великом городе было слишком много жителей, чтобы полиция не была терпима к пороку. Гийом Параден в своих "Записках об истории Лиона" (изд. 1573 г., ин-фол., гл. 58) приводит муниципальное постановление 1475 г., которое напоминает постановления парижского бургомистра по тому же вопросу. В этом постановлении публичным девушкам Лиона предписывалось покинуть *хорошие и почетные улицы* и удалиться в два безопасных дома, где они будут заниматься своим жалким ремеслом под надзором консулов: каждый из этих домов имел только один выход, чтобы негодяи, совершившие преступление в этих местах разврата, не могли сбежать через черный ход, когда потребуется помощь. Этот указ регулировал также костюм развратных женщин, которым под страхом конфискации запрещалось использовать для украшения *коррозы, отделанные серебром, меха серого пенне, голяна, шлака, черную или белую кожу агню, за исключением черного или белого пелиссона*, и, наконец, шаперонов *хороших женщин*; Они

должны были под страхом тюремного заключения и штрафа в 60 су носить "непрерывно каждый на синистерской (левой) руке, на рукаве платья, на три пальца ниже соединения плеча, погрызенную эгильету, висящую вдвое вдоль руки, на расстоянии полуфута." Знак (знак) женщин дурной репутации можно было увидеть только в городах, где проституция была терпимой и *разрешенной*. Несмотря на то, что закон потворствовал пороку, *lenoie* или *houllerie* не пользовались благами терпимости: сутенеры или мадам всегда оставались вне общего закона. Их били кнутом, сажали в тюрьму, изгоняли, а их имущество конфисковывали. "Иногда сводницу, - рассказывает Муйар де Вуглан, - сажали на осла, с лицом, повернутым к хвосту, в соломенной шляпе и с табличкой. Ее катали по городу, осыпая оскорблениями, а затем, после порки палачом, высылали из страны или запирали в больнице". Именно это произошло в Лионе и Женеве, где виновный, которого, по словам автора *Traité des peines et amendes*, "митировали, публично пороли, изгоняли на всю жизнь под страхом лишения жизни", привлек к наказанию соучастника, который присоединился к преступлению, одолжив или сдав в аренду свой дом. После того как дом был конфискован, сообщник *заплатил* штраф в размере 10 золотых фунтов. Жан Дюре, жалуясь на мягкость такого законодательства, дает нам понять, что в его время смертная казнь все еще применялась в некоторых случаях. Города, в которых не было постоянных рибо, обходились теми, кто попадал к ним случайно и бродил по стране в поисках удачи: им не разрешалось задерживаться более чем на двадцать четыре часа в населенных пунктах, где они останавливались со своими *грубиянами*. Обычно они останавливались в пригороде или за его стенами, часто в уединенном доме, иногда в специально отведенном для них месте, а то и под звездами, за живой изгородью или среди кукурузы. *Соглашение*, достигнутое в 1513 году в результате спора между сеньором и жителями коммун Ла-Рош-де-Глюн и Аленсон (Дром), запрещало жителям этих коммун селить в своих домах более чем на одну ночь общественных рибо и их разбойников, которые пересекали страну: "Чтобы никто не мог заселить в свои дома на срок более одной ночи государственных рибоделов, а также ряженных, наказывайте их за это." (См. Doc. histor. inédits, опубликованный Шампольоном-Фижаком, т. IV, с. 352). Эта цитата, которую мы могли бы подкрепить несколькими другими подобными, доказывает существование этих бродячих проституток, которые ходили из города в город, торгуя своим телом, и обычно имели в качестве спутниц или друзей нищих, которых они кормили мерзкими продуктами своей наглости. Эти нищие иногда были полезны своим *дамам* и *хозяйкам*, чтобы защитить их от насилия, которому эти несчастные женщины постоянно подвергались от рук первого встречного. Ничто не было более частым, чем это трусливое насилие, которое почти всегда оставалось безнаказанным. Однако законы не были обезоружены в этом отношении, и изнасилование женщины с дурной репутацией приравнивалось юристами к изнасилованию честной женщины. В привилегиях, дарованных в 1389 году лордом Шодье мещанам Эйриена, близ Валанса, и подтвержденных в том же году Карлом VI, говорится, что тот, кто изнасиловал беспутную женщину или любую другую женщину, принадлежащую к месту разврата (*Si quis mulierem diffamatam aut aliam de lupanari violenter coegerit*), заплатит штраф в размере 100 су. Часть этого штрафа по праву принадлежала тому, кто понес ущерб, который закон рассматривал не столько как оскорбление, сколько как кражу, совершенную с угрозами и насилием. (Ordonn. des rois de France, t. VII, p. 316.)

Если законодатель иногда выступал в роли защитника обесчещенных женщин, чей позор не оставлял их на произвол судьбы, то он также защищал тех, кто должен был защищаться от козней этих коварных женщин и их гнусных помощников. Так, одной из самых распространенных и легких спекуляций было обвинение в насилии человека, который просто заключил дружескую сделку и принял товар, который, как ему казалось, он покупал. Богатые *лангобарды*, еврейские или итальянские банкиры, в руках которых была

сосредоточена вся денежная торговля, постоянно подвергались авантюрам такого рода: женщина врывается в их дом в качестве служанки или иным способом; затем она подавала жалобу в суд, утверждая, что ей причинили вред против ее воли: Она без колебаний давала клятву на основании Евангелия, и неосторожный чужак никогда не оставался на свободе, если не выплачивал огромный штраф, львиная доля которого доставалась женщине и ее сообщникам. Этот способ использования богатства и деликатного положения лангобардов стал настолько распространенным к концу XIV века, что лангобарды больше не хотели основывать банки в городах Франции, если их честь и кошелек не были защищены от ловушек проституции. В результате в письмах королей Карла V и Карла VI мы находим более или менее идентичный пункт, предоставлявший ассоциации лангобардов привилегию открывать банк и выдавать деньги в городах Труа, Париж, Амьен, Ним, Лаон и Мо: "Пункт, в котором говорится, что все женщины, известные как фуа-ви, находятся в домах десдиз маршанов, которые хотят сказать и сохранить, благодаря своей осторожности и убогости, свое существование или существование от десдиз маршанов или других людей; что, при таком предложении, эти женщины не суеются, не получают, ни десдиз маршаны, ни другие люди, за это, не имеют ни тела, ни имущества." Благодаря этому пункту о привилегиях лангобардам нечего было опасаться злобы женщин, которых они принимали в своих домах и которые не имели иной цели, кроме как заявить, что были оскорблены своими начальниками. Эта предупредительная оговорка также говорит нам о том, что, будучи иностранцами, эти лангобарды были освобождены от соблюдения церковных и гражданских постановлений, запрещающих людям чести принимать в своем доме развратную женщину более чем на одну ночь. Такое пребывание проститутки в их доме не имело для них никаких негативных последствий, и они не подвергались ни тюремному заключению, ни штрафу, ни выговору.

Все эти постановления, касающиеся банков или дисконтных касс в Париже, Труа, Амьене, Лаоне, Мо и т. д., свидетельствуют о частом или привычном присутствии влюбленных женщин в этих различных городах, а также о попытках соблазнения, которые они постоянно возобновляли в отношении лангобардов и итальянцев. Последние, кроме того, могли безнаказанно предаваться всем беспорядкам, которые закон санкционировал бы в поведении граждан, подданных короля. Мудрый и добродетельный Карл V ясно дал это понять в привилегиях, которые он предоставил в 1366 году итальянским купцам, обосновавшимся в Ниме: этих купцов нельзя было беспокоить или наказывать за простой блуд, если только они не были осуждены за похищение или прелюбодеяние (*nes pro lubrico carne aliquis eorum punietur*). Поэтому можно предположить, что свободные нравы этих иностранцев оказывали влияние на моральное состояние окружающего их населения, которое развращалось если не от их общения, то от их примера; ведь с ними была свита беспутных женщин и распутников, которые вели веселую жизнь и извращали друг друга. Мы, однако, не станем приписывать их появлению в городе Труа в 1380 году учреждение *бутиков*, которые *затворницы*, или *простые женщины*, уже давно проводили в нескольких местах этого города, как мы знаем из этой статьи в более раннем документе, приведенном продолжателями Дюканжа в слове *Clausuræ*: "Item, que toutes filles de vie cloistrière, ou femmes communes diffamées, voient tenir, tiennent et faites leurs bouticles ès lieux à ce ordonnés d'ancienneté dans ladite ville." Соседние с Парижем города, находившиеся, так сказать, в радиусе действия королевского двора, считали за честь первыми подчиняться королевским приказам и неукоснительно подражать организации парижской полиции, так же как они подражали обычаям, моде, обычаям и жаргону столицы. Не обошлось без подражания и в вопросах распутства, и, приведя лишь один причудливый пример, мы были бы склонны поверить, что *хороший товарищ* из провинции, видевший свой Париж и развлекавшийся *Тиревом. Трусс-Путэн* и другие, столь же бесчестные по названию, как и по

месту жительства, были ехидными крестными отцами улицы *Пусс-Пениль* в Иссудуне, улицы *Ретрусс-Пениль* в Блуа и всех *безголовых* улиц, отведенных под легальную проституцию.

ГЛАВА XV.

Краткое содержание - Центральные провинции Франции - Шампань - Турень - Берри - Бурбонне - Пуату - Орлеана - Замужние женщины Монлюсона, превращенные в проститутку - *Адвеу* из земли Брейль.-Король Франции и рибо из Вернейля -*Безумные женщины* из Провина и т.д..., и т.д.

Центральные провинции Франции были теми, где проституция встречала меньше всего препятствий, и находила самые благоприятные условия. Ей предоставлялась свобода действий при условии, что она соблюдала местные обычаи и держалась в рамках, не причиняя беспокойства или *раздражения*. Их наказывали только за скандалы и нарушения. Следует отметить, что эти провинции были также теми, где цивилизация наиболее смягчила нравы: если публичный разврат жил там в полном согласии с властью лордов и коммун, то веселость и мягкость жителей, естественно, отдаляли их от всех преступлений и насилия, которые слишком часто приносит с собой распутство. Поэтому проституция имела право на жизнь в каждом городе Шампани, Турени, Берри, Бурбонне, Пуату и Орлеана; она должна была лишь платить феодальные пошлыны и соблюдать обычаи, которые часто не были записаны в обычаях страны, но которые традиция сохраняла из века в век. Некоторые из этих пошлын были очень необычными, и мы уже не понимаем их, возможно, потому, что они никогда не имели никакого разумного смысла. Например, Соваль взял документ 1498 года из архива Счетной палаты, в котором говорится, что по обычаю Монлюсона замужние женщины, избивавшие своих мужей, приравнивались к проституткам; однако они не платили подобную дань господству Монлюсона. Любая женщина, избившая своего мужа, должна была предложить лорду или леди стремянку или палку. Любая проститутка, прибывшая в страну, чтобы заниматься своим нечестивым ремеслом, должна была раз и навсегда заплатить лорду четыре денария; кроме того, как вассал, она должна была публично выйти на крепостной мост, сесть там на корточки и издавать бесчестные звуки, которые она старалась не прикрывать юбками. Вот латинский текст *адвеу* на землю Ле-Брей, пожалованную очень высокой, очень знатной и очень могущественной дамой Маргаритой де Монлюсон 27 сентября 1498 года: "*Item in et super qualibet uxore maritum suum verberante, unum tripodem. Item in et super filiâ communi, sexus videlicet viriles quoscumque cognoscente, de novo in villa Montislucii eveniente, quatuor denarios semel, aut unum bombum sive vulgariter PET, super pontem de castro Montislucii solvendum.*"

Комментаторы, которые суют свой нос всюду, и предпочтительно в самые неприличные места, не преминули побить кусты по случаю этого грязного гонорара. Одни утверждают, что девушки, помешанные на своем теле, не могли дать владыке Монлюсона больше, чем, по общему мнению, они стоили; они связывают непристойный налог, который требовал от них этот владыка, с поговоркой, которая когда-то использовалась в отношении проституток: "*La belle ne vaut pas un pet*" ("Красивая не стоит и пука"). Другие археологи вспомнили в этой связи необъяснимый отрывок из книг *Пантагрюэля*, где Рабле показывает нам, как от пуканья рождаются маленькие мужчины; от *vesnes* или *vesses* - маленькие женщины. Это породило две пословицы: *Glorieux comme un pet* ("Славный, как пук") и *Vesseux comme une vesse* ("Стыдный, как vess"). О пердеже рибо Монлузона можно было бы написать большой том. Мы предпочитаем закончить обсуждение этой деликатной темы, напомнив, что, согласно обычаям феодального права, дань и плата зависели от вида услуг, которые вассал

оказывал сеньору и его арендаторам. История вотчин полна шутовских и нелепых сервитутов, среди которых доля проституции занимает не последнее место. В *признаниях* и перечислениях, сделанных в 1376 и других годах лордами графств Ауж, Сулуар и Бефизы в Нормандии; владыка Бефизы заявил своей сюзеренке Бланш де Франс, вдове герцога Орлеанского, что публичные женщины, приезжающие в Бефизы или останавливающиеся там, должны ему 4 парижских денье, и что это право, которое раньше стоило ему 10 парижских солей ежегодно (что подразумевало ежегодное прибытие тридцати рибо), теперь приносит ему только 5 солей, "потому что их уже не так много", говорит Соваль (t. II, p. 465). Господин Сулуар в свою очередь заявляет, что все эти женщины, которые проходят по дамбе пруда Сулуар, оставляют в руках его судьи рукав правой руки или 4 денье, или *что-то другое*. Чтобы понять это *другое*, необходимо открыть на странице 110 "*Ответы Ж. Буасселя, Бордье и Жозефа Констана по различным вопросам, касающимся обычаев Пуату*" (1659, ин-фол.): господин Пуазе, в приходе Верруйе, в 1469 году официально оставил за собой право взимать с каждой влюбленной девушки, прибывающей в приход, обычный налог в 4 дензнака или забирать ее *товар*, что устанавливало 4 дензнака непристойной платы этих несчастных женщин. Похоже, что в большинстве вотчин сеньор имел право взимать этот единый налог в размере 4 дензнаков с каждой женщины с дурной репутацией, которая въезжала на земли вотчины и объявляла о своем намерении зарабатывать на жизнь своим промыслом. Но сеньор часто стыдился получать десятину с проституции и заменял этот денежный налог какой-нибудь нелепой платой, которая хотя бы сохраняла его феодальные привилегии. Король Франции был более беспечен относительно происхождения налогов, поступавших в его казну; так, в 1283 году, согласно документу, собранному в "Глоссарии" Дюканжа (в последнем издании - у слова *Putagium*), он все еще получал дань с рибавудов Вернейля по 4 денье за голову.

Проституция в этих странах языка нефти не имела того клейма позора, которое она наложила на людей, живших за ее счет в провинциях языка ок. Сказки и романы труверов из Нормандии, Шампани, Пуату и Турени полны подробностей, заимствованных из любовной жизни простых и развратных женщин; жонглеры, которые, несомненно, часто посещали их и путешествовали с ними по стране, не стеснялись включать этих счастливых спутниц своего бродячего существования в свои стихи. Месье Буркело в своей прекрасной "Истории Провина" (т. I, с. 273) рассказывает, что сумасшедшие женщины этого города славились своими прелестями и сладострастием. Они жили на нескольких улицах, чьи нечестные названия показывают, насколько они стары, и которые когда-то были *вымощены рибо*, согласно местному выражению, которое сохранилось и напоминает улицу *Паве-д'Андуй* в Париже. *Фаблю де Бойвена из Провина* (Ms. de la Bibl. Nation., n^(o) 7.218) так описывает одну из нечестных улиц города:

Porpensa soi que à Provins
A la foire voudra aller,
Et vint en la rue aus putains.

Эти улицы, специально отведенные под дома женщин дурного тона, тем не менее свидетельствуют о глубокой демаркации, которая отделяла проституток от остального населения и не позволяла им смешиваться с женщинами чести. Эти женщины не обладали ни красотой, ни соблазнительностью блудниц, но они настолько ревностно относились к своей доброй репутации, что не считали достаточно суровым наказание за клевету или, которые осмеливались нанести ущерб их репутации. Поэтому они заручились поддержкой и защитой графов Шампани в случае, если один из них был оскорблен другим и назван *шлюхой* в присутствии свидетелей. Любая, кто потворствовал такому оскорблению, без

причины и доказательств, должна была заплатить штраф в 5 центов и идти за процессией в рубашке, как кающиеся, неся камень, называемый *камнем злословия*, в то время как оскорбленная женщина шла позади и колола ее иголкой. Вот текст грамоты, датированной 1287 годом, в которой рассказывается об этом странном обычае, который Дюканж не сопровождает никакими комментариями, черпая его из архивов Шампани: "La fame qui dira vilonnie à autre, si come de putage, paiera 5 sols, ou portera la pierre, toute nue, en sa chemise, à la procession, et celle la poindra après, en la nage (*nates*, fesses), d'un aguillon, et s'elle disoit autre vilonnie qui atourt à honte de cors, ele payait 3 sols, et li homs ainsin."

Очевидно, что именно публичные женщины обычно были виновны в подобных оскорблениях по отношению к честным женщинам, и закон защищал последних, которым было бы очень трудно ответить в том же стиле этим наглым женщинам. Обычай Шампани специально рассматривает оскорбление. Мужчина или женщина, оскорбившие таким образом хорошую женщину, должны были принести ей *escondit* (извинение) в дополнение к штрафу 5 су, а "если случится, - добавляет обычай (статья 45), - что у женщины, которой было нанесено оскорбление, есть муж, этот штраф может быть увеличен по желанию господина до шестидесяти солей". Обычаи Серни-ан-Лоне и Ла-Фер, дарованные Филиппом-Августом, разрешали любому доброму человеку, услышавшему об оскорблении честной женщины женщиной скандальной морали, выступить по должности в качестве адвоката и мстителя оскорбленной женщины, нанеся два или три хороших удара (*colaphi*) оскорбителю, при условии, что он сам не был движим старой обидой на женщину, с которой он плохо обращался во имя общественной честности. В "Кутюме де Бовуазис" не уточняются оскорбления и *пороки*, за которые полагался штраф в 5 су для негодяя и 10 су для джентльмена; там лишь говорится, что самым большим *проступком, после случая преступления*, является требование по отношению к женатому мужчине *con a geu o sa feme carnelment*, и по этому поводу Филипп де Бомануар рассказывает, что во времена Филиппа-Августа один человек, сказав другому: "Voz estes coz (рогоносец) et de moi meismes!", человек, которому было адресовано это оскорбление, выхватил нож и ударил провокатора. Заключение в тюрьму и отданный под суд, он был оправдан королем и его советом как действовавший в целях самообороны. В прошлом, как и во все времена, женщины дурного тона были быстры на оскорбления и способны на самые жестокие поступки, чтобы запугать добрых людей, которые боялись вступать с ними связь. Одна из самых распространенных тактик заключалась в одиозном использовании статуса замужней женщины, когда они угрожали жалобой на прелюбодеяние неосторожному человеку, который часто посещал их и был вынужден купить их молчание. Чтобы осуществить эти преступные маневры и использовать в своих интересах угрызения совести, вызванные распутством, они тщательно скрывали свое замужнее положение и раскрывали его только после совершения прелюбодеяния в корыстных целях. Поскольку закон был формальным и не принимал незнание в качестве оправдания такого преступления, обычному праву пришлось смягчить суровость обычного права в этом исключительном случае. Отсюда эта статья из Франшизы де ла Перуз в Берри, которая датируется 1260 годом и была издана сеньориальной судебной системой: "Если женщина, вышедшая замуж, вступает в брак в Паэрозе по путанице, гом, который не аурует женщину, которая гурует его, не может быть отменен в сторону сеньора".

Влюбленные женщины, которые, будучи свободными от своего тела, не имели мужа, который мог бы стать пугалом прелюбодеяния, часто предавались подобным спекуляциям, угрожая доносами замужним людям, которых они ввергали в грех. Это был еще один вид прелюбодеяния, который феодальное право карало не меньше, чем другие: женатый мужчина, вступивший в виновную связь с публичной девушкой, мог быть обвинен и осужден. Несомненно, такой строгой юриспруденции избегали и закрывали глаза на преступления

подобного рода; Но когда поступала жалоба или донос, судья был вынужден привлечь к ответственности преступника, который с удовольствием отделялся штрафом, потому что самым частым наказанием в таких случаях, удовлетворявшим чувство народной мстительности, было кастрация двух сообщников, которые бегали голыми по городу и получали наказание от рук всех зрителей, которые в этом случае становились палачами. В этом старом обычае, установившемся, по крайней мере в принципе, по всей Франции в Средние века, мы находим традицию мучительных наказаний Древнего Рима для прелюбодеев, куртизанок и развратников. В "Кутюмах д'Але", написанных в середине XIII века и впервые опубликованных после Олима (1848, т. IV, с. 1484), формулируют наказание за прелюбодеев в таких выражениях: "Encoras donam que, si deguns hom que aia moller o femina que aia marit son pris en aulterii, que amdui coron ins per la villa e sian ben batutz, et en al ren non sian condempnat; e'l femena an primieiran." Таким образом, оба преступника бежали вместе, но женщина первой подверглась порке. Тот же сборник "Олим" предлагает нам несколько вариантов применения этой гонимости *избываемых*. В 1273 году настоятель аббатства Чарлиу приказал нескольким людям, уличенным в прелюбодеев на землях аббатства, пробежать или пройти плетью по городу (*fecisset currere seu fustigare per villam*). Жители города пожаловались судебному приставу Макона, утверждая, что приор присвоил себе право правосудия, которого у него не было в их городе (*quod novam et inconsuetam justitiam faciebat in villa*); и судебный пристав утверждал это право правосудия от имени короля. Но приор, опираясь на древние привилегии аббатства, продолжал преследовать и кастрировать прелюбодеев, которых он мог схватить на месте преступления. Сеньориальные суды, запутавшись друг в друге, постоянно спорили о праве, особенно в вопросах морали. В Амьене в 1261 году епископ утверждал, что он обладает правом правосудия над содомитами в пригородах Амьена; мещане этого города, напротив, говорили, что это право правосудия принадлежит им с момента основания их коммуны; спор был передан в совет короля, и Людовик IX приказал, чтобы город поддерживал свое право телесного правосудия над содомитами: *justiciandi corpora sodomiticorum* (см. Олим, т. I, р. 136). В Сен-Кантене аббат и монахи, с одной стороны, и мэр и его олдермены, с другой, оспаривали в 1304 году право низшего правосудия в пригородах города: аббат и его монахи хотели арестовать, прогнать и заключить в тюрьму сумасшедших женщин (*fatuas mulieres*), которые вторглись в окрестности аббатства; мэр и его олдермены хотели, чтобы эти женщины жили в мире в пределах аббатства. Совет короля решил, что аббат и его монахи вольны избавиться от этого бесчестного соседства, но мэр и его олдермены, в свою очередь, могут арестовывать, преследовать и заключать в тюрьму безумных женщин на всей территории коммуны (см. Олим, т. III, с. 151). Вероятно, между сторонами существовала сделка, регулировавшая занятие проституцией в пригородах Амьена.

Эти правила были более или менее одинаковыми везде, поскольку всегда преследовали одну и ту же цель: пресечь деятельность сводников, ограничить разврат определенными улицами или местами, заклеить проститутку позором и не допустить их смешения с честными женщинами. Жан де Бургонь, граф Невера, в ордонансе от 5 марта 1481 года приказал всем развратницам носить на правом рукаве красный или красноватый айгильет; он запретил им ходить по городу или пригородам без этого знака под страхом тюремного заключения, а также запретил им жить где-либо, кроме как между двумя фонтанами, "что всегда было их обычным местом жительства", и посещать городские потогонные заведения. (Archives de Nevers, by Parmentier, 1842, t. I, р. 185.) Нарушения правил наказывались по-разному. Аббевиль выделялся необычным столбом, который был изобретен специально для публичных девушек, позволивших себе проступок: это была деревянная лошадь, называемая *эстакадой*, установленная на площади Сен-Пьер. После того как их хорошенько выпороли, их усаживали на дыбу, острая спина которой была не слишком удобной. Затем, при

определенных серьезных обстоятельствах, их изгоняли по звуку колокола; а если одна из них нарушала запрет и возвращалась в город торговать своим телом, ей отрубали конечность и снова изгоняли. (Hist. d'Abbeville, by Louandre, 1845, t. II, p. 213 и 286.) Сутенеры, осужденные за сутенерство в этом же городе, подвергались более показательному наказанию, чем где бы то ни было: их вели с митрами в усыпальницу, наполненную мусором; их вели на столб, где палач отрезал и сжигал их волосы; после этого они изгонялись навсегда, а в случае нарушения запрета их приговаривали к сожжению на костре. В 1478 году Белут Кантин из Аббевиля, "за то, что она хотела заманить Жаннет, дочь Витаса де Куэ, на войну в компании человека по имени Франкевиль, оружейника в гарнизоне этого города", была "проведена, в митралье, через перекресток, и ее волосы сожгли на столбе; сделав это, ее изгнали из этого города и пригородов, на кол, на все времена". Более того, смертная казнь, как мы уже говорили, была прописана в законе, но приводилась в исполнение только в случае повторного преступления, да и то по отягчающим причинам. "По словам Ж. де Дамхудера, "наказанием для маккero, в соответствии с привилегиями города Гента, было изгнание, а маккero отрезали нос; но они больше не используют свои носы, как ban, pillori, eschelle или eschafaut". Эрудированный автор "Судебной практики по уголовным делам" добавляет следующее замечание относительно судебной практики Брюгге по аналогичным вопросам: "Мой, который уже много лет находится в Совете города Брюгге, не наказывал телесно маккero, или маккеров, или взрослых, только носами, за смерть, посредством запрета в пределах и за пределами города или страны, посредством столба или эшафота, посредством фустификации или других подобных мер".

- Cabasson del.
- Drouart imp. r. du Fouarre, 11, Paris.
- Roze, sc.

LA CHEVAUCHÉE DE L'ANE.

Эта судебная практика Парижского парламента утвердилась во всех парламентах Франции; но местные обычаи почти всегда придавали казни иной характер, который зависел от обычаев страны. Здесь штраф был значительным, как, например, в юрисдикции парламента Ренна, который налагал штраф в 1000 ливров турнуа за *продажу кукол или филлеров*; там же

конфисковывалось движимое и недвижимое имущество осужденного. Иногда на мадам надевали митру или конический колпак из желтой или зеленой бумаги; иногда на голову надевали соломенную шляпу, чтобы показать, что ее тело все еще ждет покупателя; Иногда ее клеймили буквой М или буквой Р - на лбу, руке или ягодицах; приговоренную женщину катали на лохматом осле, телеге или дыбе; ее пороли прутьями, кожаными ремнями, узловатыми веревками или палками. Это испытание, каким бы оно ни было, было праздником для народа, который принимал в нем участие, освистывая и оскорбляя несчастную женщину, которую отдавали им как игрушку. Сабатье в своей "Истории законодательства о публичных женщинах и их преступлениях" пишет: "Именно для пресечения такого рода преступлений наши отцы применяли позорные строгости и наказания, способ которых оскорблял как принципы гуманности, так и приличия, за которые они хотели отомстить. Но народ с нетерпением ждал, когда же начнется гонка прелюбодеев, и играл свою роль, преследуя и избивая виновных; иногда он обходился без приговора судьи, заставляя бегать голыми тех, кого поймали на месте преступления и кого он считал частью своей системы правосудия. Кроме того, в большинстве привилегий, которые коммуны получали от своих сеньоров, они тщательно подтверждали приписываемое им право наказывать прелюбодеев, а самим сеньорам и королям Франции приходилось ограничивать это право некоторыми конкретными случаями, всегда оставляя за преступниками возможность искупить вину с помощью штрафа. В привилегиях города Эгесмортес, признанных королем Иоанном в 1350 году, бег прелюбодеев был разрешен в принципе, но нарушители могли загладить свою вину, заплатив взнос, установленный магистратом. Если такая гонка имела место, оба бегуна не подвергались наказанию, а женщина, хотя и обнаженная, как и ее сообщник, должна была прикрывать свой пол: *Sine fustigatione currant nudi, copertis pudendis mulierum*; гласит ордонанс короля Иоанна, который из того же чувства скромности запретил сажать мужчин в тюрьму вместе с женщинами (см. Ордонансы королей Франции, т. Ier). Нередко случалось, что жители города, нетерпеливо ожидая возможности продемонстрировать столь непристойное поручение, обвиняли в прелюбодеевании пары любовников, которых они находили на обочине, и квалифицировали простую амурную беседу как *flagrante delicto*. Поэтому закон должен был четко объяснить, что подразумевается под *flagrante delicto*, которое влекло за собой наказание в виде прелюбодеевания. Недоразумение было невозможно перед лицом дотошных подробностей, представленных на этот счет в своде обычаев, свобод и франшиз, дарованных графами Тулузы жителям Монкука и очень серьезно подтвержденных Людовиком XI в его жалованной грамоте от 30 ноября 1465 года: "Si omne mollierat era trobat per bayle ab femyna maridada en adultero tug sols nut e nuda en leg, o en outra loc sospechos, l'omme sobre la femyna, baychadas los bragas, o ce isera nut, o, sinon portara, la femyna nuda o sas vestimendas levadas tro a l'enbouilh....."

Нормандия во все времена была столь же развита, как и Париж, в плане проституции. Мы уже упоминали о плохом месте в городе Руане во второй половине XII века, которое герцог Нормандии Генрих II, король Англии, отдал под особый надзор одного из своих офицеров по имени Бальдерик. Этот человек носил титул опекуна всех публичных женщин, работающих в Руане (*Custos meretricum publice venalium in lupanar de Roth*), и совмещал этот странный титул с титулом маршала при короле-герцогине, во время его пребывания в Руане, с обязанностями охраны тюремных ворот замка, стоивших 2 су в день жалованья, сбора податей в соседних лесах и т. д. (Глоссарий Дюканжа, при слове Panagator).

Это злое место, существовавшее в Руане со времен первых герцогов Нормандии и, несомненно, получившее свои привилегии от Вильгельма Завоевателя, было, вероятно, местом проповеди Робера д'Арбриссея. Известно, что благочестивый основатель ордена

Фонтевро ходил босиком по общественным площадям и перекресткам, чтобы привести грешников к покаянию и епитимье (*ut fornicarias ac peccatrices ad medicamentum pœnitentiæ posset adducere*). Однажды, когда он приехал в Руан, - повествует Хроника, - он вошел в бордель и сел у камина, чтобы согреть ноги. Куртизанки окружили его, полагая, что он вошел, чтобы совершить грех (*fornicandi causâ*); он проповедовал слова жизни и обещал милосердие Христа. Тогда одна из грубых девиц, отвечавшая за других, сказала ему: "Кто ты такой, что так говоришь? Я двадцать лет нахожусь в этом доме, служа греху (*ad perpetranda scelera*), и никто никогда не приходил сюда, чтобы говорить о Боге и Его милосердии. Если бы я только знал, что это правда..." Тотчас же он вывел их из города и, полный радости, повел в пустыню: там, заставив их совершать покаяние, он привел их от дьявола к Христу".

Аббатство Фонтевро, которое благочестивый Роберт основал как приют для заблудших женщин, не защитило его от искушений дьявола и клеветы мира. Говорят, что он прошел через странные испытания, чтобы победить плоть - плоть, которая мучила его и приковывала к суемию мира. Его обвиняли в том, что он делил постели монахинь и грелся вместе с ними, чтобы потом иметь славу укротителя своих чувств. Вандомский аббат Жоффруа написал ему письмо с упреками по этому поводу: *Feminarum quasdam, ut dicitur, nimis familiariter tecum habitare permittis, et cum ipsis etiam et inter ipsas noctu frequenter cubare non erubescis. Hoc si modo agis vel aliquando egisti, novum et inauditum sed infructuosum martyrii genus invenisti*. Роберт хвастался, что никогда не поддавался этому новому виду мученичества; а в письме Марбоде, епископа Реннского, опубликованном Ж. де ла Майнфермом в его *Clipeus ordinis nascentis Fonterbaldensis*, утверждается, что большинство монахинь Фонтевро пресытились трудами своего аббата: *Taceo de juventis, quas sine examine religionem professas, mutata veste, per diversas cellulas protinus inclusisti. Hujus igitur facti temeritatem miserabilis exitus probat: aliæ enim, urgente partu, fractis ergastulis, elapserunt, aliæ in ipsis ergastulis pepererunt*. Этот любопытный отрывок показывает, что дом блаженного Роберта отличался от плохого места только скандальной плодовитостью его обитательниц.

В каждом городе Нормандии был свой бордель, если не благородная стража для влюбленных женщин, и кажется разумным утверждать, что *сутенеры* и *мадам*, фигурирующие в старых нормандских обычаях, получили это прозвище на берегу Ла-Манша. Однако мы не видим, чтобы герцоги Нормандии так благосклонно относились к легальной проституции, как Вильгельм IX, герцог Аквитании и граф Пуатье, который основал или хотел основать публичный дом в Ниорте по образцу женских монастырей. Вильгельм Мальмсберийский (см. *Hist. des Gaules*, t. XIII, p. 20) записал этот необычный факт в своей хронике, и он же добавляет, что, построив здание, предназначенное для этого развратного монастыря, герцог намеревался поручить управление им самым известным проституткам своих государств: *Apud Niort habitacula quædam quasi monasteriola construens, abbatiam pellicum ibi positurum delirabat, nuncupatus illam et illam quacumque femosioris prostibuli essent, abbatissam et priorem, cæteras vero officiales instituturum cantitans*. Этот герцог Аквитанский, галантный трубадур и необузданный распутник, по словам М. Вайса в "Универсальной биографии", по полицейским соображениям решил основать такое заведение, которое с тех пор имеет свои аналоги в нескольких городах Франции, Италии и Испании. Неизвестно, объяснял ли этот факт папа Каликст II, цитируя Вильгельма на Реймском соборе 1129 года. Как бы то ни было, герцог не унывал и продолжал петь дифирамбы любви, подавая своим подданным пример радостной жизни.

Удовольственные женщины из Нормандии, Пуату и Анжу, несомненно, сделали многое, чтобы заслужить свою репутацию; анжерские были лучшими из всех, что доказывает пословица, бытовавшая в XV веке: "Angers, basse ville et hauts clochers, riches putains, pauvres

écoliers" ("Анжер, низкий город и высокие шпили, богатые шлюхи, бедные школяры"). Низшие классы Анжу составили свой собственный герб: *анжуйцы - sac à vin; анжуйцы - sac à* (Le Livre des Proverbes français, by le Roux de Lincí, t. Ier, p. 203.)

Близость Анжу и Пуату не преуспела в извращении целомудренной Бретани, где проституция никогда не имела более чем скрытое, робкое существование, которое случай иногда открывал добрым бретонским душам. Так, в конце XIV века в ходе расследования канонизации Шарля де Блуа свидетель по имени Жан дю Фурне, оружейник из прихода Сен-Жосс в епархии Доль, рассказал членам церковной комиссии, как святой герцог обратил грешника. В Великий четверг 1357 года Шарль де Блуа направлялся из города Динан в замок Леон в сопровождении Алена дю Тену, своего серебряника, Годафруа де Понблана, своего дворецкого, рыцаря Гийома ле Барди и нескольких оруженосцев; Он спросил ее, что она там делает, и она встала и ответила, что зарабатывает свой хлеб в поте лица своего (*quod panem suum isto modo, per publicationem sui corporis, lucrabatur*). Герцог, отведав своего серебряника в сторону, приказал ему подойти к этой женщине и расспросить ее о том, каким ремеслом она занимается, так как добрый господин не понял ответа бедняжки, которая с горечью призналась, что служит общественной нечистоте (*quod erat mulier publica*) и что нищета вынудила ее заниматься этим мерзким ремеслом. Услышав это, герцог сказал несчастной женщине, что она должна воздержаться от греха хотя бы в течение Страстной недели. Она ответила, что если у нее будет двадцать су, то она будет воздерживаться до конца месяца. Шарль де Блуа полез в свой кошелек, который был не слишком набит (*modicam bursam suam*), и достал 40 су, которые и предложил женщине. Получив их, она пообещала продержаться двадцать дней, не совершая греха блуда. Годфри де Понблан хотел, чтобы она поклялась в этом сорокадневном покаянии, но герцог не позволил ей подвергать себя лжесвидетельству и оставил ее, увещевая упорствовать на правильном пути. Проститутка, которую звали Жанна дю Пон, сдержала свое обещание и не забыла совет Шарля де Блуа. Она навсегда отказалась от беспутной жизни, а на свои 40 су, которые давали ей небольшое приданое, вышла замуж за местного парня, сына Матье Ронсе де Плудильяна, и больше никогда не впадала в грех (Hist. de Bretagne, by Lobineau, t. II, p. 551.) Из этого приключения можно сделать вывод, что Жанна дю Пон, будучи женщиной полей и изгородей, зарабатывала не более одного-двух су в день, поджидая баржи на обочине дороги, подобно иностранным проституткам в Иудее, как это изображено в Священном Писании.

Западные провинции, где франкские обычаи сохранились во всей своей нечистоте, всегда были местом наибольшего разгула проституции. В Лотарингии и Эльзасе, как и везде, существовали обычаи и постановления, которые наказывали за излишества разврата, особенно когда он подрывал уважение духовенства, которое безудержно ему потворствовало; но в каждом городе публичный блуд находил защитные институты, если можно так охарактеризовать организацию порока с точки зрения муниципальной полиции. М. Рабуто, описав состояние проституции в южных странах, "где мы видим, - говорит он без удивления, - пламенные страсти, приводящие к их естественным последствиям", удивляется, что не находит более суровых нравов в северных странах: "Если мы обратим наше внимание, - добавляет он, - на страны, где менее палящее небо, казалось, располагало к более серьезному поведению, мы найдем там те же самые эксцессы, отмеченные, возможно, более грубым характером". Объяснение этого факта, на наш взгляд, должно вытекать из исторических причин и определенных условий политической экономии. Население Австрии, с одной стороны, сохранило привычку к свирепой похоти, а с другой - национальное законодательство не сделало ничего, чтобы укротить эти зверские аппетиты, которые злоупотребление перебродившими напитками, пивом, медовухой и рейнскими винами, возвышало до бреда. Поэтому проституция была признана законом необходимостью, чтобы

защитить честь замужних женщин, которые, несмотря на это, не всегда были защищены от бесчинств и нападков мужской чувственности. Законодатель выискивал и осуждал только те проступки, которые проистекали из этого нечистого источника. Сутенерство каралось более сурово, чем изнасилование, но каждая девушка и каждая женщина все равно имела право продавать себя, соблюдая различные формальности муниципальной полиции. Закон был суров к ним только тогда, когда они проституировали перед церковниками. Карл III, герцог Лотарингский, подвел итог старой юриспруденции в своем указе от 12 января 1583 года, который приговорил к плетям "женщин и девушек, пользующихся дурной славой и оклеветанных за разврат, которые посещают дома церковников, и в чьи дома они удаляются, чтобы надругаться над ними". Что касается правил, регулирующих легальную проституцию, то они почти не отличались, хотя и были более широкими и менее строгими, от тех, которые из соображений пользы, морали и благоразумия были приняты в крупных городах юга Франции. Женщины с дурной репутацией были отрезаны от общества; они жили в печально известных районах и на улицах; они не могли заниматься своим гнусным ремеслом в другом месте; они носили специальный костюм или отличительный знак, как евреи; они платили пошлину в налоговые органы; они управляли собой в соответствии с уставом регулярной ассоциации, подобной той, что существует для торговцев.

В Страсбурге муниципальные ордонансы 1409 и 1430 гг. гласят, что публичные женщины были отведены на улицы Бикергасс, Клаппергасс, Грайбенгасс и за городские стены, где эти типы женщин всегда жили, согласно ордонансам, которые неоднократно обновлялись в течение XV в. (См. в *Mém.* В архивах этого города хранятся постановления и статуты, выданные 24 марта 1455 года страсбургским магистратом общине девушек, основанной на улице и в доме, известном как *Пикен-гафф*. Эти постановления, состоящие из тринадцати статей, содержат полицейские меры, которым подвергались места разврата (*Dict. des sciences médicales*, t. XLV, art. Prostitution).) Эти дурные места размножились настолько, что к концу XV века чиновники, ответственные за надзор за ними и сбор люстрального налога, насчитали более пятидесяти семи на шести разных улицах; кроме того, только на улице Унденгассен находилось девятнадцать таких развратных домов; их было множество на маленькой улочке напротив Кеттенера и несколько за домом, известным как *Шнабельбург*. Кох видел полицейский отчет, доказывающий, что в архиепископском городе Страсбурге легальная проституция насчитывала около сотни заведений. Предприниматели этих гаремов, открытых для эльзасской похоти, посылали своих агентов и маклеров в дальние страны, чтобы заполучить красивых молодых девушек, которые сдавали свое тело в аренду по контракту и, попав в страсбургские бараки (*klapper*), оказывались в условиях, худших, чем рабство. Наконец, в начале XVI века публичные дома перестали вмещать всех женщин беспутного образа жизни, которые хлынули со всех сторон и, не имея места для ночлега, вторглись на колокольни собора и других церквей. "Что касается *ласточек* или *рибальдов* в соборе, - говорится в постановлении 1521 года, - то магистрат решил оставить их еще на пятнадцать дней, после чего их заставят дать клятву покинуть собор и другие церкви и святые места. Тем, кто желает упорствовать в распутстве, будет особо предписано удалиться в Риберг (за городом, у Мясницких ворот) и в другие места, которые будут им отведены". Пятнадцать лет спустя, благодаря протестантизму, который, по замечательному выражению М. Рабуто, "вернул некоторое достоинство частной жизни", во всем Страсбурге было всего два дома проституции. В то время развратные женщины все еще носили *знак*, который страсбургский магистрат наложил на них в 1388 году: это был высокий конический *колпак*, черно-белый, надетый поверх вуали; кроме цвета, это был *хеннин*, который Изабея Баварская ввела при французском дворе, к большому скандалу *благоразумных женщин* (см. *Observat. M. Koch*, приведенный выше).

Проституция царила в стране Мессин с не меньшей яростью, чем в Эльзасе, и в Меце, как и в Страсбурге, монахи и церковники смешивались в ее самых скандальных расстройках. В *атуре* или ордонансе, изданном магистратом в 1332 году, церковникам запрещалось "ходить на пис и jor, на городскую площадь, в носы, в танцы и в другие leus, которые не должны быть сказаны". В этом *атуре* отмечается "великая распущенность монахов Горзе, Сен-Арнуля, Сен-Клемана, Сен-Мартена, Деван-Меса и т. д.", которые бегали по ночам по улицам, ломали двери домов, посещали таверны и непристойные места. Такое положение дел только ухудшилось к концу XVI века, и летописец Филипп де Виньоля объясняет эти чудовищные эксцессы наплывом солдат, которых город принял на службу: "На улицах можно было увидеть только ряженых девушек, - говорит он, - и поскольку все было так оклеветано", на камне *Борделесс* в присутствии всех *Трезе* (городских судей) были сделаны суровые *улюлюканья* (провозглашения). Предполагалось, что этот камень *Борделесс* - это столб или суд Меца. Об одном из таких *хучементов*, датированном 6 июля 1493 года, сообщается в неопубликованной хронике Филиппа де Виньоля (*Chronique de Philippe de Vigneulles*): "Пусть все женщины, вышедшие замуж за своих супругов, а также девушки, которые страдают от этого, выйдут из дома, как и в Англемуре (улица, примыкающая к болотам города), и в примыкающих улицах, где эти женщины и девушки будут демобилизованы в нижнем Меце, если они не захотят удалиться и жить как женщины, вышедшие замуж за своих супругов. И что ни один человек из Меца не должен содержать их или сдавать им дома на хороших улицах под страхом штрафа в сорок солей. И чтобы упомянутые женщины и девушки не появлялись ни на каких праздниках, ни на каких танцах, ни на родах, ни на праздниках, которые происходят за городом, и чтобы никто не водил их танцевать, под страхом штрафа в десять солей".

С древних времен в Меце существовало несколько улиц, использовавшихся беспутными женщинами, и те из них, которые не исчезли вместе со старым городом, до сих пор сохраняют свое первоначальное назначение. Рядом с тупиком Англемур, который был главным центром городского разврата, находилась улица *Бордо* или *Бордель*, ныне закрытая, которая раньше шла параллельно улице Станкуль до городской стены. Эта улица, поднимающаяся по восточному склону холма Сент-Круа, где находился дворец королей Австрии, узкая, темная и зловонная, как и все улицы подобного рода. Женщины с дурной репутацией обязывались, в обмен на определенную пенсию, установленную договором, оказывать физическую помощь в домах терпимости, которые *рибауды* арендовали и вели хозяйство под *управлением* магистратов. Таким образом, любую незамужнюю девушку, вызвавшую скандал своими развратными нравами, с позором забирали в *бурдель* и отдавали *рибо*, которые торговали ее телом, если им не платили хороший выкуп, превышающий сумму, которую, по их мнению, они могли заработать на этом новом товаре. Филипп де Виньоля рассказывает трогательную историю на эту тему, которую он датирует 1491 годом: "Одна *служанка*, отправляясь в собор в Вербное воскресенье, встретила своего *друга по любви*, который взял ее с собой и отвел в свой дом, вместо того чтобы сопровождать его к мессе. Об этом стало известно, и магистраты вызвали виновника скандала в суд: его приговорили только к штрафу в 40 су, а девушку, которую сочли *полной злого умысла*, заперли в публичный дом. После этого ее подруга, - рассказывает наивный летописец, - выкупила ее у *рибальдов*, заплатив пятнадцать сольдо, и вернула ее в свой пансион, продав все свое имущество и уйдя жить на улицу". Другой летописец, декан Сен-Тьебо, предоставляет нам точную информацию о зарплате проституток, правда, в то время, когда изобилие простых женщин не компенсировало нехватку пшеницы. В 1420 году за одно яйцо давали четыре женщины, говорит Эмиль Бегин (*Histoire des sciences dans le pays Messin*, p. 311), опираясь на авторитет этого летописца: "потому что яйцо стоило один грош, а женщина - четыре денье; *encores on les a meilleur marché*". Тем не менее, сутенерство не было

неприбыльным ремеслом, и, несмотря на опасность уголовного суда, несмотря на частые примеры наказания *мадам*, не было недостатка в позорных женщинах, зарабатывавших на жизнь торговлей собственными детьми. "Одной женщине отрезали уши, - сообщает Филипп де Виньоль (в 1480 году), - потому что она сделала много ларрецинов, а еще она вывела на улицу молодую девушку, которая была ее дочерью, и выставила ее на позор". Столетие спустя за такое же преступление она была бы приговорена к смерти.

В отдельных историях всех городов Лотарингии и Эльзаса можно найти множество подобных фактов, которые свидетельствуют о единстве судебной практики в вопросах проституции. Здесь мы упомянем лишь две особенности, связанные с городами Сен-Дье и Монбельяр. В последнем из них *нищий*, расхаживавший по городу в женской одежде (1539), был "задержан в теле, передан в руки господина верховного суда, поставлен на лестницу, с двумя плетью по бокам, затем выпорот и изгнан навсегда из земель господина Монбельяра". Вполне вероятно, что этот негодяй использовал свое женское обличье весьма отвратительно. Мы видели, что в Париже женщин, которые ходили по улице в мужской одежде, тоже арестовывали; но обычно они довольствовались конфискацией этой одежды, не принадлежащей их полу. В Сен-Дье женщины дурного тона, жившие на улицах Десторда и Нозевилля, могли похвастаться весьма плодовитым нравом, поскольку четыре соседние деревни: Пьерпон, Сент-Элен, Буль и Паду, известные как *мужские города*, были населены их детьми мужского пола, которые женились там и становились подданными капитула собора Сен-Дье, как и нечистые обитатели нижних улиц Десторда и Нозевилля. (См. в Arrêts de la Chambre royale de Metz, графа, предоставленного палате 7 января 1681 года).

ГЛАВА XVI.

Резюме - Влияние итальянских нравов и обычаев на Прованс и Лангедок в Средние века - *Грант-аббатство* на улице Коменж в Тулузе - *Знак* пансионеров *Грант-аббатства* - Район Кроз - Дом *Шатель-Вер* - Вицисситуты легальной проституции в Тулузе до конца XVI века. - *Больница* легальной проституции в Монпелье. - Предприниматели *Бурдо* в Монпелье. - Клер Пане. - Гийом де ла Круа и два сына Клер Пане. - Дом Полета Дандреа. - Привилегированный *бурду* в Авиньоне. - Статуты Жанны Неаполитанской. - Проституция в Авиньоне до статута 1347 года. - И т.д..., и т.д.

Во Франции есть три города, в каждом из которых история легальной проституции может подтвердить существование места разврата, основанного в силу королевской привилегии и арендованного на благо города. Этими тремя городами являются: Авиньон, Тулуза и Монпелье, где в интересах морали было создано непристойное *аббатство*, которым муниципальные власти управляли как общественно-полезным заведением. Мы считаем, что летопись этих трех заведений заслуживает того, чтобы быть написанной и сведенной в одну главу, дабы показать влияние итальянских нравов и обычаев на Прованс и Лангедок в Средние века.

"С незапамятных времен, - говорится в ордонансе Людовика XI, который мы уже цитировали, - в нашей стране Лангедок, и особенно в хороших городах этой страны, было принято, чтобы за пределами этих городов создавались дома и резиденции для проживания простых девушек". Действительно, в Тулузе во времена первых графов был открыт дом разврата за счет города, который получал от него большой доход и тем самым обеспечивал покой честных женщин: это *аббатство* располагалось на улице Коменж. Ересь катаров, или

альбигойцев, которым запрещалось вступать в плотские отношения с любой женщиной, вероятно, способствовала тому, что проституция в Тулузе на некоторое время пришла в упадок, и, по прекрасному выражению М. Минье, анализирующего учение этих строгих еретиков ("Journal des Savants", май 1852 г.), "бог материи, господствующий в темных областях испачканных тел", был бессилен защитить свой храм. Ордонанс, изданный капитулом в 1201 году, очистил улицу Коменж и переместил нечистое заведение, позорившее ее, на фобур Сен-Сиприен. Это разрешенное злое место все еще казалось слишком близким к сердцу города, и позже его перенесли за стены, недалеко от ворот и в район Кроз (см. *Mém. de l'Hist. du Languedoc*, автор Catel, и *Hist. de Toulouse*, автор Lafaille). Если бы двери этого публичного дома, известного под названием *Грант-Аббайе* и вмещавшего не только городских рибо, но и тех, кого привели в Тулузу прихоти их бродячей торговли, были закрыты, студенты университета и развратники или *голиарды* страны подняли бы восстание, чтобы сохранить то, что они называли своими древними привилегиями. Поэтому город и университет разумно оплатили установку *общих туалетов* и разделили, *bono jure et justo titulo*, как собственники, прибыль от непристойной эксплуатации. Проститутки, жившие в Грант-Аббее или просто проезжавшие мимо, обязаны были носить белый колпак с белыми шнурами *в знак* своей позорной профессии. Они с трудом подчинялись этому предписанию, не позволявшему им *одеваться и сидеть, как им вздумается*: ведь этот колпак цвета не сочетался с другими модными цветами и всегда мешал нечистоплотным жительницам Грант-Аббее в вопросах одежды. Магистраты, однако, неукоснительно соблюдали старые предписания и строго наказывали за нарушение правила носить белые шапероны и шнуры.

В декабре 1389 года король Карл VI, посещая хорошие города своего королевства, триумфально въехал в столицу Лангедока, где был принят с помпой и церемонией и пробыл несколько дней. Все население приняло участие в празднествах по случаю его въезда, а отшельники Грант-Аббае вышли навстречу королю с дарами варенья, вина и цветов, чтобы преподнести ему прошение; они просили его в качестве дара радостного пришествия избавить их от *оскорблений, злословия и ущерба*, который часто причиняли им белые шапероны и белые шнуры, приписываемые их братству по старинному обычаю. Говорят, что при возгласе "*Au chareron blanc!*" на улицах Тулузы из домов и магазинов выбегали толпы детей, которые с улюлюканьем бросали в злополучный головной убор грязь и камни. Женщины Грант-Аббае жаловались, что орнаменты *на их платьях и других одеяниях* были сделаны капитулами без *милости и разрешения* короля; поэтому они умоляли принца избавить их от такого рабства. Дело было передано в совет просьб и обсуждалось в присутствии епископа Нуайона, виконта Мелена и мессиров Энгуарана Деудина и Жана д'Эстутевиля. Карл VI, который еще не был сумасшедшим, по-отечески отнесся к *просьбам жительниц Бурделя в городе Тулуза* и, согласно условиям изданного им по этому случаю указа, "желал, чтобы все жители, проживающие в его королевстве, были милостивы и свободны", "он даровал суппликантам, что отныне они и их преемники в упомянутом аббатстве могут носить и одеваться в такие мантии и шапероны и в такие цвета, какие сочтут нужными, среди тех, что им полагается носить", вокруг одной из своих рук подвязку или полотно другого цвета, чем платье, которое они носят или будут носить, не подвергаясь за это никакому обращению или порицанию; несмотря на вышеупомянутые или любые другие постановления или запреты." Таким образом, сенешалю и вигье Тулузы, а также всем остальным юстициарам и офицерам было поручено защищать дам аббатства в будущем и обеспечивать их *мирное и вечное* пользование предоставленной милостью, не досаждая им и не позволяя досаждать им в отношении их одежды (см. *Ordonn. des rois de France*, t. VII, p. 327).

Дочери Грант-Аббае имели основания раскаиваться в том, что по особой милости короля были освобождены от рабства белых шаперонов и шнуров. Население Тулузы было возмущено тем, что эти существа позволили себе оставить свой *знак отличия* в силу декабрьского указа 1389 года, и был издан общий приказ оскорблять и жестоко обращаться со всеми, кто появляется в городе без сопровождающих и белых шнуров. Сенешаль и вигье Тулузы закрывали глаза на бесчинства, которым они ежедневно подвергались, а юстициары и королевские чиновники отказывались выслушивать их жалобы. Не имея возможности добиться справедливости и защиты, рибо, вместо того чтобы отречься от блага ордонанса, освободившего их от позорного рабства, закрылись в своем убежище (*hospitium*) и больше не подвергали себя опасности появиться на публике с подвязкой или куском ткани другого цвета, чем их платье; но они не были забыты своими гонителями, которые приходили мучить их даже в Грант-Абби. Эти гонения сменяли друг друга, вытесняя местных жителей, которые приносили городу немалый доход (*commodum magnum*), тратившийся на общественные нужды. Доход этот неуклонно падал, и казначей Капитолия, ежегодно собиравший его с женщин коммун и их крестьян (*arrendatoribus*), обратился с жалобой к капитолиям, которые были взволнованы потерей столь легкого и надежного дохода. Было проведено расследование, в результате которого выяснилось, что обитатели аббатства больше не находятся в безопасности в своих домах; что банды плохих парней и распутников (*ribaldi, lenones et malevoli*) днем и ночью нападают на нечистый монастырь и совершают неслыханные беспорядки; Эти нечестивцы, не боявшиеся ни Бога, ни справедливости и, казалось, вдохновленные злым духом (*non verentes Deum, neque justitiam, cum sint imbuti maligno spiritu*), ломали двери, проникали внутрь дома и, чтобы добраться до несчастных женщин, запертых в своих комнатах, разрушали стену или пробивали крышу; Затем они самым зверским образом (*vituperose et atrociter*) издевались, били и оскорбляли несчастных жертв своей неистовой и жестокой похоти. Чтобы спастись от этих притеснений, насилия и оскорблений, последние бежали вместе со своими служанками и слугами (*familiares*), и Грант-Аббатство стало не более чем заброшенной развалиной. Капитулы тщетно пытались исправить ситуацию и вернуть беглецов в лоно общества, обещая им поддержку и защиту; привычка взяла верх, и, несмотря на запреты капитулов и усилия городской стражи, осада аббатства продолжалась с теми же эпизодами насилия и скандалов. Капитулы в отчаянии обратились к королю с мольбой прийти на помощь их непокорной и пренебрегаемой власти. Карл VII, правивший лишь несколькими провинциями своего королевства, в то время путешествовал по Лангедоку, чтобы разжечь рвение своих сторонников: Он вспомнил, что его отец подарил радостное пришествие тулузским "filles de joie", и в грамоте от 13 февраля 1425 года со всей яростью пригрозил виновникам бесчинств, которые несколько раз происходили в Грант-Аббае; Он приказал своим офицерам охранять это заведение, которое он взял под свою особую охрану, и приказал установить перед дверью этого заведения украшенные цветами столбы (*baculos cum floribus lilii depictos*) в знак королевской защиты (см. Recueil des Ordonnances des rois de France, t. XIII, p. 75).

Оружие Франции мало что давало нарушителям спокойствия, которые время от времени возобновляли свои ночные нападения на аббатство; они оставляли за собой оправдание, что не видели fleurs-de-lis, но бедные грешники могли звонить в тревожный колокол, звать на помощь и просить о благодарности, но они были рады даже изнасилованию. Наконец они совсем покинули аббатство, оставив его беззащитным перед своими мучителями, и вернулись в район Кроз, где они были менее подвержены наглости нарушителей спокойствия. Тогда капитулы увидели, что непристойные доходы города выросли до прежнего уровня, и это серьезное соображение заставило их закрыть глаза на нашествие публичного разврата в стенах Тулузы. Почти столетие *филас коммуне* оставались в переулках у Порта де Кроз; они эмигрировали только в 1525 году, когда университет захватил

занимаемые ими дома и построил здания для своего использования. Их снова выселили за пределы города, и за городской счет для них был куплен большой дом, расположенный за стенами в местечке Пре-Мутарди, принадлежавшем месье де Сен-Полу, мэтру рекетиров. В этом доме проституции, который прозвали *Шато-Верт* или *Шатель-Верт*, больше не нужно было опасаться нападений плохих мальчишек, и он предлагал мирное убежище своим постояльцам, которые по-прежнему занимались своим гнусным ремеслом на благо города; но в то время заведение Шато-Верт регулировалось строгими правилами. В 1557 году, когда в Тулузе разразилась чума, влюбленным женщинам было приказано оставаться запертыми в своем форте и никого не пускать, пока чума не прекратится; некоторые ослушались этого приказа полиции и были выпороты на рыночной площади, а другие бежали в города, где чумы не было. Они вернулись в Тулузу в 1560 году, когда улучшение здоровья населения вновь открыло для них двери Шато-Верта. Их возвращение было радостно отпраздновано, но капитулы, оскорбленные насмешками над их верховным руководством этой городской *бурдой*, а также тем, что их обвиняли в покупке платьев за счет налога из Шато-Верта, уступили этот налог городским госпиталям. Больницы пользовались этой привилегией всего шесть лет, после чего вернули ее городу: прибыль, получаемая от Шато-Верта, поглощалась, и даже больше, расходами, связанными с этим нечестным именем; ведь больницы были обязаны в качестве компенсации принимать и лечить больных, покидавших Шато-Верт. За последние шесть лет больных стало больше, чем когда-либо, а лечение венерических болезней было очень дорогим. В Капитолии был созван торжественный совет, чтобы обсудить вопрос, который в то время волновал всех магистратов королевства: радикальная отмена проституции. На встрече присутствовали знатные люди города, и большинство из них высказались за отмену Шато-Верта, но мнение аббата де ла Каседье и первого президента парламента, который посоветовал отложить отмену до более подходящего момента, возобладало.

На самом деле, не было города, где легальная проституция была бы более необходима, чем в Тулузе: нравы там были очень свободны, а страсти, под влиянием климата, имели настоятельные потребности, которые должны были удовлетворяться в определенных пределах. Это был единственный способ избежать скандалов и обеспечить безопасность честных женщин. Два недавних события доказали, что власть городских магистратов не могла слишком сильно контролировать *filles de joie*, которых даже Шато-Верт не содержал достаточно строго. В 1559 году четыре эти несчастные девушки были найдены в монастыре Гранд-Огюстен; они спрятались там под монашескими одеждами и использовались для разврата всей общины. Трое из этих лже-монахов погибли были повешены на трех дверях монастыря, а настоящий монах, их главный сообщник, был отправлен в кандалах к своему епископу. В 1566 году еще три женщины такого рода пробрались в монастырь бегинок и были повешены без суда и следствия. Таким образом, Шато-Верт сохранял свои полномочия и привилегии до 1587 года. В этом году санитарные меры, потребованные эпидемией в Тулузе, снова вступили в силу: Шато-Верт был эвакуирован, а его двери запечатаны; но проститутки, покинув свое логово, не изменили образа жизни и, несмотря на чуму, которая их не пугала, продолжали свое опасное занятие под открытым небом. Один из капитолиев, который из-за страха перед чумой был вынужден покинуть свой пост и укрыться в деревне, стал свидетелем разврата бродяг, происходившего в окрестностях города. Когда чума прекратилась и капитул вернулся к своим обязанностям, он рассказал городскому совету о позорных зрелищах, которые ему довелось увидеть на виноградниках и полях, заменивших Шато-Верт. О возобновлении работы Шато-Верта и не помышляли, а всех развязных девиц, которые вели столь беспорядочную жизнь во время чумы, выследили. Их запирали в городских тюрьмах и привязывали к курганам *для уборки улиц* (см. *Annales de la ville de Toulouse*, by Lafaille, t. II, p. 189, 199 и 280).

Таковы были перипетии легальной проституции в Тулузе до конца XVI века. История "грязных мест" Монпелье не так далека, или, по крайней мере, подлинные документы, рассказывающие о ней, не относятся к XV веку; но в Монпелье, как и в Тулузе, мы видим, что, следуя обычаю, установившемуся с незапамятных времен в главных городах Лангедока, легальная проституция имела свое *пристанище* за пределами городских стен и под охраной магистратов, которые взимали налог с простых женщин и их привилегированных крестьян. В начале XV века эта бесчестная привилегия принадлежала человеку по имени Клер Пανε, который разместил центр своего бизнеса доме, расположенном за городскими стенами в месте, известном как *Бурдо*: "Именно там, - говорится в грамоте Карла VIII, подтверждающей старую привилегию Пανε, - простые и публичные девушки привыкли устраивать свой дом и проживать там день и ночь". Клер Пανε спокойно пользовался своей привилегией и разбогател, выплачивая городу огромные сборы. У него было два сына, Обер и Гийом, которых он воспитывал с большой заботой и которые должны были стать выдающимися молодыми людьми в семье. Превосходный отец умер, и оба сына унаследовали привилегии дома Бурдо. Поскольку эта привилегия приносила много денег, они и не думали отказываться от нее, но продали часть ее Гийому де ла Круа, меняле, который был родом из Монпелье и среди предков которого был знаменитый покровитель жертв чумы, святой Рох. С тех пор безраздельное владение Бурдо оставалось в руках Гийома де ла Круа и двух братьев Пανε, которые стали менялами и банкирами, не прекращая вести легальное проституционное хозяйство в Монпелье. Они были опозорены не больше, чем городской совет, который получал деньги от налогов и имел власть в Бурдо. Мэр и магистраты, входившие в совет, хотели не допустить в город женщин дурного тона даже с айгильеттой на плечах, и, чтобы лишить их всякого предлога для посещения общественных бань, где они тайно занимались своим гнусным ремеслом, они предложили фермерам городского разврата построить бани в доме Бурдо. Обер Пανε и его брат Гийом, а также их соратник Гийом де ла Круа согласились на эти *большие и роскошные расходы*, которые должны были сделать обитательниц Ле Бурдо совершенно малоподвижными; Но они воспользовались такой прекрасной возможностью, чтобы возобновить и подтвердить старую привилегию этого дома терпимости, в силу которой, в обмен на сумму в пять турнуа фунтов, ежегодно выплачиваемую королю или его лейтенанту, "с этого времени ни одно лицо, любого статуса или состояния, не мог построить или заставить построить в древней части Монпелье какое-либо бурдо, кабаре, общежитие или другое узилище для размещения, отбывания или уединения упомянутых простых девушек, под страхом потери и конфискации упомянутых домов, бурдо, кабаре или узилищ." Городской совет, которому был представлен *публичный документ*, составленный и подписанный заинтересованными сторонами, еще раз одобрил пункты договора и увеличил преимущества фермеров Бурдо.

Один из партнеров, Обер Пανε, продал свою долю дочери Жакет, которая принесла ее в качестве приданого Жаку Бучелли, за которого вышла замуж около 1465 г. Человек по имени Полет Дандреа, живший в том же городе, решил, что имеет право подать иск о лишении Пανε привилегий. Он сделал это *из зависти или по другой причине*, и его, несомненно, поддержал *ректор* или бейлиф старого города. Поэтому он начал с того, что "вывел и поселил упомянутых общих девушек в своем доме, расположенном в городе в районе Бейли". Но существование развратного заведения в черте города нарушало все старые обычаи Лангедока, и окрестные жители, священники и мещане, обратились к консулам с жалобой и протестом против дерзкого предприятия Паулета Дандреа, ибо, по их мнению, "это будет к большому вреду и бесчестию и очень плохому примеру замужних женщин, мещан и других, а также их дочерей и служанок, и особенно к скандалам и неудобствам, которые могут последовать за этим". Дандреа стоял на своем и, вероятно, при тайной поддержке некоторых развратников, извлекавших выгоду из создания этого центрального

дома, продолжал устраивать там *приемы*, часто привлекая *дам* Ле Бурдо. Но Гийом де ла Круа и Гийом Пανε были богаты и влиятельны, особенно первый; они приказали градоначальнику закрыть дом Дандреа, который был открыт вопреки приказам королей и привилегии Клэр Пανε; они не постеснялись объявить себя владельцами и подрядчиками Ле Бурдо, подав жалобу королю. Карл VII справедливо послал сира де Монтэгу, сенешаля Лимузена, а также Жана Эбера и Франсуа Галле, советников короля, в качестве своих уполномоченных в штаты Лангедока, которые отправились в Монпелье, где штаты собрались в декабре 1458 года. Дело было передано этим трем людям в соответствии с просьбой, которую Гийом де ла Круа и его соратники направили в Штаты, которые не преминули заняться этим вопросом. Уполномоченные короля привели стороны и, выслушав их в присутствии городского прокурора, запретили Дандрею под страхом штрафа в десять серебряных марок селить или принимать в своем доме любую публичную женщину. Городской прокурор и сенешаль Босера были предупреждены, чтобы они внимательно следили за исполнением этого постановления, которое соответствовало древним обычаям Монпелье. Что касается наследников и преемников Клэр Пανε, то они были подтверждены в пользовании своей привилегией в обмен на ежегодную выплату королю пяти солей турнуа: "без того, чтобы кто-либо мог отныне построить или основать какой-либо другой дом или общественное место для проживания упомянутых простых девушек, как в ректорстве или бальи города, так и в других местах". Не удовлетворившись успехом своего дела, партнеры обратились к королю за подтверждением постановления в 1469 году, и оно было дано в обмен на вознаграждение. Двадцать лет спустя Гийом де ла Круа стал советником короля и казначеем его войн, но не отказался от роли подрядчика Бурдо де Монпелье. Поскольку он обычно не жил в Монпелье, а Гийом Пανε больше не участвовал в управлении их неразделенным имуществом, он опасался, что злополучная конкуренция, которую Дандреа вызывала у них в прошлом, возникнет вновь: "Сомневаясь в том, что все желающие могут позволить себе в ходе борьбы с делами, о которых было заявлено выше, отказать в помощи и отстраниться", он попросил Карла VIII подтвердить грамоту, полученную им от Людовика XI, в которой содержались привилегии Бурдо из Монпелье. Карл VIII поспешил выдать своему *другу и верному советнику*, "ради блага и интересов общественного блага", ордер, который сохранял его права на проституцию Монпелье, а также права Гийома Пανε и Жакет, жены Жака Бучелли, всех почтенных жителей этого города.

Подобно Монпелье, Тулузе и главным городам Лангедока и Прованса, Авиньон также имел свой привилегированный *бурду*, созданный и учрежденный на основании королевских и муниципальных постановлений, и это дурное место, самое известное из всех во Франции благодаря статутам, которые им управляли, похоже, было организовано по образцу публичных домов Италии. Подлинность этих уставов, которые ученый врач Астрюк впервые опубликовал в 1736 году в первом издании своего трактата *De Morbis venereis*, кажется нам неоспоримой, несмотря на спекулятивное опровержение, опубликованное г-ном Жюлем Курте в *Revue archéologique* (2e année, 3e livraison). По мнению Жюля Курте, Астрюк стал жертвой приятной мистификации, а апокрифические статуты, приписываемые королеве Жанне Неаполитанской, были делом рук месье де Гарсина и его друзей. История этой мистификации рассказана в анонимной рукописной записке на экземпляре "Какомонады" Линге, в которой упоминается сообщник из Авиньона, месье Коммин, родившийся через десять лет после выхода книги Астрюка. Мы знаем, чего обычно стоит примечание на форзаце книги, и удивляемся, что критики основывают на этом примечании отрицание исторического факта, который пережил восемнадцатый век, этот скептический и насмешливый век, не будучи опровергнутым или даже подвергнутым сомнению. Конечно, если бы авиньонским мистификаторам удалось таким образом развлечься за счет такого известного ученого, как Астрюк, вся Европа разразилась бы огромным хохотом, и трактат "De

Morbis venereis", в котором впервые была напечатана эта пьеса, не избежал бы последствий такой мистификации; ведь цель любой мистификации - сатирическая огласка. В любом случае, насмешки над месье де Гарсином и его друзьями имели бы место, по крайней мере, в Авиньоне, и Астрюк был бы осторожен, чтобы не сохранить апокрифический устав во втором издании своего труда, исправленном и дополненном в 1740 г. Кроме того, этот труд, переведенный Жолтом на французский и на несколько языков, встретил бы не одно противоречие в знаменитой главе об авиньонской бурде. Напротив, было показано, что местная традиция в отношении этого дома проституции была постоянной и очень распространенной, когда Астрюк написал кому-то в Авиньоне (около 1725 или 1730 года), чтобы получить, если возможно, копию оригинального устава 1347 года.

Жюль Курте говорит, что эта копия была сделана с предполагаемого оригинала, который ловкие фальсификаторы вставили в прекрасную рукопись XIII-XIV веков, озаглавленную *Statuta et privilegia reipublicæ Avenionensis*. Этот манускрипт, некогда составлявший часть великолепной библиотеки маркиза де Камбиса Веллерона, с тех пор попал в Музей Кальве, где господин Жюль Курте смог его изучить. *Statuta prostibuli civitatis Avenionis*, которую Жюль Курте считает "имитацией, неуклюжей подделкой, не только стиля, но и письма XIV века", переписана на лист пергамента, "на второй стороне которого уже была копия буллы папы Григория, написанная шрифтом XVI века". Уже одно это обстоятельство доказывает, что сайт не ставил своей целью обмануть кого-либо и что прежний владелец рукописи, несомненно, в XVI веке, взял на себя труд дополнить ее копией, сделанной с другой, более или менее дефектной копии, которую ему удалось заполучить. Маркиз де Камбис, который был родом из Авиньона и, таким образом, оказался у источника всех слухов, связанных с этим делом, не преминул бы удалить страницы, позорящие его рукопись, вместо того чтобы упомянуть в своем Каталоге о необычных статутах, "которые, - говорит он (стр. 465), - написаны на провансальском языке, на котором говорили в то время, и который мало отличается от современного". Вполне вероятно, что оригинал существовал или существовал в архивах дворца папы или графов Прованса, и что какой-то любопытный человек сделал транскрипцию на свой лад, изменив и модернизировав провансальский текст, возможно, даже переведя латинский текст на этот язык. Что кажется несомненным, так это то, что существование этих статутов никогда не подвергалось сомнению; кроме того, их подлинность подтверждается контекстом, который согласуется со всем, что мы знаем о режиме проституции в Провансе в Средние века. Что касается всех моральных соображений, которые выдвигаются для обвинения этих статутов, данных или, скорее, согласных молодой королевой, в грубой неправдоподобности, то они не представляют никакой ценности для тех, кто изучает мораль той эпохи: Жанна Неаполитанская, графиня Прованса, не вводила новшеств в этом отношении; она лишь санкционировала своей суверенной властью меры городского управления, принятые авиньонскими магистратами в *интересах общественного блага*, следуя тем же мотивам, которые продиктовали Карлу VIII ордонанс и *королевские письма* по аналогичному вопросу.

Эссе господина Жюля Курте, по крайней мере, поможет нам показать, что до принятия статутов 1347 года проституция в папском городе Авиньоне укоренилась по итальянской моде. На Вьеннском соборе, состоявшемся в 1311-1312 годах, благочестивый и ученый епископ Менде Гийом Дюранди призвал к суровому подавлению излишеств разврата; он был возмущен тем, что маршал авиньонского двора имеет в качестве своих прислужников простых женщин и их скандальных сообщников; Он хотел, чтобы эти *публичные язвы*, которые выставлялись на ярмарках у ворот церквей, перед гостиницами прелатов и даже под стенами дворца пап, были перенесены в менее посещаемые районы; он также хотел, чтобы

придворный маршал отказался от позорных гонораров за проституцию (см. Vitæ pap. Aven, опубликованное Балюзе, т. I, f°810). Все отцы Собора поддержали жалобы епископа Менде, но они не остановились на проекте реформы, которая нанесла бы ущерб многим частным интересам; и маршал папского двора продолжал получать нечистые доходы от своей должности, которая не раз была связана с королем и с французского двора. Рибанды множились и распространялись по всему городу. Не было ни одного места, - говорит Жюль Курте, - сколь бы священным оно ни было, которое было бы защищено от их невероятной дерзости". Петрарка, живший в городе в 1326 году, был поражен расстройством нравов, которому, казалось, способствовал перенос Святого престола, как будто папа и кардиналы взяли с собой из Рима процессию развратных мужчин и женщин: "В великом Риме, - говорит Петрарка, - было всего два притона разврата; в маленьком городе Авиньоне их одиннадцать". (*Cum in magna Roma duo fuerint lenones, in parva Avenione sunt undecim*. См. Œuvres latines de Pétrarque, Basel ed., f°1184). Понятно, что проституция, предоставленная сама себе, нуждалась в регулировании, подобном тому, которое сделало ее прозорливым и общественно полезным институтом в других городах Прованса. Королева Жанна, которой в ее Неаполитанском королевстве угрожала армия ее шурина Людовика Венгерского, только что сложила с себя корону, запятнанную кровью мужа; она укрылась в землях Франции и, выйдя замуж во второй раз за своего кузена и любовника Людовика Тарантского, готовилась продать Авиньонский комтат Папе, чтобы купить отпущение грехов и поддержку папства. Именно в присутствии этих серьезных событий королева, которая должна была находиться в Эксе, разработала или, скорее, подтвердила статуты легальной проституции в Авиньоне, подобно тому как Карл VII и Людовик XI подтвердили аналогичные статуты для городов Тулузы и Монпелье. Эти уставы (и первая статья служит тому доказательством) были составлены консулами или губернаторами города, в обычной форме всех привилегий дурных мест, и молодая королева лишь подписала их, не читая, на веру своему канцлеру, который их одобрил. Можно с уверенностью сказать, что первый человек, получивший эти привилегии, будучи наиболее заинтересованным в их получении, не пожалел денег, чтобы таким образом заручиться одобрением королевы и признать свои права перед передачей Комтата Святому Апостольскому Престолу.

Мы можем воспроизвести только провансальский текст статуты, приведенный Аструком, и сожалеем, что г-н Жюль Курте не сверил его с текстом, содержащимся в рукописи в Музее Кальве, которая изобилует подчистками и переписанным текстом. Уже один этот факт должен исключить любую мысль об обмане со стороны переписчика или переводчика оригинального произведения. Поэтому мы, ничего не меняя, приведем этот провансальский текст, а за ним французскую версию, более буквальную, чем та, что фигурирует в переводе книги Аструка и которая неуместно повторяется с ошибками и бесцветными перифразами.

I. L'an mil très cent quaranto et set, au hueit dau mès d'avous, nostro bono Reino Jano a permès lou Bourdeou dins Avignon; et vel ques toudos las fremos debauchados non se tengon dins la Ciutat, mai que sian fermados din lou Bourdeou, et que per estre couneigudos, que portan uno agullietto rougeou sus l'espallou de la man escairo.

II. Если кто-либо совершил дурной поступок и желает продолжать его совершать, то клявер или капитул сержантов повелит ему упереться рукой в Цитадель, бить в бубен, нести красную

руку на шпалере и нести лугеору в лу Бордеу среди других; в первый день поклонения амаринос запретят ему протискиваться через вилло, а во второй день - фуэ и бандидо.

III. Nostro bono Reino commando que lou Bourdeou siego à la carriero dou Pont-Traucat, proche lous Fraires Augoustins, jusqu'au Portau Peiré; И пусть там будет порт, в котором все люди будут входить, и саррадо в клау на гарду, чтобы не было жажды, чтобы все чувствовали разрешение на абадессо или байлуно, которое было получено в те времена, когда его называли Консул. La baylouno gardara la clau, avertira la jouinessou de n'en faire gis de rumour, ni d'aiglary eis fillios abandonnados; autromen la mendro plagno que y ajo, noun sortiran pas que lous sargeans noun lous menoun en prison.

IV. La Reino vol que tousdos lous samdès la baylouno et un barbier deputat das Consouls visitoun todos las fillios debauchados, que seran au Bourdeou; et si sen trobo qualcuno qu'abia mal vengut de paillardiso, que talos fillios sian separados et lougeados à part, afin que non las counongeoun, per éviterita lou mal que la jouinesso pourrié prendre.

V. Пункт: Если в Бурдеу найдут оплодотворенного ребенка, байлуно не позаботится о том, чтобы ребенок не пропал, и не предупредит консулов, чтобы они позаботились о ребенке.

VI. Пункт: Пусть байлуно не разрешает гес д'амосу вступать в жизнь в Бурдеу в дни Вендре и Санде сан, ни в дни Паскес, ни в дни Бенхура, в пено д'эстре кассадо и д'аве лу фуэ.

VII. Пункт. La Reino vol que todos las fillios debauchados, que seran au Bourdeou, noun sian eu ges de disputo et jalousié; que noun se doranboun, ne battoun, mai que sian como sorès; qué quand qualco quarello arribo, que la baylouno las accordé et que caduno s'en stié à ce que la baylouno n'en jugeara.

VIII. Пункт: Если человек был изнасилован, пусть baylouno даст larrecin полюбовно, а если larrouno этого не сделал, пусть ему даст amarinas сержант в cambro, а второй lon foué per lou bourreou de la Cioutat.

IX. Item. que la baylouno noun dounara intrado à gis de Jusious; que se per finesso se trobo que qualcun sie intrat, et ago agu conneissencé de calcuno dondo, que sia emprisonnat per avé lou foué per touto la Cioutat.

I. В тысяча триста сорок седьмом году, восьмого августа, наша добрая королева Жанна разрешила публичные дома в Авиньоне. Она хотела, чтобы все развратные женщины были заточены в бордель и, чтобы их узнавали, носили красную иглу на левом плече.

II. Если какая-либо девушка совершила преступление и желает продолжать его, то хранитель городских ключей или капитан сержантов должен провести ее под руки через весь город под барабанный бой, с красной иглой на плече, поместить в бордель вместе с остальными и запретить ей выходить за пределы города под страхом штрафа в первый раз, а во второй - порки и изгнания.

III. Наша добрая королева приказывает, чтобы бордель располагался на улице Пон-Траукат, рядом с братьями-августинцами, до ворот Пейре, и чтобы с той же стороны была дверь, через которую может войти каждый, но которая должна быть заперта, чтобы никто из молодых людей не мог видеть женщин без разрешения настоятельницы или судебного пристава, который будет назначаться каждый год консулами. Пристав будет хранить ключ и предупреждать молодых людей, чтобы они не устраивали беспорядков и не грубили брошенным девушкам; в противном случае, при малейшей жалобе на виновников беспорядков, они покинут помещение только для того, чтобы сержанты отвели их в тюрьму.

IV. Королева хочет, чтобы судебный пристав и цирюльник, делегированные консулами, каждую субботу посещали всех развратных девиц в борделе и, если найдется одна, страдающая от разврата, чтобы эту девушку отделили от других и разместили отдельно, чтобы к ней не подходили, во избежание вреда, который могут причинить молодые люди.

V. Если случится, что девушка забеременеет в публичном доме, байлиф должен позаботиться о том, чтобы ребенок не был уничтожен, и сообщить об этом консулам, которые должны позаботиться о рождении этого ребенка.

VI. Пристав не должен позволять никому входить в публичный дом в Страстную пятницу, Святую субботу или Святую Пасху под страхом порки и кнута.

VII. Королева желает, чтобы между всеми развратницами, которые будут находиться в борделе, не было споров и ревности; чтобы они не крали друг у друга и не дрались, а жили как сестры; если возникнет ссора, то пристав должен договориться между ними, и каждая должна придерживаться того, что решит пристав.

VIII. Если кто-то что-то украл, пристав должен заставить ее вернуть это полюбовно, а если воровка отказывается возместить ущерб, ее должен выпороть сержант в комнате, а в случае повторного проступка ее должен выпороть городской палач.

IX. Пункт, согласно которому судебный пристав не должен допускать ни одного еврея в публичный дом, а если будет установлено, что еврей вошел туда обманным путем и знает какую-либо женщину, пусть он будет заключен в тюрьму и выпорот всем городом".

Астрюк, сообщив об этих законах в том виде, в каком они были присланы ему из Авиньона, сказал, что они были скопированы из реестров М^еТамарина, нотариуса и апостольского табеля в 1392 году; Но он не смог получить никакой информации об этом Тамарине или его рукописи, кроме выдержки из тех же реестров, где говорится, что еврей из Карпентраса по имени Дупедо был публично выпорот в Авиньоне в 1408 году за то, что тайно проник в *Бордеу* и познакомился там с одной из девушек. Аналогичный инцидент приводится в Приложении Марке-Испании, где ученый Пьер де Марка цитирует акт, датированный 1024 годом, в котором говорится, что у еврея по имени Исаак конфисковали имущество и подвергли телесному наказанию за прелюбодеяние с христианкой. Астрюк, собравший эту ценную деталь морали ("Трактат о болезнях венерологии", т. I, стр. 210), добавляет мало размышлений к уставам королевы Жанны; он ограничивается, согласно своей системе, утверждением, что *mal vengut de paillardiso* не могла быть венерической болезнью. Жюль Курте говорит, что "этой статьи, которая заставляет серьезного Мерлена сомневаться в подлинности статута, в глазах многих людей было бы достаточно, чтобы признать недействительным так называемый оригинал". Мы увидим, рассказывая об истории проституции в Англии, что в 1430 году уставы дурных мест Лондона запрещали держать в публичных домах "любую женщину, зараженную пороком арсура". Подводя итог, после серьезного изучения вопроса мы считаем, что, если мы не обладаем оригинальным текстом устава *Бордеу д'Авиньон*, мы, по крайней мере, имеем правила, которые, как кажется, соответствуют тем, которые муниципальная терпимость ввела в действие в городах Миди. Не забудем мимоходом отметить, что старый народный припев

На мосту Авиньона,
Tout le monde y passe,

вполне мог быть радостным намеком на дурную славу улицы Пон-Траукату-Труэ.

На этой улице были такие грязные бани, что синод, состоявшийся в Авиньоне 17 октября 1441 года, запретил церковникам и женатым мужчинам посещать это место проституции: "*considerantes quod stuphæ Pontis-Trouati præsentis civitatis sint prostibulosæ et in eis meretricia prostibularia publice et manifeste committantur*". Те, кто осмеливался нарушать этот запрет и отлучение, наложенное на них синодом, должны были заплатить в пользу епископа десять серебряных марок, если их заставляли выходе из бань среди бела дня, и двадцать марок, если они отправлялись туда ночью. Викарию Авиньона Жану Бланшье было поручено следить за исполнением этих синодальных постановлений и осуществлять внутренний надзор за общественными банями (см. Martenne's Thesaurus novus anecdotorum, t. IV, col. 585). Несколько лет спустя, в 1448 году, городской совет также занялся банями Сервелерии, которые были не чем иным, как притонами проституции, подобно *ступе Понтис-Труати*. Господин Жюль Курте также приводит из небольшого архива авиньонской ратуши (I том заседаний Совета, сессия от 4 ноября 1372 года) полицейскую меру, касающуюся беспутных женщин этого города. Сторож подавал сигнал на перекрестках, чтобы предупредить этих несчастных женщин, чтобы они не смели носить плащ или вуаль, янтарные четки или золотое кольцо в общественных местах под страхом штрафа и конфискации этих предметов. Примерно в то же время аналогичный *ключ и прокламация* были сделаны в Париже, и это предписание публичным девушкам соблюдать законы суммарного содержания достаточно убедительно доказывает, что они не могли отказаться от своего позорного характера, как только исповедовали себя в *аббатстве* нечистоты. Позже, в Неаполе, в обычаях публичного разврата мы найдем традиционное происхождение авиньонской *Бордеу*, этой странной основы прекрасной и галантной молодой королевы.

Более того, если в большинстве городов Прованса непристойные *аббатства* были заведениями королевского или муниципального основания, то заблудшие женщины, посвятившие себя проституции, нигде не имели права заниматься своим постыдным ремеслом вне отведенного им убежища. Везде их присутствие на улицах в костюмах добропорядочных женщин считалось нарушением полицейских правил. Статья в уставе Арля, составленном в 1454 году, доказывает, что полицейские правила, действовавшие в этом городе, ничем не отличались от тех, что были установлены в Авиньоне примерно в то же время.

Вот статья устава, которую приводит Миллин в своем "Essai sur la langue et la littérature provençales": "Все публичные женщины, путаны, катониры или обладательницы дурного нрава и бесчестия, спускающиеся в автомобиль с женщинами из Бена, которые носят камин, вель в тесте, носят кол или шпаги, хоплечо, гирлянды или аннели из золота и серебра, осуждаются по любому поводу на 50 солидов короны и наказываются по другим причинам". Этот отрывок из законодательного акта Арля, по-видимому, показывает, что проводилось различие между признанными (*putan*) и, так сказать, патентованными женщинами дурной репутации, ночными бегуньями (*catoniere*) и развратными женщинами, которые жили на честных улицах. Что касается туалетных принадлежностей, которые им не разрешалось носить, то они были теми же, что запрещались авиньонским *филиям*.

Мы не нашли ни одного документа, который позволил бы нам определить нынешнюю цену *бурду* королевы Жанны, но у нас есть основания полагать, что эта цена была очень скромной в провинции, где, согласно народной пословице, лучшая женщина не стоила и пятнадцати *су*: *Qui perde sa fremo eme quinze sous es grand dommagi de l'argent*. Пословицы, правда, настолько враждебны к женщинам во всех странах мира, что следует предположить, что эти пословицы составлены без них: *Ombre d'home vau cen fremos*, говорят как в Арле, так и в Авиньоне.

ГЛАВА XVII.

Краткое содержание - Законная проституция и свободная проституция - Влияние рыцарства на общественную честность - *Почетное дитя дамы Беллс-Кузин* - Истинный рыцарь, *уничтожающий коррупцию* - Отправление *Камиза* - Сквайр Куси и дама Файель. - *Principalia amoris* прæсепта мэтра Андре, капеллана Людовика VII - *Суды любви и парламенты доброты* - Юриспруденция любви - Аресты любви - *Мэр Буа-Верц*, *судебный пристав Жуа*, *блуститель любви* и т. д. - Жонглеры и т. д.

Изучая моралистов и поэтов Средневековья, мы убедились, что легальная проституция вызывала отвращение у народа, буржуазии и дворянства, которые считали ее тайным пятном на обществе и были согласны не допустить, чтобы она происходила среди бела дня и вызвала скандал, который потряс бы глаза, уши и умы честных людей. Тем не менее проституция была прочно установлена в широких масштабах, для использования опасным и подозрительным классом, который жил за гранью общественных приличий и состоял из рибальдов и развратников всех категорий, от бродяг и *манекенщиц*, до хулиганов и нищих, жонглеров, менестрелей и плохих мальчиков. Каждый город должен был предложить хотя бы одно пристанище для разврата этому плавающему населению, которое постоянно менялось и ускользало от регулярных действий муниципальной полиции. Это была постоянная защита от авантур этих "*потерянных детей*", как их называли повсюду, грозных для хороших женщин и их мужей, но, к счастью, отвлекавшихся от своих порочных инстинктов похищения и насилия, когда им позволяли преследовать компании *сумасшедших женщин* и развлекаться с ними. Многие из этих существ бродили по стране в сопровождении своих *голиардов* и любовников, которые устраивали пиршества за счет непристойного трафика, совершавшегося на их глазах, в рибальдистских дворах, где они останавливались со своими позорными спутниками; Но можно сказать, что эти нечистоты не выходили за пределы мест, где они происходили, и то, что происходило в тайне провансальского *бордеу* или нормандского *хатча*, не оставляло следов беспорядка в нравах семьи и города.

Нравы эти зачастую были не более строгими; но, какими бы расслабленными они ни были, они не имели никакой интимной связи или видимого контакта с предметами легальной проституции, ибо простые женщины, служившие этой проституции, общаясь только с некоторыми дурно известными мужчинами, разделявшими позор такой жизни: рибо и рибо, составляли своего рода нескромную корпорацию, отрезанную от лона общества. Последние, однако, воздерживаясь от пошлости, вели себя не в пример лучше и не переставали потакать пороку недержания; блуд и прелюбодеяние вошли, более того, во все дома и были там желанными гостями: Господин в своем замке имел целый сераль служанок и пажей; монах в своем монастыре скрывал самые преступные *дела*; купец в своей лавке желал жену соседа; бедный рабочий или *механик* не отказывал себе в удовольствиях, которые ему ничего не стоили; но нигде, среди этого переполненного безнравственностью потока, сама проституция не оказывала пагубного влияния и не способствовала общему разложению; Напротив, она привлекала бы к себе нечистые элементы общественной жизни, если бы не была отмечена печатью неодобрения, если бы ее жалкие субъекты не сохраняли в глазах мира некоторый престиж, если бы общественное мнение не навлекало такого же позора на мужчин, осмелившихся проникнуть в убежище *безумных женщин*. Таким образом, проституция отчасти не выполнила своего основного предназначения, поскольку не послужила очищению нравов и позволила другой, более свободной, активной, смелой,

одним словом, более эпидемической проституции существовать за пределами ее дозволенной сферы. Можно сказать, повторяем, что в течение нескольких столетий во Франции эти два вида проституции не имели между собой никакой связи, никакой связи, даже косвенной, никакого сходства в действиях или лицах. Что касается другой, не имевшей ни ливреи, ни *вывески*, ни специальных домов, ни полицейских предписаний, то она ходила с неприкрытым лицом по всем социальным слоям и распространяла свой яд через щедрые и блестящие рыцарские институты. Мудрый законодатель, неизвестный философ и великий политик создали рыцарство посреди развращенного и гангренозного общества, чтобы реформировать нравы, наложить на них спасительный тормоз и вернуть их к истокам чести и добродетели. Рыцарство было всего лишь привлекательной формой, приданной философии, морали и религии; оно защищало и спасало общественную честность, несмотря на неизбежные эксцессы крестовых походов и деморализующее влияние поэзии жонглеров.

Мы не верим, что рыцарство еще оценено с этой точки зрения, как непримиримый враг всех видов проституции, как защитник нравственности: Оно противопоставило благородные и чистые вдохновения метафизической любви грубым и унижительным тираниям любви материальной; оно создало суды любви, эти милостивые трибуналы галантности и *доброты*, чтобы упразднить суды грубости; оно укротило и умиротворило страсти с помощью чувств; оно основало добродетель на уважении к себе и другим; оно создало, так сказать, пьедестал нежного восхищения и трон чести, на который можно поместить женщину. В этом, несомненно, заключается принцип рыцарства: оно освободило пол, который проституция превратила в самое унижительное рабство. Но это уже не плотская любовь, чьи постыдные удовольствия заглушают инстинкт добра и склоняют сердце ко всем порокам; это совершенная любовь, любовь героическая, которая берет свое начало в самых прекрасных чувствах и возвышается в воображении, освобождаясь от оков физической природы. Первые уроки, которые получал паж, варлет или дамуазо, предназначенный к рыцарской профессии, касались исключительно любви к Богу и дамам, то есть, по словам Лакурна де Сент-Пале, религии и рыцарства. Именно сами дамы обычно обучали юношей катехизису и искусству любви. "Похоже, - говорит ученый автор книги "Мемуары о древнем рыцарстве", - что в те невежественные и грубые века невозможно было представить людям религию в достаточно материальной форме, чтобы сделать ее доступной, и в то же время дать им идею любви, достаточно чистую, достаточно метафизическую, чтобы предотвратить расстройства и эксцессы, на которые была способна нация, везде сохранявшая порывистый характер, который она проявляла в войне". Лакурн де Сент-Пале лишь мельком коснулся философских причин возникновения института рыцарства, который изначально был моральным и религиозным барьером против атеизма и проституции.

Чтобы получить представление о духе рыцарства, нам нужно прочитать в очаровательной "Истории и прекрасной хронике маленького Джехана де Сентре" наставления, адресованные ему *Дамой прекрасных кузин*, когда он был отдан на службу этой принцессе в качестве почетного ребенка и пажа. Эта дама, говорившая на латыни, как отец церкви, дала ему назидательные наставления о семи смертных грехах. Вот как она советовала ему избегать греха похоти: "Воистину, друг мой, - сказала она ему, - этот грех в сердце истинного любовника вполне заслужен; ибо так велики сомнения (опасения), что его дама не получит от него удовольствия, что одна нечестная мысль - не его; отсюда следует изречение святого Августина, который говорит так:

Luxuriam fugias, ne vili nomine fias;
Carni non credas, ne Christum nomine ledas.

То есть, друг мой, беги от похоти, чтобы не быть обвиненным в позорной репутации; также не верь своей плоти, чтобы грехом не повредить Иисусу Христу. С этим согласен и святой апостол Петр в своем Первом послании, где он говорит: *Obsecro vos, tamquam advenas et peregrinos, abstinere vos à carnalibus desideriis qui militant adversus animam*. То есть, друг мой, я прошу вас, как странников и пилигримов, воздерживаться от плотских преступлений, ибо они день и ночь сражаются против души. И по этому поводу философ продолжает:

Sex perdunt vere homines in muliere:

Ingenium, mores, animam, vim, lumina, vocem.

Иными словами, друг мой, мужчина, который преследует глупых женщин, теряет шесть вещей, первая из которых - его душа, вторая - его тело, третья - его добрый нрав, четвертая - его сила, пятая - его свет и шестая - его голос. И за это, друг мой, беги от этого греха и всех его обстоятельств". В конце своей проповеди о похоти дама из Belles Cousines приводит цитату, заимствованную у Боэса: "*Luxuria est ardor in accessu, foedor in recessu, brevis delectatio corporis et animæ destinctio*. То есть, друг мой, похоть - это пылкость в сборе, упрямство в уходе, краткое наслаждение телом и разрушение души". Несомненно, что Антуан де ла Саль, сочиняя "Историю маленького Жана де Сентре" для развлечения двора Карла VII, черпал материал для этой истории из хроники двора короля Жана, а нравоучения дамы де Беллес Кузин - из гораздо более древней рыцарской книги.

Церемонии создания рыцаря еще лучше доказывают, что рыцарство было учреждено для исправления нравов и искоренения проституции. Послушника готовили к вступлению в рыцарский орден практиками аскетизма и набожности, которые могли бы ввести монаха в монашеский орден. Были строгие посты, ночи, проведенные в молитве в церкви, догматические проповеди о главных статьях христианской веры и морали, бани и омовения, которые представляли чистоту, необходимую в рыцарском состоянии, белые одежды, которые были символом этой рыцарской чистоты; наконец, было торжественное обещание у подножия алтарей вести хорошую жизнь перед Богом и людьми. Как говорит один из героев романа Персефореста: "Каждый, кто желает вступить в орден, будь то в религии, браке, рыцарстве или любом другом состоянии, должен сначала очистить свое сердце и совесть от всех пороков и наполнить их всеми добродетелями". В многочисленных сочинениях в стихах и прозе, посвященных рыцарским нравам, снова и снова повторяется, что истинный рыцарь должен быть *разрушителем порока*. Поэтому рыцарство было своего рода *духовенством*, которое своим примером проповедовало, чтобы сделать людей лучше и добродетельнее, поддерживать порядок в обществе и изгонять все его пороки: "Никто не должен быть принят в рыцарское достоинство, говорит почтенный рыцарь де ла Тур в своем *Guidon des guerres*, если не известно, что он любит благо королевства и общее благо, и что он хорош и искусен в боевом деле, и что он хочет, согласно приказам принца, утишить раздоры народа, и сое сражаться до остера, до своего *rovoir*, со всем, что ему мешает общему благу." Проституция никогда не была в фаворе у рыцарства, которое, тем не менее, не смогло ее уничтожить.

Однако рыцарство не использовало более эффективного средства, чем любовь к дамам, для поощрения общего блага в молодых дворянах, которые с самого раннего возраста обучались в этой школе галантности: "Заповеди любви, - говорит Лакурн де Сент-Палайе, - распространили в дамском ремесле те соображения и уважительное отношение, которые, никогда не изгладившись из памяти французов, всегда были одной из отличительных черт нашей нации. Обучение молодых людей приличиям, морали и добродетели постоянно подкреплялось примерами дам и рыцарей, которым они служили. Первым рыцарским поступком был выбор дамы или девицы для любви и служения; паж, варлет или дамуазо,

таким образом, начинал выполнять свой *долг* вежливости, и именно этой даме своих мыслей он теперь сообщал обо всех своих *завоеваниях* и ратных подвигах. Он показывал себя доблестным и отважным, честным и учтивым, верным и добродетельным, чтобы она его отличила и полюбила. Имя и цвета этой дамы служили талисманом в самых трудных обстоятельствах его жизни; он обращался к ней как к святой покровительнице в разгар битвы, а если его поражали, он умирал, думая о ней и *почитая* ее. Ничто так не напоминало материальную любовь, как эта глубокая и нежная преданность одной-единственной даме, которая часто даже не награждала столь возвышенное чувство целомудренным поцелуем; но это чувство, чистое и пылкое одновременно, находило в себе непобедимую силу, которая постоянно увеличивалась под влиянием неподвижной идеи и экстаза: оно, как тень, прикреплялось к женщине, которая его вдохновляла и которая не всегда отвечала на него, и сохранялось во времени и на расстоянии, не ослабевая и не прекращаясь, если только объект не переставал быть достойным его. "Чем больше вы меня любите, тем вернее вы меня увидите", - говорил своей даме Альбер де Гапенсак, который был одновременно трубадуром и рыцарем. На языке рыцарства оруженосцы и рыцари желали друг другу милостей и благосклонности своей дамы: милости обычно ограничивались улыбкой, нежным взглядом или простым поцелуем; благосклонности - подарком головного убора, рукава, ленты или присылкой *камиза* (рубашки). Оливье де ла Марш завершил письмо дворецкому герцога Бретани пожеланием такого рода: "Я молю Бога, чтобы он дал вам радость вашей дамы и то, чего вы желаете" (книга II его "Мемуаров"). В том же духе королева обратилась к Жану де Сентре: "Dieu vous doint joye de la chose que plus desirez!". Больше всего Жан де Сентре желал остаться наедине со своей госпожой: "Были поцелуи и ответные поцелуи, так много, что они не могли напиться, и просьбы и ответы, такие, как хотела и велела любовь. И в этой очень приятной радости они пребывали до тех пор, пока их не заставили уйти". Несмотря на поцелуи, которые дарили и возвращали, несмотря на долгие разговоры о любви, Жан де Сентре и его дама ни разу не переступили границы истинной вежливости и не забрели в *трясину недержания*. Влюбленные словно получали удовольствие от возбуждения своих желаний, чтобы доказать, насколько далеко они могут зайти в борьбе и победить их; ища опасность и подвергая себя ей с некой гордостью, мы можем поверить, что иногда они поддавались ей. Эта почти мистическая любовь, позволявшая себе все, кроме последнего выражения своих самых жгучих желаний, не боялась до некоторой степени удовлетворять свои чувственные аппетиты; можно подумать, что мы часто видели эти нападения, которые дьявол плоти наносил святым в легенде и которые лишь обеспечивали им новую победу после новых усилий, поддерживаемых мыслью об Исккупителе или его божественной Матери. Рыцари и их дамы избегали искушений не потому, что им нравилось побеждать их, и, ставя непреодолимый барьер для своих чувств за пределами приличной и добродетельной любви, они не отказывали себе в нескольких компенсациях метафизического распутства. Так, знаменитый оруженосец Куси, находясь в крестовом походе, послал рубашку, которую он носил, даме из Файеля, которая любила этого красивого рыцаря по чистой любви, хотя была во власти мужа и не собиралась прелюбодействовать если не в намерениях, то на деле. Дама надевала эту рубашку ночью, когда любовь мешала ей спать, и ей представлялось, что, прикасаясь к ткани, она чувствует поцелуи своего возлюбленного на своей обнаженной плоти. Это те самые слова дамы де Файель в песнях Шателена де Куси:

Sa chemis qu'ot vestue
M'envoia pour embracier.
La nuit, quant s'amour m'argue,
La met delez moi couchier,
Всю ночь на колеснице моей, нагой,
Por mes mals assolacier.

В рыцарстве все было любовью, но любовью верной и сдержанной, кодекс которой магистр Андре, капеллан Людовика VII, написал под названием *Principalia amoris praecepta*. В этом кодексе нет ни одного закона, который не был бы написан под влиянием самых благородных чувств и самой благопристойной морали; об этом можно судить по следующим максимах: "Не добивайся любви того, на ком не можешь жениться. - Не пытайся вырвать у нее те блага, в которых она тебе отказывает (*in amoris exercendo solatio, voluntatem non excedas amantis*)" - Даже в самых страстных вспышках любви никогда не отступай от скромности (*in amoris praestando solatio et recipiendo, omnis debet verecundiæ rubor adesse*)". Отсюда, несомненно, долгий путь к "Искусству любить" Овидия. Мэтр Андре, капеллан, каким бы он ни был, не был новичком, когда дело касалось любви, но определение, которое он дает любви, как она должна практиковаться честно, не кажется осуждающим мораль достойного клирика: "Чистая любовь, - говорит он, - это та, которая абсолютно соединяет сердца двух влюбленных узами интимной нежности. Но эта любовь состоит из духовного созерцания и пылкой страсти. Она может доходить до поцелуев, объятий и даже прикосновений к обнаженной плоти, хотя последнее душой Венеры запрещено (*procedit autem usque ad oris osculum, lacertique amplexum et ad incurrendum amantis nudum tactum, extremo Veneris solatio prætermisso*). Этот закон о любви не был мертвой буквой. В каждой провинции, и особенно на юге Франции, рыцарство создавало суды любви и парламенты доброты, женские ареопаги, в которых обсуждались все любовные дела. Эти дамские суды проходили по вечерам под сенью древнего вяза; председательствовал на них знатный рыцарь, известный как принц любви, а иногда и принц юности, избираемый дамами, входившими в состав суда, а в число заседателей входили несколько высокопоставленных представителей дворянства и духовенства. Форма приговоров и решений была такой же, как и в королевских и сеньориальных судах, но приговоры всегда носили метафизический характер и не подвергали влюбленных никаким физическим или финансовым наказаниям. Виновных наказывало мнение. Эти суды любви, где заседали самые благородные дамы и самые уважаемые ханжи, выполняли еще более деликатную миссию, давая докторские ответы на вопросы о любви, которые им задавали. Наконец, - пишет Папон в своей "Истории Прованса", - галантность была настолько доминирующим духом этого века невежества, что смешивалась со всем: она была обычным предметом разговоров. Дамы, рыцари и трубадуры вели серьезные споры на эту важную тему; ни одно сердечное чувство, каким бы тонким оно ни казалось, не могло ускользнуть от их проницательности; все мыслимые случаи были предусмотрены и решены". Суды любви, прежде всего, должны были выносить решения по этим сложным и щепетильным вопросам, которые юристы обеих сторон обсуждали с невероятным красноречием и любовной наукой.

Легко понять, какое влияние оказала подобная юриспруденция на борьбу с проституцией; кроме того, в дошедших до нас любовных решениях мы не замечаем серьезных обстоятельств, указывающих на развратное поведение той или иной стороны. Ни один акт разврата не омрачает слух и разум судей; ни разу любовь, которая является душой всех судебных процессов, не вступает на непристойный путь. Это причуды влюбленных, мелочи утонченной галантности; в противном случае причина серьезная, и суд любви превращается в суд чести. Секретарь, посланный к даме, забывает о своих обязанностях доверенного посредника и подменяет своего хозяина, моля о любви от своего имени даму, которой он должен был служить и защищать чужие интересы. Графиня Фландрская в сопровождении шестидесяти дам осудила преступника и его сообщника, объявив их исключенными из общества дам и пленарных рыцарских судов. Мэтр Андре приводит еще один пример любовной юриспруденции: любовник оставил свою любовницу, чтобы взять новую; вскоре она ему надоела, и он захотел вернуться к первой, которая встретила его с презрением и осудила его действия перед виконтессой Нарбонской. Суд любви под председательством

виконтессы решил, что неверный и лживый любовник одновременно лишится привязанности двух своих любовниц и не будет более достоин обладать сердцем честной женщины (*nullus probæ feminæ debet ulterius amore gaudere*). Столь строгое осуждение мошеннического непостоянства любовника означало отсутствие снисхождения к проституции. Одна дама, чей любовник уже два года воевал в Палестине, предстала перед судом графини Шампанской и была обвинена в желании *завести нового друга*. В свою защиту дама утверждала, что соблюдала законы любви, согласно которым умершего возлюбленного следует оплакивать в течение двух лет, а отсутствующего любовника, не подающего о себе никаких вестей, можно уподобить умершему возлюбленному, "не причиняя ему никакой несправедливости"; но графиня Шампанская принципиально постановила, что любящий никогда не должен бросать своего возлюбленного из-за длительного отсутствия. Дамские суды были неумолимы, когда дело касалось чего-либо, напоминающего проституцию сердца или тела. Один рыцарь осыпал любимую даму подарками, но она не оказала ему никаких услуг в ответ: он пожаловался королеве Элеоноре Гюйенской, жене Людовика VII. Эта прекрасная королева, знавшая толк в галантности, издала памятное постановление: "Женщина должна отказаться от подарков, преподнесенных ей с любовными намерениями, или же согласиться заплатить за них, отдав свою персону; но в этом случае она попадает в категорию куртизанок". (См. "Историю семьи и частной жизни французов" Э. де ла Бедольера, т. III, с. 324 и далее.) Робер де Блуа в своей поэме "Частушки" воспроизвел эту основополагающую максиму права на любовь, касающуюся вопроса о драгоценностях, которые женщина получает от ухаживающего за ней мужчины:

Et bien sachiez, s'ele les prent,
Cil qui li donc chier li vent;
Quar tost lui coustent son honor
Li joiel doné par amour.

Любовные постановления, собранные и написанные Марциалом д'Овернь в конце XV века и прокомментированные в стиле Пале другим юрисконсультom, столь же серьезно настроенным, не столь строги в своей морали, а некоторые из них, кажется, были продиктованы довольно расслабленной галантностью. Поэтому мы полагаем, что они не происходят от древних "Курсов любви" Прованса и что они были произнесены, даже во времена Марциала д'Оверни, в каком-то собрании дам и кавалеров, проводивших парламент, подобный *великим дням* Пьерфо, Синьеса и Романена. Это уже не была наивная и строгая доктрина первобытного рыцарства, которое не шутило с любовью; это была галантность, по-прежнему утонченная, но озорная и раскрепощенная: можно было почувствовать, что любовь материализуется, а также увидеть, как она проходит без излишней щепетильности, до *последней души*. От настоящих судов любви этот суд отличается еще и тем, что налагает штрафы, иногда немалые, и телесные наказания на нарушителей, которые в перспективе получают плетку из рук дам и неплохие деньги, которые можно *потратить на банкеты и herbe verte*. Дела рассматриваются судьями разных юрисдикций, такими как *мэр Буа Верт*, *байлиф де Жуа*, *вигье д'амур* и так далее. Аллегорические прозвища этих судей наводят на мысль, что этот вид правосудия был не более чем игрой. Среди странных постановлений, которые с лукавым весельем собрал Марциал д'Овернь, мы выберем два, которые позволят нам оценить достоинства остальных. В постановлении XIth дама жалуется на своего друга *хозяину лесов и водоемов по поводу игры d'amours*; она обвиняет своего друга в том, что тот нарочно заставил ее упасть в реку, чтобы завладеть его *сиськами*; в результате она требует, чтобы этот дерзкий любовник был жестоко наказан публично. Любовник ответил, что упал в воду вместе с ней, но что,

"cheyant, il'avait ni tastée ni pincée, ne eut pas le loisir de ce faire, pour l'eau dont il estoit tout esblouy". Тем не менее "прокурор любовных дел, занимающийся вопросами воды и лесов, сказал, что указом запрещено не охотиться с орудиями, с помощью которых можно брать яички в воде", и заключил, что любовник должен быть приговорен к крупному штрафу. Тот ответил, что если бы его рука неосознанно коснулась тетин его дамы, то только при падении: "А воздержаться от чего-либо он был вынужден". Суд принял это оправдание, но постановил, что любовник должен подарить госпоже новое зеленое платье в качестве компенсации за платье, испорченное водой. В решении IV^{го} суда дама снова *жалуется* на своего друга, говоря, "что он так грубо целовал ее платье, что вызвал у нее панику (травму), и что в шею у нее была оторвана горжетка, и был виден конец ее рубашки". Она потребовала, чтобы этому жестокому любовнику было запрещено "играть с ней или прикасаться к ней впредь без ее разрешения". Просьба дамы была удовлетворена, и, хотя любовник подал апелляцию, приговор был поддержан в последней инстанции *мэром Гринвуда*.

Не только решения Судов любви влияли на дурную нравственность людей, относящихся к рыцарской юрисдикции: общественное мнение также имело свое мнение, и его постановления не щадили ни родовитость, ни звание, ни богатство, когда речь шла о постыдных и предосудительных поступках. Хорошая репутация была необходимым условием как для мужчин, так и для женщин, которые хотели, чтобы *их почитали*, и самые могущественные лорды, самые великие дамы не оказывались выше упреков маленьких людей. "Дамы, которые уважали себя, хотели, чтобы их уважали, - говорит Лакурн де Сент-Пале, - были совершенно уверены, что не откажутся от должного уважения, но если их поведение вызывало законное порицание, они должны были опасаться найти рыцарей, готовых его осуществить". В 1371 году рыцарь де ла Тур рассказывал своим дочерям, что образец рыцарства, мессир Жоффруа, посвятил себя пресечению проступков дам: "Когда он ехал по полям и видел замок или поместье какой-нибудь дамы, он всегда спрашивал, чье оно, и когда ему отвечали: *он принадлежит такой-то и такой-то*, и если дама оскорблена его честью, то он проедет пол-лиги, прежде чем доберется до ворот, а там возьмет маленький кусочек мела и пометит ворота закладкой, и он приедет и уедет. И, наоборот, проходя перед общежитием дамы или девицы с хорошей репутацией, если он не слишком торопился, он подходил к ней и шептал: "Мой добрый друг, или моя добрая дама или девица, я молю Бога, чтобы ради этого добра и ради этой чести он пожелал сохранить вас среди добрых, ибо вас надо хвалить и почитать". И таким образом служанки боялись и удерживали себя от поступков, которые могли бы привести к потере чести и статуса". Мы не знаем, что это могла быть за *печатка*, которую рыцарь Жоффруа пометил мелом на дверях дурно прославившихся дам и которая призывала прохожих приветствовать хозяйку заведения пуком в знак презрения, что не преминули сделать простые люди, встретив на своем пути публичную девушку.

Однако в то время как общественная мораль, благодаря рыцарству, ежедневно прогрессировала во всех слоях общества и постепенно опускалась до самых низов, проституция, скрываясь в глубинах своих нор, продолжала позорить простонародный язык и резвиться в стихах труверов. Эти поэты языка нефти не были, как трубадуры, рыцарями и оруженосцами, вскормленными при дворах любви и с ранних лет обученными урокам изящной галантности; Труверы, в большинстве своем вышедшие из народа, сохранили в своих произведениях первоначальный колорит и применяли к сочинениям, полным задора, веселья и озорства, грубый и грубый язык, которому они научились в родительском доме; они называли все своими именами и предпочитали использовать самые популярные выражения, которые всегда были наиболее живописными. Первыми их слушателями были деревенские жители, *механики*, купцы, одним словом, *злодеи*, и хотя эти судьи знали толк в

хороших шутках и откровенном веселье, они не находили ничего слишком грубого или непристойного ни в деталях, ни в словах. Более того, труверы, оставившие плуг или челнок, чтобы рифмовать романы, песни, лаи и басни, вели бродячую и беспорядочную жизнь; почти все они становились пьяницами и развратниками, жили с жонглерами, *жонглерами и кантирами*, которые по праву считались самыми развратными из людей. Эти жонглеры, по крайней мере обычно, сами не сочиняли стихов, которые пели или декламировали; они просто произносили их с разной степенью мастерства и интеллекта; они сопровождали свои выступления или пение пантомимой, танцами и подвигами. Несомненно, бывали случаи, когда один и тот же актер совмещал отдельные профессии трубадура и жонглера, но это было не более чем исключением, и тем более редким, что трубадуры не были так презираемы, как жонглеры и менестрели. Последние, в сущности, заслуживали того презрения, которое к ним испытывали повсюду: они предавались всем порокам, особенно самым постыдным; они не признавали никаких общественных законов; они кочевали из города в город, из замка в замок, таща за собой стадо жонглеров и детей; они руководили школой проституции. Но от этого они не становились богаче; их можно было увидеть бродящими полуголыми, часто не в полном облачении, как изобразил поэт XIII века, без *сорко или котелка*, их обувь *была вся в дырах* и покрыта паразитами. Эти несчастные, как нетрудно представить, воспитывались в Судах Чудес; их нравы и язык были испорчены этим, и именно они, бегая по стране, развращали и язык, и нравы. Сначала они проникали на честные собрания, торжественные пиры и рыцарские праздники, декламируя *chansons de geste* и сказочные эпосы Круглого стола и Карла Великого; затем они вызывали энтузиазм своей публики, состоявшей из лордов и дам, которые не уставали слушать об *оружии и любви*. Правда, то тут, то там в этих старинных рифмованных романах встречались довольно вольные сцены и несколько непристойных выражений, но намерения поэта всегда были безупречны, а жонглер не усугублял непристойность картины своей игрой и гримасами. Ему щедро платили, давали новые платья и шубы на сайте; его, его камердинеров и его животных (ведь он показывал и собак, и обезьян, и птиц, обученных различным упражнениям) размещали в замке, а когда он уезжал с хорошо набитым кошельком, его приглашали вернуться, чтобы помочь ему встать в стремя.

При Людовике этот рай для жонглеров превратился в ад: труверы по-прежнему сочиняли *chansons de geste*, содержащие от двенадцати до двадцати тысяч куплетов, но жонглеры больше не учили их наизусть и не декламировали; заметно изменился вкус: люди больше не любили слушать за столом о чудесных *жестах* доблестных людей короля Артуса и императора Карла Великого; они предпочитали читать их в тишине *уединения* или кабинета. Жонглеры охотно поддались этой модной прихоти, на которую повлияли крестовые походы; они облегчили свой багаж и теперь только декламировали хвастливые и благочестивые сказки. Трупьеры, по крайней мере те, кто черпал свое вдохновение в народе, охотно откликнулись на теплый прием, оказанный их басням, и придумали множество их, каждая из которых была веселее предыдущей и распространялась под звуки хурди-гурди и *заунывности* во всех компаниях, куда еще был доступен галльский смех. Но злоупотребления вскоре привели к осуждению и запрету этого вида развлечений; труверы больше не ставили ограничений в отношении свободы своих композиций, а жонглеры еще больше преувеличивали их непристойность; жонглеров и труверов считали приспешниками дьявола и обвиняли, возможно, справедливо, в новом развитии проституции. Благочестивый Людовик IX все же защищал *менестрелей*, поскольку после ужина и перед тем, как выслушать милости, он давал аудиенцию *менестрелям*, которые играли перед ним на харди-гурди; но эти поощрения были адресованы только музыке, а не басням, поскольку, согласно старому тексту, принятому в нескольких изданиях Жоанвиля, "он изгнал из своего королевства всех бастельеров и других ловких игроков, через которых в народ приходит

несколько распутств". Эти распутства не вызвали недовольства некоторых дворян, которые, несмотря на целомудренные рыцарские учения, проявили себя страстными сторонниками *гей-науки* и никогда не закрывали двери своих поместий для самых распутных жонглеров; но в целом бедные менестрели были изгнаны из замков, как и прокаженные, а звук их инструментов, возвещающий об их присутствии на краю рвов сеньориальной резиденции, не имел иного результата, как заставить собак лаять. Согласно шутливой аполгии, написанной на латыни в то время (см. "Фаблио" Леграна д'Осси, т. IV, с. 357), когда Бог создал мир, он поместил в него три типа людей: дворян, клириков и злодеев. Первым он дал землю, вторым - десятину и милостыню, последним - работу и страдания; но, разделив их таким образом, менестрели и рибалды в то же время обратились к Богу с просьбой исправить их судьбу и дать им что-нибудь на жизнь: "Господь, - говорит автор аполгии, - поручил дворянам кормить менестрелей, а священникам - содержать блудниц. Последние послушались Бога и ревностно исполняли наложенный на них закон, поэтому они, несомненно, будут спасены. Что же касается господ, которые не заботились о вверенных им людях, то им не стоит ожидать спасения". Жонглеры, которых больше не принимали в замках, совершенно забыли о *chansons de geste* и честной поэзии; они нашли публику, которую было легче развлекать и которая была менее щепетильна в отношении природы своих удовольствий; они стучались в двери мещан и купцов; они приходили посидеть в тавернах и в домах добрых *людей*, которые принимали их с радостью и не смеялись во весь голос над развратными историями, которые они рассказывали им после выпивки.

Эти сказки, драгоценные памятники воображения и веселья наших предков, составляют значительный сборник, лишь часть которого была опубликована в оригинале Барбазаном и переведена Леграном д'Осси. Именно из этого гравюрного репертуара Боккаччо, Ариосто, Лафонтен и тысячи других современных поэтов и романистов черпали комические сюжеты и идеи, которые они лишь перерабатывали и омолаживали по форме. Собрание басен, - говорит М. Эмиль де ла Бедольер, - "собрание басен изобилует пикантными шутками, забавными изобретениями и чертами общительного веселья, но часто оно отвратительно непристойно: самые грязные слова французского языка, кажется, с удовольствием приписываются ему; самые вульгарные функции человеческой машины становятся предметом грубых шуток; самые тайные части тела называются в выражениях, которые заставили бы краснеть сегодняшних проституток". И в подтверждение этой общей оценки *фаблио* XIII и XIV веков гениальный автор "Histoire des mœurs et de la vie privée des Français" приводит названия некоторых из них, которые он выбирает из издания Барбазана: *Fabliau de la m....; une femme pour cent hommes; de Charlot le juif qui chia en la pel dou lievre; du Chevalier qui fesoit parler les c... et les c...; de l'anel qui fesoit les v... grands et roides; du vilain à la c..... noire; d'une pucelle qui pooit oïr parler de f....., qu'elle ne se pasmast*, etc. М. де ла Бедольер записывает некоторые из этих титулов, согласно Ms. coté 1830, Bibl. Nationale: *de la male vieille qui conchia la preude feme; du fouteor; du conin*; согласно Ms. 7,218: *du c.. et du c..; de honte et de puterie; du v.. et de la c.....; du c.. qui fut fait à la besche*, etc. Чтобы получить представление об этой легкомысленной литературе, нам нужно прочитать более свободные рассказы Лафонтена, который с удовольствием читал труверов; но мы поймем чудовищные вольности языка этих поэтов, у которых суд муз был не на своем месте, только сравнив их игривые произведения с произведениями Грекура, Пирона и Роббе, наглых труверов восемнадцатого века.

"Очевидно, - говорит М. де ла Бедольер (т. III, цитируемой работы, с. 341), - что наши предки произносили, не испытывая страха перед своей скромностью, слова, которые мы объявили вне закона; но они не были чужды деликатности, и скандальные истории внушали честным людям справедливое отвращение". В самом деле, в "Жё де Робин и Марион", маленькой

комедии с песнями, исполнявшейся в XIII веке, автор которой, Адам де ла Хейл, был одним из самых уважаемых труверов своего времени, один из героев пьесы, по имени Готье, под предлогом декламации *chanson de geste*, напевает непристойный рефрен; Робин прерывает его, укоризненно говоря:

Ах! Готье, я больше не буду; фи!
Скажи, ты всегда будешь таким?
Ты грязный менестрель!

Менестрели и жонглеры способствовали распространению бесчестного языка, дебютируя и исполняя стихи труверов; а те, кого их литературная репутация рекомендовала в качестве образцов *искусства рифмоплетства и хорошей речи*, оказывали пагубное влияние как на письменный, так и на устный язык: ведь каждый, кто писал в прозе или стихах, на их примере употреблял самые непристойные слова и предавался самым непристойным образам. Труверы в сочинениях самого изысканного жанра не избежали этой дурной привычки смешивать идиому таверн и *борделей* с поэтическим языком. Автор знаменитого романа Партенопекса де Блуа рисует картину, которая была бы более уместна в басне:

Il li a les cuisses ouvertes,
Et quant les soles i a mises,
Les flors del pucelage a prises.

Автор романа Гарина ле Леорена не приписывает своим рыцарям более пристойных выражений; один из них в приступе похотливого вожделения кричит:

Si la tenoie, par mon chief à naisil,
La demoisel coucheroie avec mi!

Так, в "Чудесах Ностр-Дам" поэт-переводчик, которого эта назидательная тема не очистила, с удовольствием пересказывает эпизоды брачной ночи, в которой, по милости непорочной Девы, жених играл лишь печальную роль:

Первая ночь, в его прекрасном ложе,
Do in cuida all his delit,
Li espoux, es c... de sa fame;
Mais si la garda Nostre-Dame....
Каждый вечер, когда он ложится спать,
Каждый раз, когда он возвращается в комнату,
Но дверь так тяжела.
Так плотно и так закрыта,
Что он не может войти ни по какой причине.....

Поэты и писатели, которые не были *при дворе*, то есть не ели за столом королей и принцев, не умели отличать честный язык от нечестного; они не знали настоящей ценности слов и не подозревали, что в языке есть несколько типов стиля, каждый из которых соответствует характеру произведения. У них не было чувства литературного приличия, даже когда они переходили от светской темы к священной. Одному из таких труверов, несомненно, было поручено довольно неподходящее задание - перевести Библию на французский язык для использования французским принцем. Он выполнил эту работу со всей совестью, на которую был способен, и не постеснялся ввести в свой буквальный перевод множество слов, которые, будучи использованы Моисеем на иврите, были недопустимы в Священном Писании *на французском языке*; тем не менее этот странный перевод был написан писцом на

пергаменте, украшен миниатюрами и покрыт красивым переплетом. Именно в таком виде он попал в руки королей Франции, которые на протяжении нескольких поколений читали Библию в этом прекрасном манускрипте и не скандализировались, находя на каждой странице подобные ужасы, которые М. Паулин Парис извлек из своего превосходного Каталога французских рукописей Королевской библиотеки: "Et autres foys dist Dieu à Abraam: Chaque masle de vous sera circumscis, et vous circumscizerez la char de votre v.; que ce soit en signe de lien entre moy et vous. И привел Авраам Измаила, сына своего, и всех франков дома своего, и всех мужчин всех пастухов дома своего, и обрезал колесницу их. (гл. 17, стихи 10 и 23). Наш Господь, конечно, снова встретил Рахиль и родил ей сына (гл. 30, стих 22). Если бы они стали осуждать за то, что они обесчестили свою жену... и они ответили: "Да они использовали нашу жену в качестве путаны (гл. 34, стихи 13 и 31)!" Эта французская Библия хранится под номером 6701 среди рукописей Национальной библиотеки, и, читая ее, удивляешься, что она не была переведена для использования в хижинах Глатиньи, Тирона и Бриземиша, а не для служения благочестию христианских королей. Более того, моралисты и проповедники, которые часто обращались к народу и говорили на его языке, были не более сдержанны в выборе выражений, которые они подбирали из трясины, чтобы смешать со святыми или назидательными вещами. Сен-Бернар все еще думал, что проповедует на латыни, когда в одной из своих проповедей энергично сказал: "Vieille femme menant pute vie de corps est putain!". Другой проповедник того же времени, рассуждая о смирении, взял в качестве текста слова короля-пророка: *Laus mea sordet eo quod sit in ore meo*; и истолковал их так: "Моя похвала - лишь дерьмо и конхи!" Язык проституции проникал повсюду и даже в Церковь, у которой хватило мудрости запретить верующим читать священные книги, непристойно замаскированные под вульгарный стиль.

ГЛАВА XVIII.

Краткое содержание - Общественная и частная мораль с XI века и далее - Жан Флор, епископ Орлеанский - Голиаф проституции - Эксцентричность герцога Аквитанского - Крестовые походы и крестоносцы - Триста франкских женщин - Наложницы королевского *остготов* - Арьергард армии в походе.-Тысяча проституток капитана Гарнье.-Жанна д'Арк в Сансерре.-Ордонанс этой героини против грубых женщин из ополчения.-Как рыцарство понимало гостеприимство.-Угасание рыцарской морали.-Абоминации в правление Карла VI.-Анна Пьеделей.-Снисхождение Амбруаза де Лоре, маршала Парижа, к проституткам и так далее.

Рыцарство, безусловно, подавляло эксцессы проституции, которые оно, тем не менее, не смогло искоренить. Начиная с XII века общественная и частная мораль начала улучшаться, несмотря на постоянно разлагающее влияние народной поэзии, которая со временем вытеснила героическую поэзию. Несомненно, среди знати и низших сословий по-прежнему было много беспорядков, но, как правило, первые уже не подавали *простому народу* пример самых отвратительных извращений. Таким образом, хотя в армию крестоносцев были введены восточные обычаи, противоестественные пороки уже не были столь распространены, как это было при дворе Нормандии в 1120 году. По словам Гийома де Нангиса, прелаты уже не осмеливались нагло выставить напоказ свою порочность, как, например, епископ Орлеана по имени Жан, которого в 1092 году его возлюбленные (*concubii*) называли Флором и который слышал на площадях и перекрестках позорных подростков, предававшихся мужскому разврату, (*quidam enim sui concubii*, говорит почтенный Ив де Шартр в письме к папе Урбану II, *appellant eum Floram, multas rhythmicas cantilenas de eo*

composuerunt, quæ a fœdis adolescentibus, sicut nostis miseriam terræ illius, per urbes Franciæ, in plateis et compitis, cantitantur). Эти сатирические авторы, конечно, не совсем справедливо оценивают пороки своего времени; они обвиняют господ в скупости, гордыне, жестокости и обжорстве, но не упрекают их, подобно историкам XI века, в том, что они живут в бездне наглости (*impudicitatis barathrum*). Ордерик Виталь со стоном восклицал, "что разнузданность не знает границ и что мы сошли со следов героев, чтобы предаться самой разнузданной проституции"; он не уставал проклинать беззакония своего времени (*sevitia iniqui temporis*, говорит он в третьей книге своей "Хроники"); И все же, в разгар ужасающей разнузданности XI века, Церковь активно работала над реформой монашеских орденов, а рыцарство, учреждение которого приписывается старому отшельнику, сошедшему с трона (эта традиция, вероятно, была не более чем символом), начало возрождать дворянство, исправляя его дурные нравы.

Именно благотворному влиянию рыцарства мы обязаны обращением величайшего грешника одиннадцатого века. Среди многих *сыновей дьявола*, как их называли, Вильгельм, девятый по счету, герцог Аквитанский и граф Пуатье, был Голиафом проституции, если воспользоваться библейским образом, характеризующим безмерный разврат этого принца, которого Эмиль де ла Бедольер назвал *Моной Лизой одиннадцатого века*. По мнению одного из современных трубадуров (*Choix de poésies orig. des Troubadours*, t. V, p. 115), он был величайшим обманщиком женщин и самым свирепым распутником, чья репутация облетела весь мир (*si fo uns dols maiors trichadors de dampnas et anet lonc temps per lo mon per enganar las domnas*). Все было хорошо для него, пока речь шла о завоеваниях; он не гнушался предлагать свои озера самым скромным вассалам, а особую симпатию питал к монахиням, которых соблазнял в их монастырях. Мы уже упоминали о его плане "mauvais lieu" - заведения, построенного по образцу аббатства и предназначенного для содержания конгрегации публичных девушек под руководством самых развратных женщин Пуату. Неизвестно, что помешало ему осуществить этот план, когда здание аббатства уже было построено. Он влюбился в прекрасную графиню Шательро, которую звали Мальборгиан, и жил с ней в наложничестве, бросив свою законную жену. Он нарисовал портрет своей любовницы на своем щите, сказав, что хочет нести ее в бой, как она несла его в постель (*dictitans se illam velle ferre in prælio, sicut illa portabat eum in triclinio*). Уильям Мальмсберийский, повествующий в своей "Хронике" о развратных выходках герцога Аквитанского, предполагает, что этот ужасный блудник не потрудился хранить верность виконтессе, которую он, тем не менее, страстно любил. В ночь на Страстную субботу он оказался в церкви, где проповедовали о воскресении Иисуса: "Что за басня! Что за ложь!" - воскликнул он, разразившись хохотом. "Если вы так считаете, - резко ответил ему проповедник, - то почему вы здесь остаетесь? Я остаюсь здесь, - ответил нечестивец, - чтобы посмотреть на хорошеньких женщин, которые приходят совершить пасхальное бдение". Однажды он заболел, и монах, ухаживавший за ним, посоветовал ему подготовиться к хорошей смерти: "Я вижу, вы хотите, чтобы я отдал свое имущество паразитам, то есть священникам, - ответил умирающий. Что же касается моих распутств, то мне не в чем каяться: многие люди, превосходящие тебя в знаниях, уверяли меня, что все женщины должны быть общими и что предаваться их ласкам - грех, не имеющий последствий". Он не умер в окончательном безрассудстве, ибо под эгидой рыцарства внезапно перешел от поклонения материи к духовному созерцанию, от недоверия к вере и от скандала своей грязной жизни к назидательной практике аскетизма: он стал воином Христа и искупил свои грехи горячим покаянием. К тому времени он был уже стариком и не смог бы продолжать *любовный путь*, который он вел в молодости, даже если бы прибег к тем искусственным возбуждениям, которые медицинское шарлатанство предлагало распутным старикам и рецепт которых был собран ученым Арнольдом де Вильневым под таким названием: *Ad virgam*

erigendam. Гийом д'Аквитанский в свои лучшие времена зашел очень далеко в чувственных исследованиях и прославился различными эротическими изобретениями, которые также можно найти в трудах Арнольда де Вильнева, имевшего скромность перевести их на латынь (*Ut desiderium et dulcedo in coitu augmentetur. - Ut mulier habeat dulcedinem in coitu....*).

Крестовые походы были лучшим моментом рыцарства, и все же нельзя отрицать, что это грандиозное собрание людей всех возрастов, сословий и стран не согрело в своем лоне развращающие семена проституции. Аббат Флери, говоря об этих бесчисленных армиях, спустившихся на Восток, справедливо заметил, что они были хуже обычных армий: "Там царили все пороки, и те, что пилигримы принесли из своих стран, и те, что они взяли из чужих". Мы уже сообщали, по свидетельству Жуанвиля, что во время первого крестового похода Людовика Святого его бароны *пили кларет* вокруг королевского шатра. Должно быть, в предыдущих крестовых походах, особенно в первом, который перевернул Европу вверх дном, прежде чем перевернуть весь Восток, было еще хуже. "Крестоносцы, - говорит Альбер д'Экс, - вели себя как грубые, глупые и неукротимые люди, как только плотская любовь погасила в них пламя божественной любви; в их рядах была толпа женщин в мужской одежде, и они путешествовали вместе, без различия пола, доверяя возможности ужасного промискуитета". Автор *Gesta Urbani II* ограничивается констатацией факта: *Innumerabiles feminas secum habere non timuerunt, quæ naturalem habitum in virilem nefarie mutaverunt, cum quibus fornicaverunt* (Histor. des Gaules, t. XIV, p. 684). Альбер д'Экс добавляет несколько деталей, которые позволяют нам догадаться о более скандальных: "Паломники не воздерживались от незаконных сборищ и удовольствий плоти; они без усталости предавались всем излишествам стола, развлекаясь с замужними женщинами или молодыми девушками, которые покидали свои дома только для того, чтобы предаваться тем же глупостям и безрассудно бросаться во всевозможные суеты". Чтобы понять, о каком тщеславии говорил летописец, нужно увидеть, как эта разношерстная банда бродяг и фанатиков насилует девушек и позорит гостеприимство, оказанное им в Венгрии (*puellis eripiebatur, violentiâ ablata, virginitas; dehonestabantur conjugia*). Недаром рука Божья была простерта над этими несчастными, которые "грешили на его глазах, погрязая во всех пороках плоти". Ни одна треть из этих недисциплинированных, запятнанных преступностью орд не добралась до Палестины.

Дворы чудес и места проституции предоставили свой нечистый контингент в армию крестоносцев, в которой рибо, пекины (*пиквичини*), труанды (*труденны*) и *тафуры* (бродяги) образовали грозные отряды, наводненные потерянными девушками, принявшими крест со своими возлюбленными. Более того, за всеми армиями Средневековья неизменно следовала свора людей без признания, *кади* и *рибалдесс*, которые сопровождали багаж и грабили его в случае разгрома. Солдат или *взятчик* не мог обойтись без этой неловкой и тревожной свиты: женщины служили его развлечениям, мужчины приносили пользу, таская тяжести и разоряя страну, по которой проходили войска. Крестоносцы не отказались от военных обычаев, когда посвятили себя освобождению Гроба Господня; а когда у них закончились женщины в Палестине, где магометанская религия противилась любой незаконной торговле с христианами, они привели подкрепление из христианских женщин из Европы, которые по-своему способствовали триумфу крестового похода. Арабский историк Эм-ад-Эддин сообщает, что во время осады Сен-Жан-д'Акр в 1189 году "триста красивых франкских женщин, собранных с островов, прибыли на корабле для помощи франкским солдатам, которым они полностью посвятили себя; ведь франкские солдаты не идут в бой, если они лишены женщин". Тот же историк, которого цитирует Хаммер в своей "Истории Османской империи", добавляет, что пример франков оказался заразительным для их врагов, которые тоже захотели иметь веселых женщин в своей армии, где никогда прежде не

допускалось такого беспорядка. Это множество женщин было постоянной чертой французских армий вплоть до конца XVI века. Жоффруа, монах из Вижуа, оценивает количество наложниц, которые следовали за королем в 1180 году, в пятнадцать сотен, и наряды этих королевских куртизанок (*meretrices regiae*) стоили огромных сумм (*quarum ornamenta inestimabili thesauro comparata sunt*). Этот летописец, несомненно, имеет в виду только тех женщин, которые подчинялись непосредственно королю рибальдов и занимались своим гнусным ремеслом только за счет платы этому служащему королевского дома. Что касается свободных и несанкционированных рибалд, то их число должно было быть в двадцать раз больше, особенно в нерегулярных армиях, таких как крестовые походы, например, в *Великих Компаньонах*, которые отдавали себя на откуп тому, кто мог им заплатить и пообещать добычу. Монах из Вижуа перечисляет различные виды судей, которые в конце XII века опустошали страны, через которые проходили, как саранча: *Primo Basculi, postmodum Theuthonici, Flandrenses; et, ut rustice loquar, Brabansons, Hannuyers, Asperes, Pailler, Nadar, Turlau, Vales, Roma, Cotarel, Catalan, Arragones, quorum dentes et arma omnem Aquitaniam corroserunt*. Каждая из этих пожирающих банд тащила за собой массу проституток, которые постоянно увеличивались и принимали участие в разграблении подожженных городов.

Военная история Франции и других стран Европы пестрит свидетельствами присутствия развратных женщин в армиях во время походов; арьергард всегда состоял из таких женщин и их спутников, рибальдов и кадов, для которых, как говорится, ничто не было слишком горячим или слишком тяжелым, когда речь шла о грабеже. Этот неудобный и злой арьергард часто был почти таким же многочисленным, как и остальная армия. В хронике Модены, написанной Иоанном Базано (см. большое собрание Муратори, т. XV, кол. 600), мы читаем, что немецкого капитана по имени Гарнье, который в начале 1342 года вторгся на территорию Модены, Реджио и Мантуи во главе трех тысяч пятисот копий, сопровождала тысяча проституток, плохих мальчиков и рибальдов (*mille meretrices, ragazii et rubaldi*). Военачальники и капитаны, какими бы доблестными рыцарями они ни были, ничего не могли сделать против этой проституции в лагерях; они увидели бы, что их войска бунтуют и отказываются служить под знаменем, которое не защищает также безумных женщин, предназначенных для солдатских душ. Одна лишь Жанна д'Арк, ненавидевшая женщин с дурной репутацией, хотя англичане и называли ее *шлюхой Арминьяков* (см. Michelet's Hist. de France, t. V, p. 75), черпала достаточный авторитет в своей божественной миссии, чтобы изгнать всех этих презренных тварей из армии короля. Прежде всего, она приказала солдатам исповедоваться, "и заставила их опустить своих юных дочерей", - говорит анонимный автор "Мемуаров", которые касаются этой целомудренной героини. "Следует отметить, - пишет Жан Шартье в своей "Истории Карла VII", - что после дня Патэ вышеупомянутая Жанна la Pucelle объявила, что ни один мужчина в ее окружении не будет содержать ни одной опорощенной женщины или наложницы". Тем не менее обычай оказался сильнее ее воли, и некоторые из этих женщин, почувствовав поддержку своих любовников, попытались нарушить приказ Ла Пюсель. Она выхватила шпагу из Фьербуа и бросилась на этих несчастных, нанося им такие удары, что шпага разбивалась о их плечи. Карл VII был очень опечален этим происшествием и сказал Жанне, что ей лучше было бы взять палку и ударить ее, чем потерять меч, который попал к ней чудесным образом. Ла Пюсель понимала, что присутствие женщины вредит дисциплине в армии, и переделалась мужчиной, чтобы не вызывать плотских утех у своих сослуживцев. "Мне кажется, - сказала она, - что в таком виде я лучше сохраню свою девственность в мыслях и на деле". На самом деле ее девственность не пострадала, хотя несколько великих лордов были "не в силах усомниться в том, что они будут иметь свою компанию"; но, когда они предстали перед ней *красиво одетыми*, "все недоброжелательства прекратились".

Указ Жанны д'Арк против рибо ополчения не смог пережить ее; и это было лишь исключением в жизни военных мужчин, которые больше не разлучались со своими наложницами. Возможно, что такое количество беспутных женщин, находящихся на постоянной службе в армии, иногда благоприятно сказывалось на обычных последствиях взятия города, поскольку солдат, имея любовницу среди публичных дочерей армии, проявлял меньше энтузиазма в издевательствах и изнасилованиях над пленными. Как бы то ни было, количество влюбленных женщин, зачисленных, так сказать, под флаг капитана, уменьшалось или увеличивалось в зависимости от успехов или неудач экспедиции. В те времена, когда грабежи были неизбежной частью военных действий, эти проститутки получали львиную долю добычи. Чем лучше была оснащена, снабжена и хорошо оплачиваема армия, тем больше проституток стекалось в нее. Прекрасная армия, которую Шарль-ле-Темерер, герцог Бургундский, лично повел в страну швейцарцев в 1476 году, была снабжена женским подкреплением, и после поражения при Грансоне победители обнаружили в лагере герцога, как рассказывает Филипп де Коминс, "большие группы камердинеров, купцов и девушек радостной любви"; но швейцарцы не были очень чувствительны к такого рода захватам: Коминс добавляет, что "кавалеры Лигуэса собрали, каждый по своему вкусу, пики, кулеврины, доспехи, драгоценные сетки; а что касается двух тысяч куртизанок, то это были радостные девицы, решившие, что такие товары не принесут большой выгоды их собственным, если они пустят их по полям." Несмотря на такое равнодушие к фламандским и бургундским куртизанкам, швейцарцы вели не более аскетичную жизнь под оружием, чем их противник; ведь в мирное время в деревнях содержалось определенное количество куртизанок за счет коммуны, которые в военное время физически прикреплялись к ротам и бандам каждого кантона (Rec. d'édits et d'ordonn. royaux, by Neron and Girard, 1720, in-f., t. I, p. 643).

Вернемся к рыцарству, которое не всегда подавало пример целомудрия и непорочности. Рыцари, которые крутили идеальную любовь с дамами и девицами и получали от них только честные подарки, иногда поцелуи, но редко то, что называлось *даром любви по его милости*, компенсировали эти лишения слугами и *девушками*. В обычай гостеприимства входило даже заполнять *постель* рыцаря, искавшего убежища в замке. Лакурн де Сент-Пале приводит любопытный отрывок из басни (Ms. du Roi, n° 7615, fol. 210), в которой дама, принявшая в своем доме рыцаря, не хочет ложиться спать, не прислав ему соседа по кровати.

И графиня начальнику позирует,
Apele un soun (*sienne*) pucelle,
Самая кортуазная и самая красивая;
A consoil (*по секрету*) li dis: Belle amie,
Алес тост, не надо меня усыплять!
С этим рыцарем gesir (*спать*)...
Si le servez, s'il est metiers (*besoin*).
Я с радостью подам ласу,
чтобы мне не было стыдно,
Ne fust pour monseigneur le conte
Который еще не спит....

Дама-шатенка, несомненно, не была очень строгой, и чтение "Art d'amour", сочиненного трувером Гиартом (Ms. du Roi, n° 7615, fol. 178 et seq.), поэмы, содержащей самые развратные уроки любви, могло подтолкнуть даму к подобным поблажкам. Можно предположить, что подобные гостеприимные обычаи существовали не во всех замках. Поэт

XIII века может поручиться за это, а то, как он нападает на городскую проституцию, заставляет нас предположить, что он молчаливо сравнивает ее с благопристойностью рыцарских нравов. Вот этот интересный отрывок, который Лакурн де Сент-Палайе взял из г-жи Национальной библиотеки (Fonds du Roi, n° 7615, fol. 140).

Qui reson voudroit faire! l'on devoit, par saint Gille!

Богатая женщина, которая служит бавалом и обманом,

И кто для ганье обманывает свое тело и авиль (*развращает*),

Убирайся из города, как *прокаженный*,

S'en souloit (*si on avait coutume*) maintes femmes, par maintes achoisons,

Chacier hors de la ville, c'estoit droitiz et resons:

Сейчас время, а золото - это резоны.

Повсюду бордианы больше, чем другие mesons.....

Муниципальные законы, как мы уже говорили, обуздали проституцию, и дворянство, которое в целом было исправлено рыцарством, отличалось от простого народа и буржуазии более регулярными и честными нравами, по крайней мере, внешне. Но буржуазия и народ, в свою очередь, начали исправляться, а рыцарство пришло в упадок, и дворяне предались всем тем беспорядкам, которых они до сих пор избегали; тем не менее они гордились тем, что были такими же хорошими рыцарями, как и их предшественники. Именно во время правления Карла VI начался упадок рыцарских нравов. Поэт того времени, Эсташ Дешам, сравнивает поведение старых рыцарей с поведением своих современников:

Рыцари были добродетельны

Et pour amours plains de chevalerie,

верными, сухими, резвыми и грациозными:

Chascuns avoit lors sa dame, s' amie,

И жили *счастливо*;

Их также любили очень преданно,

И никогда не *сплетничали* и не спорили.

Но я поражаюсь, когда все сплетничают и лгут,

Ведь в старые времена было лучше!

Жалобы Юсташа Дешама были слишком оправданы оргиями двора, где Карл VI и его брат, герцог Орлеанский, кичившиеся тем, что *поддерживают* истинное рыцарство, казалось, забыли его добродетельные заповеди. Турниры, проведенные в Сен-Дени в 1389 году в честь короля Сицилии и его брата, посвященных в рыцари, закончились отвратительной сатурналией, которая проходила в аббатстве. Монах Сен-Дени в своей "Хронике Карла VI" не счел нужным обойти молчанием беспорядки четвертой ночи: "Лорды, - говорит он, - превратив ночь в день и предаваясь всем излишествам стола, были доведены пьянством до таких крайностей, что, не уважая присутствия короля, некоторые из них осквернили святость религиозного дома и предались распутству и прелюбодеянию (*ad inconcessam venerem et adulteria nefanda prolapsi sunt*).

Церковь впала в тот же упадок, что и рыцарство, а общество в целом, казалось, шло к распаду. Мы хотим попасть в монастыри только для того, чтобы приподнять завесу, прикрывающую пороки монахов и *монахинь*. Проституция захватила дом Господень, как и дом великих людей мира. Проповедники тех дней часто повторяли слова ангела из Апокалипсиса: "Придите, я покажу вам осуждение великой блудницы, сидящей на многих водах, с которой совокуплялись цари земные, и которая напоила жителей земли вином блуда". Действительно, ничто не может передать мерзость правления Карла VI, когда

духовенство, дворянство и народ боролись с извращениями и пороком. Какой должна была быть придворная жизнь, когда жизнь в монастырях была столь плачевной, как это изобразил нам Николя де Клеменгес, архидиакон из Байе, в своем трактате *De corrupto statu ecclesiae*: "Говоря о девственницах, посвященных Господу, - говорит этот христианский философ, - мы должны были бы проследить все прегрешения мест проституции, все хитрости и бесстыдство куртизанок, все отвратительные дела блуда и кровосмешения; Ибо, прошу вас, что такое женские монастыри сегодня (около 1400 года), если не святыни, посвященные не поклонению истинному Богу, а поклонению Венере; если не нечистые вместилища, где разнузданная молодежь предается всем расстройством похоти, так что теперь одно и то же - заставить молодую девушку принять чадру или выставить ее публично в месте мерзости!" Николя де Клеменгес доводит свою критику монастырских нравов до гиперболы, но деморализация церковников была слишком очевидна, и невозможно сказать, была ли это Церковь, которая деморализовала рыцарство, или рыцарство, которое деморализовало Церковь. Дюлор, чьи свидетельства, как правило, вызывают подозрения, опирается на респектабельные авторитеты, чтобы набросать такую картину клерикально-рыцарских нравов: "Прелаты и младшие священники обычно одевались в светскую одежду, носили мечи, участвовали в турнирах, посещали кабаре и содержали наложниц. Священники и приходские священники занимали судебные должности, давали деньги в долг под ростовщичество, предавались разврату и излишествам стола. В некоторых епархиях великие викарии получали разрешение на прелюбодеяние на один год; в других можно было купить право безнаказанно блудить всю жизнь: покупатель освобождался от этого обязательства, ежегодно выплачивая чиновнику кварту вина; а когда возраст делал его неспособным пользоваться этой привилегией, он был обязан платить налог". Именно в декретах пап чиновничество обрело ту странную власть, которую оно присваивало себе над грехом нечистоты; канон *De dilectissimis* призывает христиан следовать этой аксиоме: *все общее между друзьями*, даже женщины, добавляет он. Они имели дерзость обратиться к папе Сиксту IV с просьбой разрешить им совершить позорный грех в жаркие месяцы, и Сикст IV написал внизу прошения: Да будет сделано так, как требуется (Hist. de France, by Abbé Velly, t. V, p. 10 et seq.)!

Поистине удивительно, что никогда королевские и муниципальные распоряжения против проституции не были более частыми или более суровыми, чем этот период дерегулирования. Не было никакой пощады публичным девушкам, когда приличия и скромность, казалось, были изгнаны из морали, когда развратная одежда была единственной модной вещью, которую можно было носить, несмотря на субординационные эдикты. Непристойные орнаменты, украшавшие их в двенадцатом веке при дворе Нормандии, по словам Ордерика Виталья, были вновь введены вместе с жеребьячими башмаками, а сами орнаменты стали длиннее и характернее. Правда, женщины не осмеливались перенимать аксессуары этой уродливой обуви, но, с другой стороны, платья у них были разрезные или приподнятые, открывающие ногу и даже обнаженное бедро; что касается горла, то его они обнажали вплоть до груди. Автор книги *Chastoiement des dames*, Робер де Блуа, упрекает их за эти нескромные фасоны.

Грудь не различается
Ее грудь, чтобы все видели
Как нескладно белеет ее плоть;
Другая поднимает охотно
Ее плоть в стороны:
Одна из ее ног слишком низка.
Prud hom не справляется с этой работой.

Церковные церемонии, особенно процессии, способствовали такой нескромности в одежде. Во время процессий и публичных покаяний мужчин и женщин видели полностью обнаженными: "Среди этих кающихся, - говорит неполный автор "Истории Парижа", - некоторые носили прикованные камни в рубашках; других, без рубашек, пороли или кололи в ягодицы козлами". Здесь Дюлор ничего не выдумывает, ничего не преувеличивает и может смело отсылать читателя к глоссарию Дюканжа и Карпантье (к словам *penitentiae*, *processiones*, *villaniæ*, *lapides catenatos ferre*, *putagium*, *naticæ* и т.д.). Мы предполагаем, что кающиеся, которые шли за процессиями в состоянии полной наготы и которых кололи иглами, должны были быть проститутками, как и те, кто носил камни в рубашках. Это были обычные наказания, которые светское правосудие применяло к прелюбодеям и женщинам с дурной репутацией. Дюлор приводит запоминающийся пример, который он заимствует из уголовных реестров Парижского парламента (реестр VIII). Влюбленная Анна Пьеделей содержала развратный дом на улице Сен-Мартен, чем нарушала предписания проректора; и проректор, занимавший в то время должность (1373 год), знаменитый Гюг Обрио, исполнял эти предписания со всей решительностью. Местные мещане донесли на Анну Пьеделей маршалу-провокатору, и сержанты немедленно удалили женщину, проявив к ней снисходительность, поскольку ее даже не посадили в тюрьму. Несомненно, она почувствовала поддержку со стороны человека, способного противостоять маршалу-провокатору, и подала жалобу на этого магистрата, обвинив его в нескольких преступлениях и приведя ложных свидетелей, чтобы победить его. В феврале 1374 года парламент, по представлению королевского адвоката, приговорил Анну Пиделеу к прохождению по городу голой, с пергаментной короной на голове и надписью "*фальшивомонетчица*". В таком виде ее доставили на столб в Лез-Аллес, где она два часа простояла на виду у публики; из тюрьмы ее выпустили только для того, чтобы изгнать из Парижа и королевства. Подобные прогулки, должно быть, были довольно частыми, и народ бежал на них с радостным нетерпением. Когда блудницы и мадам, подвергавшиеся непристойному любопытству парижских зрителей, дрожали от холода и часто кашляли, шагая голыми по грязи в непогоду, зрители, особенно дети, пели песню, сочиненную специально для этого случая. Эта грязная песенка, надолго оставшаяся в памяти низших классов, заканчивалась таким припевом, как сообщается в *Journal du Bourgeois de Paris*:

Votre c... a la toux, commère,
У вашей задницы кашель, кашель!

Самые дерзкие из этих женщин, которых вели к столбу, отвечали певцам оскорблениями, между которыми не обходилось без ругательств и проклятий. Так, когда зимой 1413 года среди парижского населения распространилась эпидемия кашля, те, кто еще не страдал от этого жестокого кашля или уже оправился от него, насмехались над теми, кого слышали кашляющими так сильно, что у них "ломило гениталии", и говорили им *в шутку*: "А у вас есть? Клянусь честью! Вы пели: "*Votre c... a la toux, commère*". Это был намек на всевозможные недуги, такие как *mal saint-main*, проказа, чесотка, кашель и т. д., которых желали плохим шутам несчастные женщины, не жалея о том, что они простудились на скамье подсудимых. Сострадания к этим грешникам, как мы уже видели, не было, а маленькие дети были наиболее решительно настроены на их преследование. Власти считали, что подчиняются единодушному мнению, не давая этим бедным девушкам ни малейшего послабления. Однако нашелся один парижский прокурор, который взял их под свою защиту и, возможно, оказал им слишком большую поддержку. Это был Амбруаз де Лоре, барон Жюйи, назначенный на должность проректора в 1436 году и умерший в 1445 году при исполнении своих обязанностей. Жители столицы не простили ему того, что он благосклонно отнесся к проституции, позволив старым правилам, регулирующим ее, выйти из употребления. Пока

длилось его правление, проститутки были более или менее свободны; они одевались, как им вздумается, и останавливались в любом месте города. На смертном одре Амбруаз де Лоре раскаялся в том, что был так добр к этим созданиям, и попытался исправить беспорядок, воцарившийся в полиции нравов. "За неделю до дня Вознесения, - пишет в своем "Журнале буржуа де Пари", - по всему Парижу раздался крик, что рибо больше не будут носить ни серебряных святых, ни перевернутых воротников, ни серых юбок в платьях, ни менувар, и что они будут ходить и оставаться в бордерольксах, упорядоченных, как это было раньше". Когда через несколько дней Амбруаз де Лоре умер, Парижский буржуа взял на себя его погребальную речь и описал его как "менее любящего общее благо, чем любой проректор, который был до него в течение сорока лет". Буржуа добавляет, что у этого проректора была одна из самых красивых и честных жен в мире, но, тем не менее, "он был настолько похотлив, что говорили, правда, что у него было три или четыре наложницы, которые были самыми обычными, и повсюду поддерживал сумасшедших женщин, которых было слишком много в Париже, своим ласкетом, и приобрел очень плохую репутацию у всего народа; ибо едва ли можно было иметь право на сумасшедших женщин, так сильно поддерживать их и их мадам".

Амбруаз де Лоре, до того как он стал бургомистром Парижа и отпустил узду *глупых* женщин, был одним из самых храбрых рыцарей *времен* Карла VII, но его воинская доблесть не сделала его более добродетельным, хотя он был современником нескольких хороших рыцарей образцовой жизни и честной морали. Он провел свою юность при дворе Карла VI, где рыцарство состояло из турниров и маскарадов; он не принадлежал к той семье целомудренных и континентальных рыцарей, которые, подобно маршалу де Бусико, считали, что "похоть более всего на свете противоречит доблестному вооруженному человеку". *Добрый мессир* Жеан ле Мэнгр, говорит Бусико, даже не отказался от целомудрия, когда был губернатором Генуи, где возможности для удовольствий постоянно искали его: "В нем были добродетели, противоположные разврату", - говорит его биограф-секретарь; он почти не думал о том, чтобы *развратничать* с генуэзцами, "потому что в этом не больше подобия, чем если бы это был камень, несмотря на то, что дамы там хорошо украшены и хорошо одеты, и что там много красивых". Однажды, когда он ехал со своими кавалерами по Генуе, одна дама, расчесывавшая свои белокурые волосы, встала у окна, чтобы посмотреть, как он проезжает; он не обратил на это внимания; но один из его оруженосцев заметил ее и не мог не сказать: "О! Какой прекрасный начальник!" Маршал, казалось, не услышал; но когда оруженосец снова повернулся, чтобы посмотреть на даму, он сказал ей с ледяным видом: "Достаточно!" Биограф, собравший *факты* о Бусико, добавляет следующее размышление: "Таким образом, и на деле, и наяву маршал чист от этого порока плотских отношений и от всех излишеств, что является прекрасным признаком его целомудрия".

Бусико, правда, воспитывался при дворе Карла V, который среди всех добродетелей, по словам его историографа Кристины де Пизан, "выделял целомудрие, которое должно быть соблюдено на деле, на словах и в мыслях". Карл V, столь строгий в этом отношении к себе, был столь же строг и к своим слугам и хотел, чтобы они были целомудренны "как в продолжении жизни, так и в одежде, словах, поступках и во всем остальном". Когда он узнавал, что один из его офицеров *обесчестил женщину*, даже если она была его любимицей, он изгонял ее из своего присутствия и навсегда отстранял от службы. Однако он не был лишен христианского милосердия к грешникам и, "учитывая человеческие слабости", никогда не соглашался на то, чтобы муж "запирал жену в вечной епитимье за недостатки ее тела"; он лишь разрешал запирать ее в комнате, если она была слишком обесчещена, чтобы она не навлекла позор на мужа и родителей. Он запретил вводить и читать при дворе королевы и принцев бесчестные книги. Однажды ему доложили, что один из придворных рыцарей *наставлял дофина в любви и неясности*: он отстранил рыцаря и запретил ему

когда-либо появляться перед женой и детьми. Кристина де Пизан, записавшая эти подробности в Книге фактов и добрых нравов покойного короля Карла, рассказывает, что он не терпел за своим столом *гуляк, разносивших туманные слова*, и считал игры менестрелей *приобщением к похоти*; он часто повторял слова святого Павла в Послании к коринфянам: "Злые слова развращают добрые нравы". Правление Карла VI и часть правления Карла VII были запятнаны всеми пороками и преступлениями, которые Карл V пытался искоренить в своем королевстве; а проституция, которую этот мудрый король подавлял прежде всего своим примером, больше не знала никаких преград и границ.

Чтобы оценить степень извращенности, до которой дошли некоторые дворяне, некоторые великие сеньоры, предававшиеся всем аберрациям разврата, нам нужно прочитать в архивах Нанта уголовный процесс над Жилем де Рецем, маршалом Франции, приговоренным к казни в 1440 году. Жиль де Рец был одним из самых влиятельных лордов Бретани; он доблестно служил Карлу VII во время войны с англичанами; он сражался вместе с Дюнуа и Лажиром под знаменем Жанны д'Арк; он был образован и культурен. Но чтение Суетония побудило его подражать чудовищному разврату римских императоров: подобно Тиберию и Нерону, он питал страсть к крови, смешанной с грязью; у него больше не было другого занятия, как калечить своими отвратительными ласками несчастных детей, которых он хватал со всех сторон: когда они были красивы и *милы*, он привязывал их к себе или перерезал им горло собственными руками. Суеверие и магия были помощниками его жестокостей и порока: у него была великолепная капелла с канторами и канониками, которых он хорошо кормил, и в то же время у него на жалованье были колдуны и маги, с которыми он обращался к дьяволу. Этот отвратительный человек, имевший более чем мимолетное сходство с другим злодеем, которого мы увидим позже (маркизом де Садом), был наконец привлечен к ответственности, арестован вместе с главными исполнителями его преступлений и предан суду чрезвычайного трибунала, назначенного для этой цели герцогом Бретани, его двоюродным братом. В ходе расследования были обнаружены ужасы, подтвержденные показаниями свидетелей. В подземных ходах замков Шанточе, Ла Сюз, Ингранде и других были найдены обугленные кости и пепел детей, которых маршал де Рец убил после издевательств над ними. Вскоре он сам во всем признался и, не надеясь на помилование в человеческом суде, попросил прощения у Вечного Судьи, перед которым ему предстояло предстать.

Свидетельства сообщников Жили де Реца дают нам представление об ужасных сценах, происходивших в старом замке Шантоке. Анриет, камергер маршала, утверждает, "что Жиль де Силле и Понту доставили несколько маленьких детей к сир де Раису в его комнату: этих маленьких детей он поселил у себя, и грелся там, и устраивался на их животах, и получал там удовольствие и наслаждение, что он жил с одним из упомянутых детей только один или два раза, и что после этого сир, в некоторых случаях, перерезал им горло своей рукой, а в некоторых случаях, Жиль де Силье, Анриет и Понту перерезали их, в комнате упомянутого сира: и что дети, умершие таким образом, были разложены в комнате упомянутого сира, после того как он лег спать, а порошок из них выброшен, и что сир получал больше удовольствия от того, что перерезал им горло, чем от того, что жил с ними." Когда Анриета снова допрашивали об этих позорных тайнах, он добавил новые подробности к своим первоначальным признаниям; Он рассказал, что "слышал, как упомянутый сир де Раис говорил, что ему было очень приятно видеть, как отделяются головы детей после того, как они жили на животе, просунув ноги между своими, и что он имел обыкновение сидеть на животах упомянутых детей, когда их головы были отделены от тел, а в другое время резал их сзади по шее, чтобы они томились, что доставляло ему большое удовольствие, и, томясь, никогда не жил с ними до их смерти, а после смерти никогда, пока они были теплыми; И был

там брадобрей, чтобы отрезать им головы, и когда дети не были красивы по его желанию, он сам отрезал им головы упомянутым брадобреем, и после этого никогда не жил с ними. Он сказал, что ни один человек в мире не может знать и сделать то, что сделал он. Он сказал, что ни один человек в мире не может знать или делать то, что он делает. Он никогда не расчленял указанных детей за подмышки и получал удовольствие, видя их кровь.

"Для того, чтобы дети не кричали, когда он желал над ними поработать, он заранее накинул им на шею веревку и повесил их в углу своей комнаты на высоте трех футов, а перед смертью спустил их или приказал спустить, сказав, чтобы они не произносили ни слова, и что они греют его член, держа его в руке; После этого он давал им натужиться на животе и, сделав это, заставлял их перерезать горло и отделить яичко от тела." Эти страшные признания подтвердил Этьенн Корнильо, известный как Понту, любимец маршала и один из его сообщников. Понту не стал дожидаться допроса, чтобы признаться в преступлениях своего господина и своих собственных; он добавил несколько новых фактов к тем, которые осудил Анриет. Так, сир Рец давал два или три экю за каждого ребенка, которого ему привозили; иногда он сам выбирал детей и тайно привозил их в один из своих замков. Иногда он сам выбирал детей и тайно привозил их в один из своих замков. "Иногда он брал маленьких девочек, чьи животы были ему в тягость, а также детей мужского пола, говоря, что ему это доставляет больше удовольствия и меньше хлопот, чем если бы он поступал так с упомянутыми девочками в их естественном состоянии. Когда к нему приводили двух детей вместе, чтобы один не плакал из-за другого, то, вдоволь наевшись с одним, он оставлял другого, пока его аппетит не был удовлетворен. Жилю де Рецу, сделавшему столь откровенные заявления, ничего не оставалось, как подтвердить их искренность. Поэтому он признался, что издевался над детьми "ради своей страсти и наслаждения похотью, и что его люди убивали их, либо перерезая им горло кинжалами и ножами, либо отделяя их яички от тела, либо разбивая их ударами трости, либо другими способами; и никогда не отрывал им конечностей и не заставлял их отрывать, не вскрывал их, чтобы достать внутренности, не привязывал их к железному крюку, чтобы задушить их и заставить томиться; так как они томились, чтобы умереть, имел на них жилище и ни разу после их смерти не целовал их, и получал удовольствие и наслаждение, видя самые красивые яички указанных детей, которые впоследствии были арсами." Его спросили, когда и как он впервые узнал об этих неслыханных злодеяниях; он ответил, "что начал вести такой образ жизни в Шантоке в тот год, когда его дед, сир де ла Сюз, перешел от жизни к смерти, и сам, по собственному почину, без совета с другими, взялся за это дело, исключительно ради удовольствия и наслаждения похотью, без всякого другого намерения".

Слушая эти признания, произнесенные с самым спокойным видом, судьи дрожали в своих креслах и ежеминутно подписывались под ними. Это чудовище было осуждено вместе со своими сообщниками, но его это не смущало, и он по-отечески призывал их умереть хорошо, чтобы все они могли снова встретиться *в великой радости на небесах*. Он понес свое наказание 26 октября 1440 года на лугу над мостами Нанта; и как только его задушили на зажженном костре, его тело вернули семье, и за этим испачканным телом пришли *знатные дамы*, положили его в гроб и торжественно отнесли в церковь кармелитов, где его похоронили, оставив среди зрителей его пыток память о его *раскаянии* и христианском конце.

ГЛАВА XIX.

Краткое содержание - Появление венерических болезней во Франции - Происхождение сифилиса или *французской болезни* - Его пугающий прогресс к концу XV века - Прогресс венерической болезни на протяжении Средних веков - Ее различные названия. Элефантиаз и другие разновидности проказы - Ментагр и гнусные струпья - *Lues inquinaria* или *inguinaria* - Паломничества к святым местам - Церковь Нотр-Дам де Пари - *Священный огонь* - Порок норманнов - Болезнь норманнов - Французский порок Порок норманнов. - *Зло пылких людей*. - Его пугающие бедствия. - *Зло святого Мэна и святого Антуана*. - Обращения к святому Марселю и святой Женевиеве. - Сифилис в пятнадцатом веке. - Прокаженные и дома прокаженных. Крестonosцы и *мезельерия*. - Строгая санитарная полиция, которой подвергались прокаженные. - С сайта наиболее общий характер проказы, согласно Ги де Шолиаку, Лорану Жуберу, Теодориху, Жану де Гаддесдену и др..., и т.д.

Появление или, скорее, развитие венерических заболеваний во Франции, как и во всей Европе, изменило лицо легальной проституции и едва не привело к ее окончательному краху. При виде этих ужасных болезней, поражающих все общество, самые просвещенные и непредубежденные люди могли поверить, что единственной причиной такого бедствия является общественный разврат, а предвзятые и легковверные смотрели на это бедствие как на кару небесную, поражающую недержание в самом страшном его проявлении. Тогда магистраты раскаялись в том, что разрешили и организовали практику греха, имевшего столь фатальные последствия, и первым средством, которое они применили против нашествия этой новой чумы, стало приостановление действия правил терпимости, в соответствии с которыми в каждом городе существовал постоянный очаг болезненной инфекции. Но вскоре было признано бессмысленным пресекать регулярное распространение проституции, как только выяснилось, что источник зла находится не только в дурных местах. Тем не менее были приняты санитарные меры, которые еще не были продиктованы необходимостью, а беспутная жизнь простых женщин была подвергнута медицинскому исследованию. Это было заметным улучшением в системе порнографической терпимости, и с тех пор городская администрация должна была серьезно заботиться о здоровье населения во всех этих деликатных вопросах, которые до сих пор касались только морали и общественного порядка.

Здесь мы должны коснуться вопроса о происхождении сифилиса, поскольку обстоятельства диктовали, что название "*французская болезнь*" было дано ему в момент его взрыва в Европе, и поскольку это название фактически связано с событиями, сопровождавшими его проникновение во Францию; но сначала мы предлагаем продолжить уже поддержанный нами тезис о древности венерических заболеваний. Несомненно, эти болезни, как и большинство эпидемий и заражений, претерпевали множество метаморфоз, особенно в симптоматике, в связи с разнообразием местных атмосферных и природных условий, способствовавших их появлению; Несомненно, этот ужасный бич, который наука после трех с половиной веков глубокого изучения до сих пор считает неуловимым протозой, не имел до 1493 или 1496 года тех пугающих характеристик и, прежде всего, распространяющегося вируса, которые были впервые замечены в то время, когда исключительные случаи стали общими. Однако венерическая болезнь существовала, та же самая болезнь, с древнейших времен, как мы показали, и никто бы не беспокоился о ней больше, чем о любой другой хронической болезни, если бы сочетание непредвиденных и неучитываемых обстоятельств вдруг не дало ей возможность распространяться, множиться и ухудшаться с некой яростью. Мы доказали, согласно свидетельствам Цельса, Аретея и самых известных греческих и римских врачей, что истинный сифилис, который, как утверждают люди, появился

одновременно с открытием Америки, вскоре последовал за проказой и кожными болезнями, которые были привезены в Рим из Азии и Африки с трофеями завоеванных народов. Возвращаясь к этим болезненным истокам, нетрудно понять, что ужасный римский разврат согрел в своем лоне семена всех почтенных привязанностей и что их нечистая смесь породила неведомые пороки, которые беспрестанно возвращались к своему источнику, развращая его все больше и больше. Однако мы упорно верим, что передача вируса не была столь быстрой и частой, как в наши дни, и, кроме того, вполне вероятно, что древние, обладавшие более чем пятьюстами видами коллирий для лечения глазных болезней, имели столько же целебных рецептов для недугов любви. На протяжении всего Средневековья мы будем наблюдать ослепительный прогресс венерической болезни под разными названиями, пока она не достигла своей окончательной трансформации под именем *большой оспы*.

Эта непристойная болезнь всегда существовала в хроническом состоянии у отдельных людей; она воспроизводила себя путем заражения, с большим разнообразием несчастных случаев, вытекающих из темперамента пациентов и обусловленных множеством местных обстоятельств, которые невозможно перечислить или охарактеризовать; но она всегда возникала в нечистой торговле и не развивалась сама по себе, без предварительной причины заражения, в среде умеренных сексуальных контактов. Проституция была самым активным источником этой либидинозной проказы, которая распространялась с большей или меньшей злобой в зависимости от страны, времени года, субъекта и т. д. Только развратные люди были способны предотвратить распространение болезни. Только развратники шли портить себя у этого позорного источника, и зло оставалось до некоторой степени ограниченным и замкнутым среди этих деградировавших существ, не имевших контактов с честными людьми. Однако в определенное время, в результате сочетания физиологических факторов, болезнь обострялась и выходила за свои обычные пределы, объединяясь с другими эпидемическими или заразными заболеваниями; затем она размножалась с самыми ужасными симптомами и грозила отравить все население, которое она истребляла; после того как она сеяла явный и скрытый хаос, она останавливалась, она внезапно становилась спящей. Не медицина противостояла ее оккультному шествию и боролась с ней энергичными средствами; это была религия, которая предписывала общественные покаяния и таким образом отгоняла опасность заразы, ведя войну с грехом, который был ее непосредственной причиной. Полное лишение плотских радостей на значительный срок стало самым эффективным средством, которое духовенство, а точнее, французский епископат, столь дальновидный и изобретательный в деле благодеяний для народа, придумал против распространения чумы. Во время этих длительных кризисов общественного здоровья, надо сказать, полностью исчезла легальная проституция: дурные места были закрыты; простые женщины должны были воздерживаться от своего опасного ремесла под страхом произвольного наказания, и муниципальная полиция была настолько строга в этом отношении, что с начала эпидемии в XVI веке всех подозрительных женщин прогоняли или сажали в тюрьму и держали взаперти, пока болезнь не исчезла.

Не стоит забывать, что климат Галлии был слишком благоприятен для моровой язвы и всех кожных заболеваний. Бескрайние болота и непроходимые леса держали все части территории в гнилостной, нездоровой влажности, которую летняя жара наполняла пагубными и ядовитыми миазмами. Почва, вместо того чтобы очищаться путем обработки, постоянно выделяла болезнетворные испарения. Спали они на земле, на звериных шкурах, не имея никакого жилья, кроме кожаных палаток или шалашей из веток; ели мало хлеба и много мяса, много рыбы и много соленой плоти, которой кормили большие стада черных свиней на опушке друидического леса. Поэтому неудивительно, что слоновость и другие отвратительные разновидности проказы уже были широко распространены в Галлии ко

второму веку новой эры. Ученый Аретей, который, по-видимому, написал трактат *De Curatione elephantiasis* при Траяне, говорит, что у кельтов или галлов есть несколько средств от этой ужасной болезни, и что они в основном используют маленькие шарики селитры, которыми натирают тело в бане. Марцелл Эмпирик, занимавшийся медициной в Бордо во времена императора Грациана, сообщает, что врач Соранус взялся вылечить в одной только провинции Аквитания двести человек, пораженных ментагреей и гнусными струпьями, которые распространялись по всему телу. Мы доказали, что венерическая болезнь - это всего лишь разновидность проказы, которой заражаются через привычку к сексуальным контактам. Мы предположили, как отвратительные отклонения чувств могли в исключительных случаях увеличить силу вируса, перенося его в части тела, наименее приспособленные для его приема. Наконец, мы применили к происхождению elephantiasis предположения, которые, как мы увидим, вновь выдвинули врачи XV века по случаю Неаполитанской болезни, желая признать чудовищные последствия расстройств, вызванных противоестественными преступлениями.

В VI веке венерическая болезнь вспыхнула во Франции в виде эпидемии: ее называли *lues inquinaria* или *inguinaria*. Согласно первому названию, эта болезнь была растлением, возможно, гонореей, как описано в книгах Моисея (Левит, гл. 15); согласно второму названию этой болезни, которое часто упоминает Григорий Турский, не указывая его природу, это было воспаление паха, где образовывалась злокачественная язва, вызывавшая смерть после неслыханных мучений. Дом Руинарт в своем издании "Истории Григория Турского" отмечает, что эта паховая язва убивала больного подобно змее (*lues inguinaria sic dicebatur, quod, nascente in inguine vel in axilla, ulcere in modum serpentis interficeret*). В глоссарии Дюканжа действительно перечислены, в бенедиктинском издании, два названия этой язвы, которая впервые появилась в 546 году и несколько раз возвращалась, чтобы поразить население, предававшееся отвратительным излишествах антифизического разврата. Но ученые редакторы не позаботились о том, чтобы облегчить толкование этих двух названий, приписываемых одной и той же болезни, путем яркого сравнения отрывков, в которых она упоминается у современных летописцев. На позорное происхождение этой болезни, как нам кажется, достаточно указывает ужас, который она внушала и который заключался не только в страхе смерти, потому что пораженные ею люди казались пораженными рукой Божьей из-за своего осквернения: опухание и нагноение органов генерации, пузыри в паху, поток крови из кишечника, гангренозные абсцессы на бедрах достаточно говорят о природе этой непристойной заразы.

Она вновь проявилась с новыми симптомами в 945 году, после вторжения норманнов, которые, вполне возможно, имели к этому какое-то отношение. Тем не менее Флодоард воздерживается от нескромных предположений на этот счет: "Вокруг Парижа и в различных частях окрестностей, - пишет он в своей "Хронике", - несколько человек оказались поражены огнем в различных частях тела, который постепенно поглощал их, пока смерть не положила конец их мучениям; Но большинство из них исцелилось в Париже, в церкви святой богородицы Марии, так что, как говорят, все, кто смог туда поехать, были защищены от этой чумы, и герцог Гуго давал им каждый день что-то на жизнь. Были и такие, кто, желая вернуться в свои дома, чувствовали, как погасший огонь вновь разгорается в них, и, вернувшись в эту церковь, получали избавление". Соваль, снабдивший нас этим наивным переводом, добавляет, что, "поскольку средства лечения были бесполезны, они прибегли к помощи Богородицы в церкви Ностр-Дам, которая в этом случае служила больницей". На самом деле, в Большом пасторале этой церкви, в 1248 году, мы находим главу, в которой говорится о шести горящих лампах, освещавших днем и ночью место, где лежали, сбившись в кучу, несчастные больные, пораженные этой уродливой болезнью, которую называли

священным огнем (*ubi infirmi et morbo, qui ignis sacer vocatur, in ecclesiâ laborantes, consueverunt reponi*)". По словам ученого составителя "Хронологического мемориала" (т. II, с. 839), большинство авторов, которые писали об этой ужасной болезни, сходятся в том, что приписывают ей одни и те же симптомы и одни и те же последствия: ее вторжение было внезапным; она сжигала внутренности или любую другую часть тела, которая разлеталась на куски; под синюшной кожей она пожирала плоть, отделяя ее от костей. Самым удивительным в этой болезни было то, что она действовала без тепла и пронизывала пораженных ледяным холодом, а за этим смертельным холодом следовал такой сильный жар в тех же частях тела, что больные испытывали все последствия рака. Мы полагаем, что люди Севера оставили после себя это нечистое свидетельство своей развращенной морали, поскольку отвратительное зло, которое было их делом, как правило, было направлено только на мужской пол.

Священный огонь был остановлен на своем пути только мудрым советом Церкви, которая пыталась исцелить отпущенного ей больного; но порок норманнов стал неизбывным в захваченных ими провинциях. В 994 году вновь появилось зло пылкое, с теми же преступными причинами, что и в первый раз, и это зло, передаваемое самым заразным развратом, быстро распространилось из Франции в Германию и Италию. Десятый век, кроме того, был слишком благоприятен для всех видов бедствий, которые могли обрушиться на человеческий род. Считалось, что в 1000 году наступит конец света, и с учетом этого прогноза нечестивцы, считавшие себя обреченными на адское пламя, проводили остаток своих дней, предаваясь своим отвратительным привычкам с еще большим неистовством. Непрекращающиеся дожди, чрезмерные холода и частые наводнения способствовали тому, что эпидемии опустошали землю. Поля, которые больше не обрабатывались, превратились в пустоши, пруды и болота, чьи испарения отравляли воздух. Рыба гибла в реках, животные - в лесах, и все эти гнилые трупы выдыхали зловонные испарения, порождавшие множество болезней. Огненная болезнь снова стала уносить человеческие жизни по всей Франции. Сам король Франции Гуго Капет стал жертвой отцовской заботы о больных. Почти все они умерли, когда болезнь успела укорениться в их атрофированных органах. Эта страшная зараза, против которой искусство объявило себя бессильным, потому что на его место всегда претендовал порок, получила название священного зла из-за своего проклятого происхождения; Ибо, говорится в книге о совершенстве Святой Женевиевы, "в системе образования имен мы часто навязываем вещи имя, которое означает противоположное тому, что она содержит (*morbis igneus, quem physici sacrum ignem appellant eâ nominum institutione, quâ nomen unius contrarii alterius significationem sortitur*). Несомненно, что общественное мнение, не понимая, чем может быть вызвано это зло, приписывало его вторжение каре небесной, а его исцеление - заступничеству Девы Марии и святых. Несомненно, именно церковники переименовали священную болезнь, дав ей в знак позора название *mal des ardents*, которое народ с тех пор изменил на *mal de saint Main* и *feu de saint Antoine*, поскольку эти два святых удостоились чести излечить или облегчить состояние многих больных. Папа Урбан II, осведомленный о чудесах, о которых верующие сообщали благодаря заступничеству святого Антония, основал религиозный орден под именем этого святого, гостеприимные отцы которого взяли на себя исключительную заботу о жертвах огненной болезни. В связи с этим основанием мы не должны забывать, что свинья, которая подвержена проказе и чья плоть также вызывает проказу, когда не используется другая пища, стала примерно в это время символическим животным святого Антония. Наконец, простое ругательство, сохранившееся в лексиконе низших классов до времен Рабле, который собрал его, избавит нас от необходимости доказывать, что огонь святого Антония имел самое печально известное происхождение; народ и Рабле все еще говорили в XVI веке: "Пусть огонь святого Антония сожжет твою задницу!"

Было еще несколько памятных вспышек этой нечистоты, в частности, в 1043 и 1089 годах; последняя, кажется, произошла в 1130 году, во время правления Людовика VI: Дюбрель рассказывает: "По городу Парижу и другим близлежащим местам ходила странная болезнь, которую вульгарные прозвали *священным огнем* или *пылкой* за внутреннюю жестокость зла, сотрясавшего внутренности страдальцев, от избытка непрерывной пылости, причину которой врачи не могли понять и, соответственно, изобрести средство." На этот раз святой Антоний не обладал исключительной привилегией молитв, подношений и исцелений. Святая Женеви́ева, покровительница Парижа, и святой Марсель разумно вмешались, чтобы положить конец чуме. С этого времени маленькая часовня святой в Сите была преобразована в церковь с титулом Сент-Женеви́ев-дез-Ардан, который она сохранила еще долго после того, как болезнь ограничилась единичными случаями. Однако следует отметить, что первые больные сифилисом в XV веке вполне закономерно устремились в эту старую церковь в поисках лечебных чудес. По тому же закону наследственности другие святые, такие как святой Антоний, святой Десница, святой Иов и т. д., к которым издревле обращались за исцелением от таких болезней, как проказа и чесотка, сохранили свои атрибуты и в отношении собственно венерических заболеваний, которые не были для них чем-то новым. Но начиная с XII века и до появления неаполитанской болезни все постыдные заболевания, порожденные или усугубленные нечистой торговлей, были поглощены и охвачены гидрой проказы, которая поднималась со всех сторон и размножалась в самых разнообразных формах. Проказа двенадцатого века, независимо от того, имела ли она венерическое происхождение или нет, была обязана прежде всего проституции тем угрожающим прогрессом, которого она достигла в то время и который все правительства остановили в то же время с помощью аналогичных полицейских и медицинских мер. Мы не боимся предположить, что ослабление и подавление этих мер привело к возникновению сифилиса в XV веке.

Из молчания анналов медицины на протяжении пяти-шести сотен лет не следует делать вывод, что проказа, в последний раз описанная Павлом Эгинским в шестом веке, исчезла в Европе до одиннадцатого столетия, когда мы видим, как она вновь вспыхивает с новой силой. История частной жизни в Средние века была бы неопровержимым памятником продолжающегося существования слоновости (поскольку причины, порождающие эту материнскую проказу, существовали в то время в высшей степени), если бы церковные писатели не были полны свидетельств, подтверждающих этот факт: в сборнике Болландистов и картотеках церквей и монастырей часто упоминаются прокаженные. Григорий Турский говорит, что в Париже у них было что-то вроде приюта, где они очищали свои тела и перевязывали раны. В своих трудах папа Григорий изображает прокаженного, обезображенного болезнью: "*quem densis vulneribus morbus elephatinus defœdaverat*". В другом месте он рассказывает, что два монаха были поражены той же болезнью *за то, что убили медведя*, который испортил их так, что их конечности пришли в упадок. В восьмом веке Николя, аббат Корби, построил лепрозорий, что достаточно убедительно свидетельствует о том, что прокаженных было довольно много. Закон Ротариса, короля лангобардов, датированный 630 годом, лег в основу всех законодательных актов по этому вопросу. Повсеместно прокаженный был отрезан от общества, которое считало его мертвым; а если бедность вынуждала его жить на милостыню, он ни к кому не приближался и возвещал о своем присутствии деревянным стуком. Несмотря на эти законодательные меры предосторожности, прокаженным иногда удавалось скрывать свое печальное состояние здоровья и вступать в брак со здоровыми людьми; отсюда и капитулярий Пипина о расторжении таких браков в 737 году. Другой капитулярий Карла Великого, от 789 года, запрещал прокаженным, под угрозой очень суровых наказаний, общаться со здоровыми людьми. Легко понять, что сексуальные отношения были самым опасным средством

распространения заразы, которая не распространилась слишком далеко благодаря всеобщему отвращению к прокаженным и, прежде всего, превентивному вмешательству муниципальной полиции.

Но, как мы уже отмечали, именно церковное влияние оказывало наибольшее влияние на нравы и их последствия: покаяние часто приобретало вид гигиенического режима, а исповедь заменяла медицинские консультации. Священник заботился не только о физическом, но и о нравственном здоровье своей паствы, и порой удерживал ее на правильном пути, лишь угрожая теми страшными бедствиями, которые божья кара посылала в знак порицания распутникам и злодеям. Следует заметить, что эпидемии всегда совпадали с периодом социальной коррупции, а разрушение общественной морали влекло за собой гибель санитарного хозяйства. Честные классы с удивлением обнаруживали, что страдают от нечистот, которые были характерны для огромного количества бродяг, нищих, развратников и заблудших девиц, бродящих по полям или попавших в суды чудес. Именно здесь венерическая болезнь черпала свои самые характерные симптомы и самые отвратительные метаморфозы из разврата и нищеты. Ни один *маг* или *физик* не проникал в эти недоступные логова, чтобы изучить обитавшие там безымянные болезни, которые сочетались с самыми чудовищными разновидностями, постоянно смешиваясь и пожирая друг друга. Несомненно, что несчастные люди, которые были частью этой *грязной* жизни, не имели никаких контактов со здоровым и честным населением, за исключением кризисных моментов, после которых нечистый поток возвращался в свое русло и оставлял время, религию и человеческую полицию стирать его следы. Именно так проказа внезапно распространилась, подобно потоку, прорвавшему свои дамбы, по общественному организму, который она отравила бы, если бы благоразумие и энергия власти не воздвигли барьер против вторжения заразы. Крестовые походы собрали, так сказать, все отбросы общества и смешали дворянство с простонародьем в странном беспорядке. Полицейские правила не выдержали натиска этой армии паломников, направлявшихся умирать или искать счастья на Востоке. Самые дерзкие виды проституции овладевали этими недисциплинированными ордами. По возвращении, после приключений в Палестине, все несчастные крестоносцы были в большей или меньшей степени заподозрены в проказе или *мезеллари*; одни были зелеными, другие белыми, большинство из них привезли с собой горькие плоды восточного разврата: мы можем быть уверены, что венерическая болезнь была тогда лишь одной из форм проказы.

Прокаженные должны были подвергаться строгой санитарной политике, которая повторилась три века спустя в отношении страдающих от этой болезни и была призвана предотвратить дальнейшее распространение заразы. Как и в Кодексе Ротари, прокаженные считались мертвыми с момента поступления в лепрозорий, что сопровождалось обычным экзорцизмом и похоронами. Приходской священник трижды бросал ему на голову землю с кладбища и давал такие мрачные предписания: "Будь осторожен, не входи ни в какой дом, кроме своего собственного. Когда разговариваешь с кем-то, иди по ветру. Когда просишь милостыню, звони в свою погремушку. Не отходи далеко от своего бордюра без своей хорошей больничной одежды. Не смотри на колодцы и фонтаны и не черпай из них, кроме своего собственного. Ты не пройдешь мимо досок или водопропускных труб, где есть опора, не надев перчаток" и т. д. Кроме того, ему запрещалось ходить босиком, проходить по узким переулкам, прикасаться к детям, плевать в воздух, задевать стены, двери и деревья, проходя мимо, спать на обочине и т. д. Когда он умирал, его даже не хоронили среди христиан, а его собратья по несчастью должны были похоронить его на кладбище лепрозория. Даже исцелившись, прокаженный никогда не мог вернуться в круг *мирского закона* и жить в городе по режиму общинной жизни. Однако существовало множество степеней этой болезни, которая не была абсолютно неизлечимой и не всегда проявлялась явными

признаками; но, поскольку она больше всего поражала беднейшие слои населения, врачи не задумывались о ее лечении, так же как и больные о том, чтобы лечиться. Последние, по рождению или по случайности, считали себя безвозвратно обреченными на проказу и отдавали себя на растерзание этой страшной болезни, которая, если ее не лечить, только усиливалась и усугублялась, пока не разрушала все жизненно важные органы. Иногда болезнь протекала стационарно, и хотя ее принцип оставался в человеке, ее действие было парализовано или притуплено хорошей конституцией или какими-то неуловимыми причинами. Здоровым людям запрещалось иметь какие-либо дела с профессиональными прокаженными скорее из-за отвращения и страха, которые они вызывали, чем из-за закона, который удерживал их вдали под страхом смерти. Но, в свою очередь, прокаженные свободно общались друг с другом; у них были жены, дети и домашние хозяйства; они не считали себя чужими ни одному из чувств, побуждающих человека к размножению, и именно так увековечивался их род среди населения, избегавшего их взгляда и приближения; именно так проказа передавалась из поколения в поколение и портила ребенка из материнской утробы. Однако прокаженные не размножались, как можно было бы подумать, ибо зародыш смерти, который они носили в себе, уничтожал их снова и снова, превращая в ходячие трупы. Сын прокаженного обычно был более прокажен, чем его отец, и болезнь, передаваясь таким образом, не ослабевала, а набирала новую силу; самая большая семья угасала, сгорая сама, в течение столетия. Вот почему через несколько столетий проказа почти исчезла вместе с прокаженными, хотя большинство из них были очень поздними и вполне способными к деторождению.

Самым общим признаком проказы было высыпание прыщей по всему телу, особенно на лице; но эти прыщи, которые постоянно обновлялись, отличались разнообразием форм и цветов: одни были твердые и сухие, другие мягкие и гнойные, одни покрывались корочкой, другие трескались, одни были белые, красные, желтые, зеленые, все отвратительные на вид и запах. Что касается характерных признаков болезни, то знаменитый Ги де Шолиак перечислил шесть основных, которые Лоран Жубер так определяет в своей "Большой хирургии", в главе, посвященной *ladrerie*: "Округлость глаз и ушей, депиляция и беременность или бугорчатость бровей, расширение и искривление ноздрей снаружи с узостью внутри, уродство губ, хриплый голос, как будто говорят из носа, зловоние изо рта и от всего человека, неподвижный и ужасный взгляд". У Ги де Шолиака, жившего в XIV веке, перед глазами было множество предметов, которые Лоран Жубер, писавший о *ladrerie* в конце XVI века, когда она существовала лишь в названии, не смог заметить. Существовало шестнадцать неопределенных признаков проказы: "Первый - твердость и бугристость плоти, особенно суставов и конечностей; второй - цвет Морфея и тенебруса; третий - выпадение волос и перерождение поджилков; четвертый - контузия мышц, в основном мякоти; пятая - бесчувствие и оцепенение, а также грамма конечностей; шестая - *rogne* и *dertes*, медь и язвы на теле; седьмая - зерна под языком, под веками и за ушами; восьмая - ярость и ощущение колющих иголок в теле; *neuviesme* - кожа на воздухе покрывается коростой, как у ошипанного гуся; *dixiesme* - когда на них льют воду, они кажутся просяными; *unziesme* - у них почти никогда не бывает лихорадки; *douziesme* - они худы, лживы, неистовы и хотят слишком много вмешиваться в дела людей; *treziesme* - у них тяжелые и тягостные сны; *кваторзисме* - у них ослабленный пульс; *квинзисме* - у них черная, свинцовая и тенебрусовая, пепельная, гравийная и комковатая кровь; *сезисме* - у них синюшная, белая, твердая и пепельная моча." Позже мы увидим, что эти симптомы почти идентичны симптомам большой оспы, которая была просто возрождением проказы под влиянием итальянских войн.

Кроме того, у проказы было бесконечное множество других специфических признаков, обусловленных местными и климатическими условиями. Например, "*mal des ardents*",

переросшая в вирулентную гонорею, также была вызвана проживанием с прокаженным. При этой болезни, известной как *ardeur, arsure, incendie, échauffaison* (по-английски *brenning*), гениталии поражались флогозом, эризипеласом, язвами, фликтенами и т. д., а пациент испытывал сильную боль при мочеиспускании. В VI книге своей "Хирургии" ученый врач XIII века по имени Теодорих утверждает, что всякий, кто приближается к женщине, знавшей прокаженного, заражается *дурной болезнью*. В трактате по хирургии, авторство которого приписывается Роджеру Бэкону, писавшему в то же время, мы находим описание ужасных бед, которые могут последовать за подобным нечистым контактом. Несколько современных английских врачей изучали этот вид венерических заболеваний, которые были широко распространены в Лондоне в XIII и XIV веках, о чем мы расскажем, когда будем говорить об Англии. Один из этих врачей, Джон из Гаддесдена, посвящает целую главу своей "Практической медицины и английской медицины" (*Practica medicinæ seu Rosa anglicana*) несчастным случаям, вызванным безнравственным посещением прокаженных. Он говорит: "Тот, кто ложился с женщиной, с которой имел дело прокаженный, чувствует уколы между кожей и плотью, а иногда и жар по всему телу". Английские врачи того времени дают нам больше информации о венерической проказе, чем итальянские и французские, потому что законы против прокаженных были в Англии гораздо менее строгими, чем где-либо еще; следовательно, случаи заражения проказой были там более распространены и более серьезны, чем в любой другой стране.

Благодаря энергичным и общим мерам, принятым во всей Европе, за исключением Англии, чтобы остановить развитие проказы и сопутствующих заболеваний, большая часть населения смогла остаться здоровой и невредимой. Во времена Матфея Парижского, писавшего в середине тринадцатого века, в Европе насчитывалось более девятнадцати тысяч лепрозориев. Два века спустя лепрозории во Франции лежали в руинах и были заброшены из-за отсутствия пациентов. Их последовательно захватывали паразиты, уничтожая учредительные документы и договоры об аннуитете, так что своим указом от 1543 года Франциск Ier спровоцировал почти бесполезные поиски этих потерянных или украденных уставов и документов.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что за два-три столетия большая проказа или слоновость более или менее исчезла вместе с несчастными людьми, которые страдали от нее и которым не удалось сохранить свой род дальше трех-четырех поколений. Что касается меньшей проказы и ее производных, то они маскировались под менее тревожными личинами, а их внешние симптомы становились все слабее и слабее, хотя зародыш болезни все еще оставался живым и здоровым в крови тех, кто получил его от рождения или путем передачи инфекции. Общество, отвергавшее прокаженных из своего лона, вновь оказалось захваченным ими или, по крайней мере, их детьми, и проказа, утратив некоторые своих отвратительных явлений, вновь стала оказывать оглушительное влияние на общественное здоровье. Именно через проституцию эта позорная болезнь вернулась в низшие классы и, благодаря своим тайным метаморфозам, подкралась к высшим. Мы не сомневаемся, что неаполитанское зло, которое было ничем иным, как воскрешением проказы в сочетании с другими пороками, тихо пробиралось по местам разврата и тайнам наглости, прежде чем вырваться на волю под именем *большой оспы* сразу по всей Европе.

В 1430 году пришлось принять полицейские законы, чтобы под страхом штрафа не допускать в эти дома женщин, страдающих арсурией, и держать под охраной всех, кто страдает этой отвратительной болезнью (*infirmetas nefanda*, согласно этим санитарным законам, которые цитирует Уильям Бекетт в XXX томе "Философских сделок"). Вот свидетельства некоторых врачей и хирургов, которые не позволяют нам считать, что венерические заболевания

появились только открытием Америки. Гийом де Саличе, врач из Пьяченцы в XIII веке, не забывает в своей "Хирургии", в главе под названием *De Apostemate in inguinibus*, о бубоне или драконьей язве, или абсцессе в паху, который иногда образуется, как он говорит, "когда мужчина получает разложение в пенисе, потому что ему пришлось иметь дело с грязной женщиной". (Traité des Malad. vénér., par Astruc, trad. par Louis, t. Ier, p. 134 et seq.) Тот же врач в другой главе рассказывает о белых и красных пустулах, милиарных корках и трещинах, которые появляются на пенисе или вокруг препуция и вызваны "торговлей, которую человек имел с грязной женщиной или с публичной девушкой". Ланфранк, знаменитый врач и хирург из Милана, поселившийся в Париже около 1395 года, развивает ту же доктрину о болезнях постыдных частей тела в своей книге под названием *Practica seu ars completa chirurgiæ*: "Язвы пениса, - говорит он, - вызываются едкими выделениями, которые изъязвляют место, где они останавливаются, или плотской связью с грязной женщиной, которая недавно имела дело с мужчиной, пораженным подобной болезнью". Бернард Гордон, не менее известный врач факультета Монпелье, переживший Ланфранка, в своем "*Lilium medicinæ*" исповедовал те же мнения относительно болезней полового члена (*de passionibus virgæ*): "Эти болезни многочисленны, - говорит он, - как абсцессы, язвы, шанкры, опухание, боль, зуд. Их причины бывают внешними или внутренними: внешние, например, падение, удар или плотский союз с женщиной, чье чрево нечисто, наполнено кровью, вирулентностью, брюшистостью или подобной порочной материей. Если же причина внутренняя, то эти болезни порождаются некими порочными и дурными примесями, которые спускаются из пениса в нижние части тела". Жан де Гаддесден, английский врач из Оксфордского университета; Ги де Шолиак из университета Монпелье; Вalezиус де Тарента из того же университета и некоторые другие врачи, проводившие свои наблюдения в разных странах в течение XIV века, признавали, что нечистая торговля порождает вирулентные болезни, которые заразны и, следовательно, должны быть венерическими.

В этих различных заболеваниях проказа неизбежно играла главную роль, как до, так и после появления неаполитанской болезни. Врачи, изучавшие проказу и опубликовавшие свои исследования на эту тему, сходятся во мнении, что проказа передавалась именно половым путем, а не каким-либо другим. Такие отношения между здоровыми людьми и прокаженными были очень редкими; но неосторожность или распущенность иногда определяли их, к большому ущербу для здорового человека, который, в свою очередь, становился прокаженным. Бернард Гордон, которого мы цитировали выше, рассказывает, что некая графиня, страдавшая проказой, приехала в Монпелье и что он лечил ее в конце ее болезни. (Много подобных фактов можно найти в трудах Фореста, Польмье, Паре, Фернеля и других, которые писали о слоновости или проказе, согласно единодушному мнению медицинских и хирургических школ. Жан Манарди из Феррары подвел итог этому вопросу в начале XVI века, не понимая, что путает проказу с венерическими заболеваниями: "Те, - пишет он в своей "Медицинской эпистоле", опубликованной в 1525 году, - кто вступает в половую связь с женщиной, имевшей ранее дело с прокаженным, пока семя еще остается в утробе, иногда заболевают проказой, а иногда другими болезнями, более или менее значительными, в зависимости от их собственной склонности, так же как и прокаженный, заразивший женщину." Во всех этих цитатах мы воспроизводим перевод, который Луи, переводчик и аннотатор Аструка, считал возможным установить в интересах своей системы, чтобы не изменять медицинского смысла, заложенного ученым автором трактата *De Morbis venereis*; но сами эти цитаты часто кажутся нам полностью противоречащими этой системе. Изучив, например, этот отрывок из Жана Манарди, невозможно не признать венерические болезни среди других более или менее значительных заболеваний, возникающих в результате более или менее неосторожного контакта с более или менее прокаженным человеком. Более того, подобный промысел, который в некоторых случаях мог повлечь за собой смертную казнь для

прокаженного, несомненно, был признан законодателем невозможным, и он не предусмотрел его в уголовном праве.

Обычное право регулирует только все, что касается института лепрозориев, в которых проказа была поставлена, так сказать, на частную грамоту. Согласно обычаю Буленуа, если после смерти человека обнаруживалось, что он был прокаженным, но при этом жил в обществе здоровых людей, эти люди должны были считаться его сообщниками, а весь парнокопытный скот, принадлежавший жителям того места, где только что умер этот прокаженный, конфисковывался в пользу господина. Таким образом, каждый приход отвечал за своих "лекарей": он был обязан кормить их, одев в некое подобие ливреи и заключив в "борды", где имелись кровать, стол и несколько простых деревянных и глиняных принадлежностей. (Traité de la Police, by Delamare, t. I, p. 636 ff.) "Лекари", считавшие свои болезни ожидаемыми могилами, постоянно стремились вернуться в лоно общества, которое постоянно изгоняло их с ужасом. Всякий раз, когда беспечность полиции позволяла этим несчастным скрывать свое плачевное состояние и принимать участие в жизни общества, в городах возрождались проказы, что заставляло магистраты восстанавливать старые постановления. В 1371 году губернатор Парижа опубликовал грамоту, присланную ему Карлом V, и обязал всех лепрозориев покинуть столицу в течение двух недель, "подвергнувшись весьма суровым телесным и денежным наказаниям". В 1388 году он запретил прокаженным въезжать в Париж без специального разрешения, подписанного им самим. В 1394 и 1402 годах такие же запреты были наложены на прокаженных, "под страхом того, что они будут схвачены душеприказчиком и его камердинерами и продержаны в плену в течение месяца на хлебе и воде, а затем изгнаны из королевства". В то время эти запреты еще обходили, и здоровое население ослабило свой страх перед прокаженными, которые жили среди них, как будто не были поражены заразной болезнью, потому что проказа с каждым днем уменьшалась, или, по крайней мере, ее внешние признаки становились менее очевидными. 11 июля 1453 года Парижский парламент вынес решение против прокаженного, который женился на здоровой женщине. Эта женщина, которая, по-видимому, еще не была поражена проказой, была разлучена своим мужем и ей было запрещено *общаться* с ним под страхом позора и изгнания. Однако ей разрешили жить в городе, но приказали прекратить продавать там фрукты, опасаясь, что она может заразить кого-нибудь проказой.

Это постановление очень важно: оно доказывает, что в XV веке правила, касающиеся проказы, соблюдались слабо и прокаженные могли жить за пределами лепрозориев. Следствием такого ослабления строгости должно было стать возвращение проказы и болезней, которые от нее происходили. В самом деле, за несколько лет до того, как венерическое заболевание было зарегистрировано в Италии и Франции, негодяи снова размножились и возродили яд слоновости, а общественное здоровье сильно пострадало от проституции, где прокаженные осмеливались вносить свой отвратительный вклад. По приказу прокурора Парижа от 15 апреля 1488 года "всем лицам, страдающим отвратительной, очень опасной и заразной болезнью проказы, предписывалось покинуть Париж до праздника Пасхи и удалиться в свои лазареты как можно скорее после публикации этого приказа под страхом заключения на один месяц на хлебе и воде; лишить их лошадей, сбруи, клистиров и бочек, а также произвольных телесных наказаний; тем не менее, разрешает им посылать своих слуг и служанок, находящихся в добром здравии, протестовать за них." Эти негодяи, у которых были лошади и кареты, слуги и служанки в добром здравии, очевидно, распространяли проказу с пугающей скоростью среди здоровой части населения, которую они посещали; и эта тупая проказа, передающаяся от одного к другому через венерические удовольствия, физически портила то, что порок испортил своим

моральным растлением. Это была уже не проказа как таковая, а проказа недержания и дурных мест; это была ужасная болезнь, которую Проституция несла на своих боках и которую она постоянно согревала в своем лоне; это была *большая оспа*, которую французы с самого ее рождения называли *злом Неаполя*, а итальянцы, напротив, называли *французским злом*.

ГЛАВА XX.

Краткое содержание.- Научные названия сифилиса: *morbus novus*, *pestilentialis scorra*, *rudendagra* и т.д.- Народные прозвища.- Святые, имевшие честь его лечить.- Совпадение его появления в Италии с экспедицией Карла VIII.- Какова точная дата этого появления?- Врачи и историки не согласны.- Традиции, касающиеся его происхождения.-Соединения планет - Вино, отравленное кровью прокаженных -Бойню из человеческой плоти -Бестия наказывается сама собой -Кобыла и обезьяны -Сифилис в Европу пришел не из Америки - Врачи сначала отказывались лечить эту болезнь -Манарди, Матиола, Брассавола и Парацельс говорят, что венерическая инфекция родилась из проказы и проституции.

Нам кажется, что простое сопоставление нескольких дат показывает, что венерическая болезнь не ждала открытия Америки, чтобы быть занесенной в Европу и там ужасно прогрессировать. Эта болезнь, как мы пытались доказать фактами и умозаключениями, существовала с незапамятных времен; но она последовательно сочеталась с другими болезнями, и особенно с проказой, что придало ей совершенно новый вид. Именно проституция во все времена и во всех странах служила энергичным помощником этого бедствия, которое полиция правительств старалась окружить, так сказать, санитарным кордоном. Когда этот санитарный кордон был нарушен и полностью оставлен, зло вырвалось на свободу и вновь обрело свою силу в лоне легальной проституции. Именно так венерическая проказа вспыхнула в одно и то же время, с одной и той же яростью, во Франции, Италии, Испании, Германии и Англии, как раз в то время, когда Христофор Колумб возвращался из своего первого путешествия к испанским островам. Нам не составит труда установить, что *большая оспа* или, по крайней мере, похожая болезнь была зарегистрирована в Европе еще в 1483 году; что эта болезнь или любая другая той же природы и происхождения существовала ранее в Вест-Индии и не приводила там к таким же несчастным случаям, как в умеренных широтах; Что экспедиция Карла VIII в Италию, возможно, способствовала распространению и обострению этой ужасной болезни, но что Италии и Франции, которые передали друг другу приоритет заражения, нечего было завидовать друг другу в этом вопросе, и они друг другу то, что уже давно имели, обмениваясь взаимными заражениями; наконец, что с момента своего подтвержденного появления болезнь часто меняла симптомы, характеристики и названия.

Среди этих названий, которые были очень многочисленны и каждое из которых имело местное происхождение, следует различать народные и научные названия. Последние, естественно, были латинскими во всех медицинских книгах и *рецептах*, но они исчезали одно за другим, уступая место тому, которое придумал Фракастор для целей своей поэтической басни, в которой пастух Сифилус первым страдает от этой неприятной болезни, потому что он оскорбил богов. Большинство итальянских и немецких врачей, писавших в конце XV века о новой болезни (*morbus novus*), которую итальянские войны вывели из неизвестности, - Иосиф Грундбек, Корадин Гилини, Николя Леоникено, Антуан Бенивенио, Венделин Хок де Бракенану, Жак Катанео и другие - использовали обычное название *morbus gallicus* (французская болезнь). Однако, словно не желая вводить в медицинский язык

ошибку и клевету одновременно, некоторые из них придумали названия, более достойные науки и менее далекие от исторической правды. Йозеф Грундбек, самый старый из них, добавил к прозвищу *mala de Frantzios* перифраз *pestilential gorra* (*пестиленциалис скорра*) и квалификацию *mentulagra* (болезнь вирильного члена); Гаспар Торрелла, который, будучи итальянцем, гордился тем, что знает латынь лучше, чем немец, принял *rudendagra* (болезнь позорных частей); Венделин Хок предпочел *mentagra*, потому что думал, что узнал в этой так называемой французской болезни *mentagre* или проказу подбородка, описанную Плинием (Hist. nat, lib. XXVI, c. 1); Жан Антуан Роверель и Жан Альменар использовали слово *patura*, не зная истинного значения этого слова, что позволяет нам предположить, что это было общее название болезни в Америке.

Каждый народ защищал себя от того, что он породил эту болезнь, приписывая ей название соседнего народа, которому народное мнение приписывало принцип заболевания. Так, итальянцы, немцы и англичане, обвинявшие Францию в том, что она была колыбелью оспы, называли ее *mal français*; *mal francese*, *frantzosen* или *frantzosichen pocken*, *французская оспа*; французы в ответ называли ее *mal napolitain*; фламандцы и голландцы, африканцы и мавры, португальцы и наваррцы проклинали *испанскую* или *кастильскую mal*; Но в память об этом одиозном даре, который каждый народ отказывался считать исходящим из своего собственного лона, восточные люди называли его *злом христиан*; азиаты - *злом португальцев*; персы - *злом турок*; поляки - *злом немцев*, а москвиты - *злом поляков* (см. *Трактат* Аструка "De Morbis venereis", lib. I, cap. 1). Различные симптомы этой болезни также привели к тому, что она получила различные названия, которые в основном указывали на гнойничковое или раковое состояние кожи больных; так, испанцы называли эту болезнь *las bubas* или *bubas* или *boas*; Испанцы называли эту болезнь *las bubas* или *bubas* или *boas*; генуэзцы - *lo malo de le tavele*; тосканцы - *il malo delle bolle*; лангобарды - *lo malo de le brosure*, из-за язвенных, разноцветных пустул, которые появлялись на всех частях тела у людей, страдающих от этого вида чумы. Французы называли ее *grosse vérole*, чтобы отличить от *petite vérole*, которая с незапамятных времен считалась эпидемической болезнью и, хотя и была менее страшной, чем ее младшая сестра, все же напоминала ее по *разнообразию* пустул и язв на лице; Отсюда и ее родовое название "*оспа*", образованное от латинского *varius* и старого слова *vair*, означавшего белый и серый мех, а также один из геральдических металлов, состоящий из равных колоколообразных частей, расположенных симметрично. Говорят, что такое расположение кусочков *вайра* по внешнему виду напоминало пеструю и потрескавшуюся кожу несчастного *вариоля*. Наконец, были реквизированы все святые, которые, как считалось, излечивали проказу и к которым обращались как к таковым; к ним также обращались против венерических болезней, и они не стеснялись применять свои уважаемые имена к позорным болезням, которые находились под их покровительством. В те времена проказа и натуральная оспа имели между собой зачатое родство, что проявлялось в том, что имена святых без разбора прикреплялись к этим двум болезням, которые назывались *недугами святого Майна, святого Иова, святого Сементы, святого Роха, святого Евагра*, даже *святого Рейна* и т. д. Святому было достаточно иметь имя для болезни. Достаточно было, чтобы святой был известен своим влиянием на исцеление злокачественных ран и язв: люди, страдающие от этой болезни, обращались к нему и утверждали, что являются его привилегированными пациентами.

Врачи и историки, впервые написавшие о венерической эпидемии в последние годы XV века, более или менее сходятся в том, что болезнь вспыхнула с новой силой только после экспедиции в Неаполь; но почти все они относят эту экспедицию к 1494 году, которая состоялась только в 1495 году. Это противоречие в датах, однако, не является исторической ошибкой, поскольку до Карла IX год начинался на Пасху, в соответствии с тем, как календарь

был составлен во Франции. Писатели, проводившие эпохальное сравнение между вторжением Карла VIII в Италию и нашествием *ослы* в Европу, без колебаний относят эти два несопоставимых события к одному и тому же году - 1494. По их мнению, венерическая болезнь была зарегистрирована в начале того года; но король Франции вошел в Неаполь, где он нашел эту ужасную болезнь, славно установленную перед ним, только 22 февраля 1495 года, который выпал на 1494 год, поскольку праздник Пасхи должен был ознаменовать новый год только 19 апреля. Таким образом, чтобы оправдать дату 1494 года, зафиксированную врачами и историками, которые хотели указать момент, когда разразилась чума, эта *французская болезнь должна* была родиться в Неаполе между 22 февраля и 19 апреля 1495 года. Трудно возразить, что власти, указавшие 1494 год в качестве даты начала болезни, могли ошибиться на один год; такая ошибка маловероятна, когда речь идет о столь недавнем и выдающемся событии. Добавим, что первыми, кто установил эту дату - 1494 год, были итальянцы, а год в Италии начинался первого января, а не на Пасху, как во Франции. В результате этих противоречий итальянцы стали обвинять авантюрную французскую экспедицию в Италию в чуме, которую она, возможно, развила и усугубила, но не принесла с собой. "Врачи нашего времени, - писал Николас Леоникено в 1497 году в своем трактате *De Morbo gallico*, - еще не дали настоящего названия этой болезни, но обычно называют ее *французской*, либо потому, что утверждают, что ее заразу принесли в Италию французы, либо потому, что Италия подверглась одновременному нападению французской армии и этой болезни". Гаспар Торрелла, в своем трактате *De Dolore in pudendagra*, высказывается еще более определенно: "Эта болезнь, - говорит он, - была обнаружена, когда французы вошли в Италию со своими войсками, и особенно после того, как они захватили Неаполитанское королевство и остались там. Вот почему итальянцы дали ей название *mal français*, вообразив, что она естественна для французов". В своей книге *De Morbo gallico*, опубликованной в 1505 году, Жак Катанео ограничивается напоминанием о том же факте: "В 1494 году от Рождества Христова, в то время, когда Карл VIII, король Франции, завладел Неаполитанским королевством, и при понтификате Александра VI, в Италии появилась страшная болезнь, которая никогда не появлялась в предыдущие века и была неизвестна во всем мире". Жан де Виго также связывает внезапную вспышку этой болезни, никогда ранее не встречавшейся или хотя бы наблюдавшейся, с визитом Карла VIII в Италию.

Национальная антипатия итальянцев к своим завоевателям не преминула укрепить и распространить это ошибочное мнение, которое сохранилось в народе с несправедливой обидой. Французы были менее склонны жаловаться на побежденных и распространять правду, которая оправдывала их самих, показывая их жертвами зла Неаполя; ведь первые французские авторы, писавшие об этом зле, ничего не говорят о его происхождении и даже не инкриминируют прелести Неаполя, завоеванного Карлом VIII.

Однако в Италии и Германии нашлось несколько людей искусства и более беспристрастных историков, которые без колебаний заявили о невиновности французов в этом деле и тем самым приблизились к истине, которую наука и история не должны омрачать. Одни признавали недействительной дату 1494 года, приписываемую рождению венерической чумы (*lues venerea*); другие относили ее происхождение или, скорее, ее первые опустошения гораздо дальше назад; некоторые, менее образованные, чем другие, или, возможно, притворявшиеся расчетливыми невеждами в этом вопросе, относили к 1496 году первое вторжение болезни, которая, как они утверждали, пришла из Испании, а следовательно, из Америки. "В год нашего спасения 1496, - писал Антуан Бенивенио в 1507 году, - новая болезнь прокралась не только в Италию, но и почти во всю Европу. Эта болезнь, пришедшая из Испании, распространившись повсюду, сначала в Италии, затем во Франции и других странах Европы, поразила бесконечное число людей". Вот так бедный Карл VIII был

полностью оправдан от несправедливого обвинения, сделавшего его изгоем злобной Европы. Историки поддерживают французское оправдание. Антуан Кокциус Сабеллик, который знал, что такое оспа, потому что победил ее (см. Элогию Павла Иова), твердо заявляет в своем историческом сборнике, изданном в Венеции в 1502 году: "В то же самое время (1496) по всей Италии начала распространяться новая разновидность болезни, в направлении первого пришествия французов, которое они совершили там еще в предыдущем году (1495), и, вероятно, именно по этой причине она была названа *французской болезнью*, ибо, как я вижу, мы не уверены, откуда впервые пришла эта жестокая болезнь, с которой до тех пор не сталкивался ни один век." Если бы дата 1496 года была установлена и доказана, то происхождение болезни, естественно, было бы отнесено к открытию Америки. В любом случае, дата 1496 года, очевидно, была бы связана с быстрым и грозным распространением венерической эпидемии.

Но для ученых, которые не слепо следовали народной традиции, не было сомнений в том, что французская болезнь и болезнь Неаполя предшествовали триумфальной экспедиции Карла VIII. "Французы, - рассудительно пишет Франсуа Гикьярден в "Истории своего времени", - подверглись этой болезни во время пребывания в Неаполе, а затем, вернувшись домой, распространили ее по всей Италии; теперь эта болезнь, совершенно новая или неизвестная до наших дней на нашем континенте, за исключением, пожалуй, самых отдаленных регионов, свирепствовала так ужасно в течение нескольких лет, что, похоже, должна быть передана потомкам как одно из самых катастрофических бедствий". Гикьярден был прав, когда приписывал распространение болезни по всей Италии исключительно армии короля Франции. Очевидно, что это отвратительное зло пустило корни в Неаполе еще до прихода французов. Ульрих де Хуттен, ученый немецкий писатель, сам имевший печальный опыт заражения венерической болезнью, датирует ее начало 1493 годом, о котором он мог судить только понаслышке, поскольку писал свою книгу под названием *De morbi gallici curatione* в Майнце в 1519 году: "В 1493 году или около того, от рождения Иисуса Христа, - говорит он, - очень пагубное зло начало давать о себе знать, но не во Франции, а сначала в Неаполе. Название этой болезни происходит от того, что она стала появляться в армии французов, которые вели войну в этой стране под командованием своего короля Карла". Затем он добавляет интересную деталь, которая объясняет, почему нет единого мнения о точной дате вторжения болезни: "О ней не говорили целых два года, с того момента, как она началась". Ульрих де Хуттен разделял мнение немецких врачей, считавших, что болезнь возникла еще до завоевания Неаполя французами; так, Венделин Хок де Бракенау, изучавший медицину в Болонском университете, повторяет услышанные им в Италии сведения о самом раннем периоде неаполитанской болезни: "С 1494 года по нынешний 1502 год, - говорит он, - некая заразная болезнь, известная как *французская болезнь*, сеяла хаос"; но в другом месте, в той же работе, он излагает то, что знали все его немецкие коллеги по этому вопросу: "Эта болезнь, - говорит он, - начавшаяся, если говорить честно, еще в 1483 году от Рождества Христова", в результате соединения нескольких планет в октябре того года, предвещала "разложение крови и желчи, смешение всех гуморов, а также обилие меланхолического настроения как у мужчин, так и у женщин". Самые искусные немецкие врачи, Лоран Фризиус, Жан Бенуаст и другие, встали на сторону этой системы и хотели видеть причину болезни в планетарных революциях и атмосферных нарушениях 1483 года.

Это была не единственная и не самая невероятная причина, которую предполагали историки; в целом они повторяли народное мнение, которое, особенно в Италии, всегда готово придумать чудесное происхождение для всего, чего оно не понимает. *Французское зло*, как ничто другое, будоражило воображение неаполитанцев и, естественно, располагало

к самым причудливым выдумкам, через которые несложно было бы обнаружить какой-нибудь реальный факт, завернутый в нелепые басни. Габриэль Фаллопе, писавший много позже описываемого им события (1560 год), утверждает, что во время первой войны в Неаполе испанский гарнизон, защищавший проход, ночью покинул вверенные ему укрепления, отравив колодцы и посоветовав итальянским пекарям смешать гипс и известь с мукой, из которой они будут печь хлеб для французской армии. Согласно рассказу Габриэля Фаллопа, этот гипс и отравленная вода стали причиной венерической инфекции. Андре Кьезальпини д'Ареццо, который был врачом Климента VIII, утверждает, что отравление французов происходило с помощью других процедур, и заявляет, что об этом ему рассказали очевидцы: "После взятия Неаполя французы осадили небольшой городок Сомма, в котором находился гарнизон испанцев; последние покинули город ночью, оставив в распоряжении осаждающих несколько тонн превосходного вина с Везувия, в которое была добавлена кровь прокаженных из больницы Святого Лазаря. Французы вошли в город без боя и напились этого отравленного вина; им сразу же стало очень плохо, и симптомы их болезни напоминали признаки проказы". Мы уже можем разглядеть истину под вуалью, которая покрывает ее здесь довольно прозрачным образом. Есть и другие традиции, которые преувеличивают и дополняют друг друга, все дальше отходя от наиболее распространенного и наименее обоснованного мнения. В своей книге "Лекарственные капризы", опубликованной в 1564 году, Фьораванти приводит необычную историю, которую, по его словам, он узнал от некоего Паскаля Гибилотто из Неаполя, который был еще жив в то время, когда он писал эту книгу, и который поручился за факты, которые он первым сообщил. Во время этой экспедиции в Неаполь, который повсеместно стал соучастником болезни, которая там началась, у неаполитанских вивандиров, снабжавших обе армии, закончился скот, и им пришла в голову ужасная идея использовать плоть мертвецов в качестве говядины или баранины; те, кто ел человеческую плоть, отравленную смертью и разложением, вскоре были поражены болезнью, которая была не чем иным, как сифилисом. Фьораванти не говорит, где происходили эти ужасающие сцены антропофагии, но поскольку в своем рассказе он помещает испанцев в присутствии французов, мы должны поверить, что этот отдельный инцидент произошел во время осады какого-то небольшого городка в Калабрии, занятого испанским гарнизоном. Мы знаем, что любая испорченная плоть способна вызвать эффект отравления, но нет никакой возможности поверить вместе с Фьораванти, что животные, питавшиеся плотью животных того же вида, могут получить заболевание, подобное неаполитанской болезни. В Средние века было глубоко укоренившимся предрассудком, что употребление человеческой плоти вызывает острые, эпидемические и язвенные заболевания. Прославленный философ Франсуа Бэкон, барон Веруламский, такой же хороший физик, как и он сам, без колебаний повторил ужасный рассказ Фьораванти в своей "Естественной истории": "Французы, - говорит он, - от которых Неаполитанская болезнь получила свое название, сообщают, что во время осады Неаполя были плутоватые купцы, которые вместо тунца продавали плоть людей, недавно убитых в Мавритании, и что происхождение болезни приписывалось такой ужасной пище". Это кажется вполне вероятным, - добавляет автор стольких блестящих научных трактатов, - потому что каннибалы западных дорог, живущие человеческой плотью, очень склонны к оспе.

Найти происхождение болезни в Неаполе в каннибализме еще не означало придать достаточный ужас причинам этой отвратительной болезни, которую принято было считать чудовищным плодом смертного греха. Два ученых доктора XVI века, наблюдавшие лишь ослабевающие последствия этой ужасной заразы, бросили, так сказать, последний камень, пытаясь доказать, скорее обоснованно, чем успешно, что венерическую болезнь, возможно, следует отнести к содомии и скотоложству: "Один светский святой, - пишет Жан-Батист ван Гельмонт в своей книге "Tumulus pestis", - пытаюсь угадать, почему оспа появилась в

прошлом веке, а не раньше, был очарован духом и имел видение кобылы, изгрызенной фарцином, из чего он заподозрил, что во время осады Неаполя, где впервые появилась эта болезнь, некий человек имел отвратительные отношения с животным этого вида, пораженным той же болезнью, и после этого, действием божественной справедливости, она, к несчастью, заразила человеческий род."

Позже, в 1706 году, английский врач Жан Линдер, пытаясь разгадать тайные причины американского сифилиса, не побоялся заявить, что "эта болезнь возникла от содомии, совершаемой между мужчинами и большими обезьянами, - сказал он, - которые являются сатирами древних". Важно отметить, что во всех отчетах и наблюдениях врачей, впервые изучавших неаполитанскую болезнь, будь то в Италии, Франции или Германии, нет ни одного упоминания о болезни, которую, как говорят, Христофор Колумб привез из Вест-Индии и которая в любом случае не могла опередить аналогичную болезнь, родившуюся и акклиматизировавшуюся в Европе еще до того, как открытие Америки принесло свои горькие плоды. Христофор Колумб, возвращаясь с испанского острова, на котором он прожил всего месяц, высадился в порту Палос в Португалии 13 января 1493 года с восьмьюдесятью двумя матросами или солдатами и девятью индейцами, которых он вез с собой. Возможно, здоровье его команды было плохим, но историки об этом не упоминают, и мы знаем только, что он отправился в Барселону с некоторыми из своих спутников, чтобы доложить о своем плавании Фердинанду Католическому и Изабелле Арагонской. Город Барселона, - пишет Родерик Диас в своем трактате *Contra las bubas*, - вскоре был заражен оспой, которая достигла там поразительных успехов ". 25 сентября того же года Христофор Колумб вновь отправился в плавание с пятнадцатью кораблями, на которых находилось пятнадцать сотен солдат и большое количество матросов и ремесленников; четырнадцать из этих кораблей вернулись в Испанию в следующем году, в течение которого Бартеlemi Колумб, брат Христофора, отправился в плавание с тремя кораблями, которые привезли в Испанию в конце 1494 года Пьера Маргарита, каталонского дворянина, тяжело больного сифилисом. Возможно, он был не единственным, кто заболел той же болезнью, но в судовом журнале нет упоминаний о других. В 1495 году активизировались морские связи между Вест-Индией и Испанией. Поэтому, когда Христофор Колумб, обвиненный в мнимых преступлениях, вернулся в Старый Свет в цепях, корабль, на котором он находился в плену, вез с собой двести солдат, пораженных американской оспой. Эти двести жертв чумы высадились в Кадисе 10 июня 1496 года. Девять месяцев спустя Парижский парламент уже опубликовал постановление, касающееся пациентов с *большой оспой*.

Не впадая в излишнюю парадоксальность, можно утверждать, что именно Европа заразила Америку болезнью, для которой климат Вест-Индии подходит лучше, чем климат Неаполя; можно привести достаточно веские доводы в пользу того, что испанские авантюристы, поступившие на службу в армию короля Неаполя, вернулись на родину, испорченные венерической заразой, и отправились в Вест-Индию, не вылечившись. Мы знаем, какое ужасное влияние всегда оказывала перемена воздуха и привычек на эту необъяснимую болезнь, которую жара усыпляет, а холод пробуждает с еще большей яростью. Наконец, остается вероятным, если не доказанным, что венерическая болезнь, вспыхнувшая в Европе около 1494 года, была не чем иным, как позорным продуктом проказы и разврата. Все врачи очень поздно поняли, что эта болезнь, возможно, не так уж нова, как считалось вначале, и решили, что проказа и особенно слоновость имеют больше, чем одно сходство с этим вирулентным заболеванием, которое было окружено необычными симптомами, но принцип которого не менялся. Голос народа был достаточно громким, чтобы медицина услышала его. Удивительно, что самые смелые основатели науки ограничились повторением слухов о происхождении сифилитической болезни, не выведя из них целую систему, которую было бы

легко подкрепить доказательствами и экспериментами. Однако в самом начале эпидемии, которую считали чумой, посланной небесами, отвратительной для природы (именно такие термины использовал Йозеф Грундбек, написавший самый старый из имеющихся у нас трактатов на эту тему), врачи и хирурги избегали лечить пациентов, которые просили о помощи: "Ученые, - говорит Гаспар Торрелла, - избегали лечить эту болезнь, будучи убеждены, что сами ничего о ней не знают. Вот почему продавцы лекарств, знахари, бегуны и шарлатаны до сих пор утверждают, что именно они действительно и идеально излечивают ее". Еще ярче выражается Ульрих де Хуттен, признавая, что болезнь была предоставлена самой себе и своим таинственным силам еще до того, как медицина и хирургия вновь обрели мужество: "Врачи, - говорит он, - напуганные этой болезнью, не только воздерживались от приближения к тем, на кого она напала, но даже сторонились вида ее, как будто это была самая отчаянная болезнь. Наконец, при таком замешательстве врачей, хирурги вмешались, чтобы приложить руку к столь трудному лечению". Эти обстоятельства вполне объясняют, почему первые периоды венерической проказы оставались столь туманными и так плохо изученными во всех странах, где эта болезнь появилась почти сразу.

И все же ключ к загадке был в наших руках, и достаточно было обратиться к традициям Дворов Чудес и мест разврата, чтобы узнать, как чудовище, Протей сифилиса, возникло и размножилось в десятки раз под влиянием проституции. Научная истина, несомненно, была найдена в этих анекдотах, которые великие врачи не преминули подхватить на перекрестках, куда они попали. Жан Манарди, из Феррары, в письме, адресованном около 1525 года Мишелю Сантанне, хирургу, занимавшемуся лечением венерических заболеваний, сообщил ему, что самое старое и устоявшееся мнение относит начало оспы к тому времени, когда Карл VIII готовился к итальянской войне (около 1493 года): "Эта болезнь, - говорит он, - впервые вспыхнула в Валенсии, в Испании, благодаря действиям одной известной куртизанки, которая за пятьдесят золотых крон оказала свои услуги рыцарю, который был прокаженным; эта женщина, будучи испорченной, в свою очередь испортила молодых людей, которые ее видели, и более четырехсот из них были заражены в течение короткого времени. Некоторые из них, последовав за королем Карлом в Италию, принесли с собой жестокую болезнь. Манарди ограничивается сообщением об этом факте, как и ученый врач-натуралист Пьер-Андре Матиоль, который лишь меняет персонажей и место действия: "Некоторые, - говорит он, - писали, что французы приобрели эту болезнь через нечистые отношения с прокаженными женщинами, когда они переходили через гору в Италии (см. его трактат *De Morbo gallico*)". Идентичность сифилиса и проказы была ясно указана в этих простых реминисценциях народного здравого смысла; но люди искусства приняли их на веру, закрыв глаза на эту светлую информацию, которая указывала им путь. Другой врач из Феррары, Антуан Муса Брассавола, вероятно, признавал существование венерических болезней и передающего их вируса, когда в своей книге о французских болезнях рассказывал следующий факт: "Во французском лагере перед Неаполем, - говорит он, - была одна очень известная и очень красивая куртизанка, у которой была гнусная язва в отверстии матки. Мужчины, имевшие с ней дело, заражались злокачественной болезнью, которая изъязвляла мужской член. Вскоре несколько мужчин были заражены, а затем многие женщины, жившие с этими мужчинами, также заразились этой болезнью, которую они, в свою очередь, передавали другим мужчинам". Таким образом, по мнению Антуана Мусы Брассаволы, неаполитанская болезнь была всего лишь случайным осложнением венерического заболевания, которое существовало изолированно у нескольких человек, прежде чем стать эпидемией и приобрести невероятную активность.

Наконец, один из величайших людей, пронесших факел во тьму медицинского искусства, Теофраст Парацельс, сформулировал совершенно новую доктрину о венерических болезнях, когда в своей "Большой хирургии" (liv. I, гл. 7): "Проказа, - говорит он с той убежденностью, которую может дать только гений, - возникла в результате нечистой торговли французского прокаженного с куртизанкой, страдавшей венерическими бубонами, которая затем заражала всех, кто имел с ней дело. Вот как, - продолжает этот искусный и дерзкий наблюдатель, - вот как оспа, произошедшая от проказы и венерического бубона, точно так же, как раса мулов произошла от спаривания лошади и осла, распространилась путем заражения по всей вселенной". В этом отрывке из "Великой хирургии" больше логики и больше науки, чем во всех трудах XV и XVI веков, посвященных венерической болезни, об истинном происхождении которой не догадывался ни один врач. Поэтому Парацельс считал оспу 1494 года новым видом в древнем семействе венерических болезней.

КОНЕЦ ЧЕТВЕРТОГО ТОМА.

- A. Cabasson del.
- Друар Имп.
- A. Leroy Scul.

КОСТЮМ ИЗ ЯГОД (XVth век)

ОГЛАВЛЕНИЕ
ЧЕТВЕРТОГО ТОМА.

ФРАНЦИЯ.

ГЛАВА VIII.

Резюме - король рибальдов - исследование прерогатив, ранга и должности этого должностного лица королевского дома - определение его полномочий - аналогия *министеруалов* дворца Карла Великого с королями рибальдов. Присвоение *министеруалов* *palatini* - *Ribaldus* или *ribaudo* - Филипп-Август организовал рибальдов в корпус платных войск - Свидетельства храбрости и неустрашимости этих грабительских и развратных орд. - *Король рибальдов* - Почетные и прибыльные преимущества этой должности - *Голый рибальд* - Последовательное падение значения *королевской власти* рибальдов - *Рибальдрия* - Оценка должности короля рибальдов в королевском доме. - Исследование о заработной плате короля рибальдов. - Крас Жоз, король рибальдов Филиппа Длинного. - Жан Герен, король рибальдов герцога Нормандии и Аквитании, сына Карла V. - Король нищих должен был быть верным и неподкупным защитником короля - Кокле. Доказательства преданности Жана Таллерана, сеньора де Гриньо, короля рибальдов Франциска Ier. - Еженедельные взносы *вассалов* короля рибальдов. - Новейшие преобразования должности короля рибальдов при французском дворе. - *Дамы из числа "filles de joie" при дворе* - Олива Святая - Сесиль де Вифвиль - *Короли рибальдов* при королевском отеле - Колен-Буль, король рибальдов Филиппа Доброго, герцога Бургундского - Приходской священник Нотр-Дам д'Аббевиль, *король рибальдов*. - Антуан де Сагиак, комиссар короля рибальдов из Макона, и Колетт, жена Пьера Талона.

ГЛАВА IX.

Краткое содержание - Состояние проституции после ордонанса 1254 года - Учреждение полиции нравов - *Братства* публичных девушек - Ордонанс 1256 года - Таверны, ассимилированные в Бордо - Трактирщики. - Организация публичных девушек Людовиком IX - Евреи - Сумптурные ордонансы, касающиеся женщин дурного тона - Статус цирюльников - Мыльниц и купальщиц - Статус мясников - Смерть Святого Людовика. - Филипп Смелый - Указ 1272 года - *Аксилеты* и *золотые пояса* - *Знак* публичных девушек Тулузы - *Хорошая репутация* лучше *золотого пояса* - *Бегство в агильете* и *бегство в гильоше*. - Les trois brus de Philippe le Bel. - La tour de Nesle. - Philippe et Gautier de Launay. - Jean Buridan. - L'âne de Buridan. - État des mœurs après les croisades. - *Hic et hoc*. - Les Templiers.

ГЛАВА X.

Sommaire. - Les mauvais lieux de Paris. - Topographie de la Prostitution parisienne au moyen âge. - La rue de la Plâtrière. - La rue du Puon. - La rue des Cordèles. - La petite ruelle de Saint-Sevrin. - La rue de l'Ospital. - La rue Saint-Syphorien. - La rue de la Chaveterie. - La rue Saint-Hilaire. - Le clos Burniau. - La rue du Noyer. - La rue du Bon-Puits. Улица Эколь. - Улица Кокатрикс. - Улица Шаруи. - улица Сент-Круа. - Улица Жервезе-Лоранс. - Улица Мармузе. - Улица де Шевес. - Валь д'Амур. - Улица Сен-Дени де ла Шартр. - Улица Лавандьер. - Площадь Пурсо. - Улица Бетизи. - Улица Арбре-Сек. - Улица Мэтр-Уре. - Улица Бьяубурк и др.

ГЛАВА XI.

Соммар. - Кабаре дю Шар доре. - Улица Глатиньи. - Улица Фумье. - Улица д'Энфер. - Двор Ферри. - Дом Кокатрикс. - Каньяр. - Ворота Каландр и Марше-Палу. - Остров Гурден. - Террана или Мотте ос Папелард. - Фабурги. - Поле Гайяра. Четыре заслуженных таверны. - Шато-де-Пайль. - Таверна Мула. - Лупанаир де л'Университи. - Шамп-д'Альбиак. - Улица Грейсьез. - Поля Бушери, Пти и Аллюэт. - Улица де л'Аронде. - Улица Гёт-ле-Кёр. - Улица Сак-а-Ли. - Улица Борде. - Курсы Чудес. - И т.д., и т.д.

ГЛАВА XII.

Sommaire.-Le Livre de la Taille de Paris.-Le roi des ribauds *de la royne Marie*.-Ysabiau *l'Espinète*.-Jehanne *la Normande*.-Edeline *l'Enragiée*.-Aaliz *la Bernée*.-Aaliz *la Morelle*.-Ла Бейли и Перроннель-о-Куен.-Перрон де Сирен.-Анес *л'Алельет*.-Жеханн *ла Мейгрет*.-Маргерит *ла Галез*.-Женевьева *ла Бьен-Ферте*.-Жеханн *ла Грант*.-Исабьяу *ла Камюз*.-Магот *ла Ломбард*.-Маргерит *ла Брете*.-Исабьяу *ла Клопин*.-Аньес *ла Пажесс*.-Жюльот *ла Бегин*.-Жеанна *ла Бургонг*.-Магот *ла Норманд*.-Жиле *ла Бойтез*.-Мабиле *л'Эскот*.-Агнесса *с голубыми волосами*.-Жанетта *ла Попин*.-Амелин *ла Петит*.-Амелин *ла Грасс*.-Мари *ла Нуар*.-Анесса *ла Гроссе*.-Жанна *ла Саж* и т.д..., и т.д.

ГЛАВА XIII.

Краткое содержание - Сумбурные постановления Филиппа Августа - Законодательство королей Франции против *распущенности* и *излишеств* в одежде - *Королевы рибалди* - Защита парижских прокуроров и постановления парламента - Постановление от июня 1420 г. - Постановление от июня 1420 г.-Правило от 26 июня 1420 года -Указ короля Англии Генриха VI -Правило парламента от 17 апреля 1426 года, запрещающее *носить украшения девицам - королевам и принцессам любви* -Парижский ординарий.-Жаннетта, вдова Пьера Мишеля, Жаннетта *ла Нёфвиль* и Жаннетта *ла Флёри*.серебряные пояса.описи гербов Маргариты, жены Пьера де Рена, и дамуазель Лоранс де Виллерс, влюбленной женщины.Жаннетта *ла Пайяр* и Аньес *ла Петит*.-Указ Анри II. Жеаннетон дю Буассон. О тех, кто жил на доходы от *сутенерства*, содержал *бордель*, сдавал в аренду *бутики для греха* или содержал *притоны* для публичных девушек. *Рынок Пурсо*.

ГЛАВА XIV.

Краткое содержание - Состояние легальной проституции в провинциях древней Франции - Обычаи Бовуази - Проституция в Орлеанском герцогстве - Книга Правосудия и Плет - Провинции Севера - Организация публичного разврата в Тулузе, Монпелье, Нарбонне и т. д. - Обычаи Байонны - Обычаи Марселя.-Кутюмы графств Монфор, Родез, Ним, Бокэр и т.д. - *Легкие женщины* Баньоля и Сен-Сатурнина.-Бордо.-Суплицы *аккабуссада*.-Марсель.-Систерон.-Авиньон.-Лион.-Женева.-Кутюмы разнообразные.-*Ломбарды* и проститутки.-Труа, Амьен, Лаон, Мо и т.д.-Города *без шефа*, пораженные легальной проституцией.

ГЛАВА XV.

Резюме.- Центральные провинции Франции.- Шампань.- Турень.- Берри.- Бурбонне.- Пуату.- Орлеаны.- Замужние женщины Монлюсона, ассимилированные с проститутками.- *Адвее де ла терр дю Брей*.-Король Франции и рибо Верней.-*Безумные женщины* Провина и т.д..., и т. д.

ГЛАВА XVI.

Резюме - Влияние итальянских нравов и обычаев на Прованс и Лангедок в Средние века - *Грант-аббатство* на улице Коменж в Тулузе - *Знак пансионеров Грант-аббатства* - Район Кроз - Дом *Шатель-Вер* - Вицисситуты легальной проституции в Тулузе до конца XVI в. - *Больница* легальной проституции в Монпелье.-Предприниматели *Бурдо* в Монпелье.-Клэр Пανε.-Гийом де ла Круа и два сына Клэр Пανε.-Дом Паулета Дандреа.-Привилегированный *бурду* в Авиньоне.-Статуты Жанны Неаполитанской.-Проституция в Авиньоне до статутів 1347 года.-И т.д..., и т.д.

ГЛАВА XVII.

Краткое содержание - Законная проституция и свободная проституция - Влияние рыцарства на общественную честность - *Почетное дитя дамы Беллс-Кузин* - Истинный рыцарь, уничтожающий коррупцию - Отправление *Камиза* - Сквайр Куси и дама Файель.-*Principalia amoris* præcepta мэтра Андре, капеллана Людовика VII.-*Les Cours d'amour et les Parlements de gentillesse*.-*La jurisprudence amoureuse*.-*Arrêts d'amour*.-*Le maire des Bois-Verts, le baillif de Joye, le viguier d'amours*, etc.-*Les Jongleurs*.-Etc., и т.д.

ГЛАВА XVIII.

Краткое содержание - Общественная и частная мораль с XI века и далее - Жан *Флор*, епископ Орлеанский - *Голиаф* проституции - Обильные эксцентричности герцога Аквитанского. - Крестовые походы и крестоносцы -Триста франкских женщин -Наложницы королевских *ост* -*Арьергард* армии в походе -Тысяча проституток капитана Гарнье -Жанна д'Арк в Сансерре - Ордонанс этой героини против грубых женщин из ополчения.-Как рыцарство понимало гостеприимство - Упадок рыцарской морали - Распутство в царствование Карла VI - Анна Пьеделей - Потворство Амбруаза де Лоре, губернатора Парижа, проституткам и т. д.

ГЛАВА XIX.

Краткое содержание - Появление венерических заболеваний во Франции - Происхождение сифилиса или *французской болезни* - Его пугающий прогресс к концу пятнадцатого века - Продвижение венерической болезни через Средние века - Его различные названия.Элефантиаз и другие разновидности проказы - Ментагр и гнусные струпья - *Lues inquinaria* или *inguinaria* - Паломничества к святым местам - Церковь Нотр-Дам де Пари - *Священный огонь* - Порок норманнов - Болезнь норманнов.Порок норманнов.-*Le mal des ardents*.-Его пугающие бедствия.-*Le mal de saint Main et le feu de saint Antoine*.-Призывы к святому Марселю и святой Женевиеве.-Сифилис в пятнадцатом веке.-Прокаженные и дома прокаженных.-Крестоносцы и *мезельерия*.-Строгая санитарная полиция, которой подвергались прокаженные.-О самом общем характере проказы, согласно Ги де Шольяку, Лорану Жуберу, Теодориху, Жану де Гаддесдену и др, и т.д.

ГЛАВА XX.

Резюме.- Научные названия сифилиса, *morbus novus, pestilentialis scorra, pudendagra* и т.д.- Народные прозвища.- Святые, имевшие честь лечить его.- Совпадение его появления в Италии с экспедицией Карла VIII.- Какова точная дата этого появления?- Врачи и историки не согласны.- Традиции, касающиеся его происхождения.Соединения планет.-Вино , отравленное кровью прокаженных.-Бутчери из человеческой плоти.-Бестиализм наказывается сам по себе.-Кобыла и обезьяны.-Европейский сифилис не пришел из Америки.-Врачи сначала отказывались лечить эту болезнь.-Манарди, Матиола, Брассавола и Парацельс говорят, что венерическая инфекция родилась из проказы и проституции.

КОНЕЦ ТАБЛИЦЫ.

Подробное примечание к транскрипции:

В дополнение к исправлению ошибок, явно допущенных типографом, были исправлены следующие ошибки:

- стр. 7 и 385, "François 1er" согласовано как "François Ier",
- с. 7, "des" исправлено на "de" ("seigneur de Grignaux"),
- стр. 71, "ia" исправлено на "i a" ("Dame i a"),

- с. 111, удаление запятой после слов "Les propriétaires lésés", как в последующих изданиях книги,
- с. 116, "archéologique" исправлено на "archéologie" ("порнографическая археология"),
- с. 132, "envahissemens" исправлено на "envahissements" ("на вторжения Проституции"),
- стр. 138, удаление запятой после "cette espèce de femmes s'éloignait",
- стр. 177 и 299, "Sommaire:" заменено на "Sommaire,
- стр. 205, "tuum" исправлено на "suum" ("maritum suum verberante"),
- стр. 258, "bayouno" исправлено на "baylouno" ("lous samdès la baylouno"),
- стр. 331, "solides" исправлено на "sordides" ("les dartres sordides"),
- с. 331 и 351, "Gaddesen" исправлено на "Gaddesden" ("Jean de Gaddesden"),
- с. 358, "Delamarre" исправлено на "Delamare".

Если в то время существовали какие-либо сомнения в написании или ударении, они не были исправлены: Champ Gaillard / Шамп-Гайяр, maquereillage / макереллаж, Bois-Verts / буа вертс, Colin-Boule / Колинбуль, ...